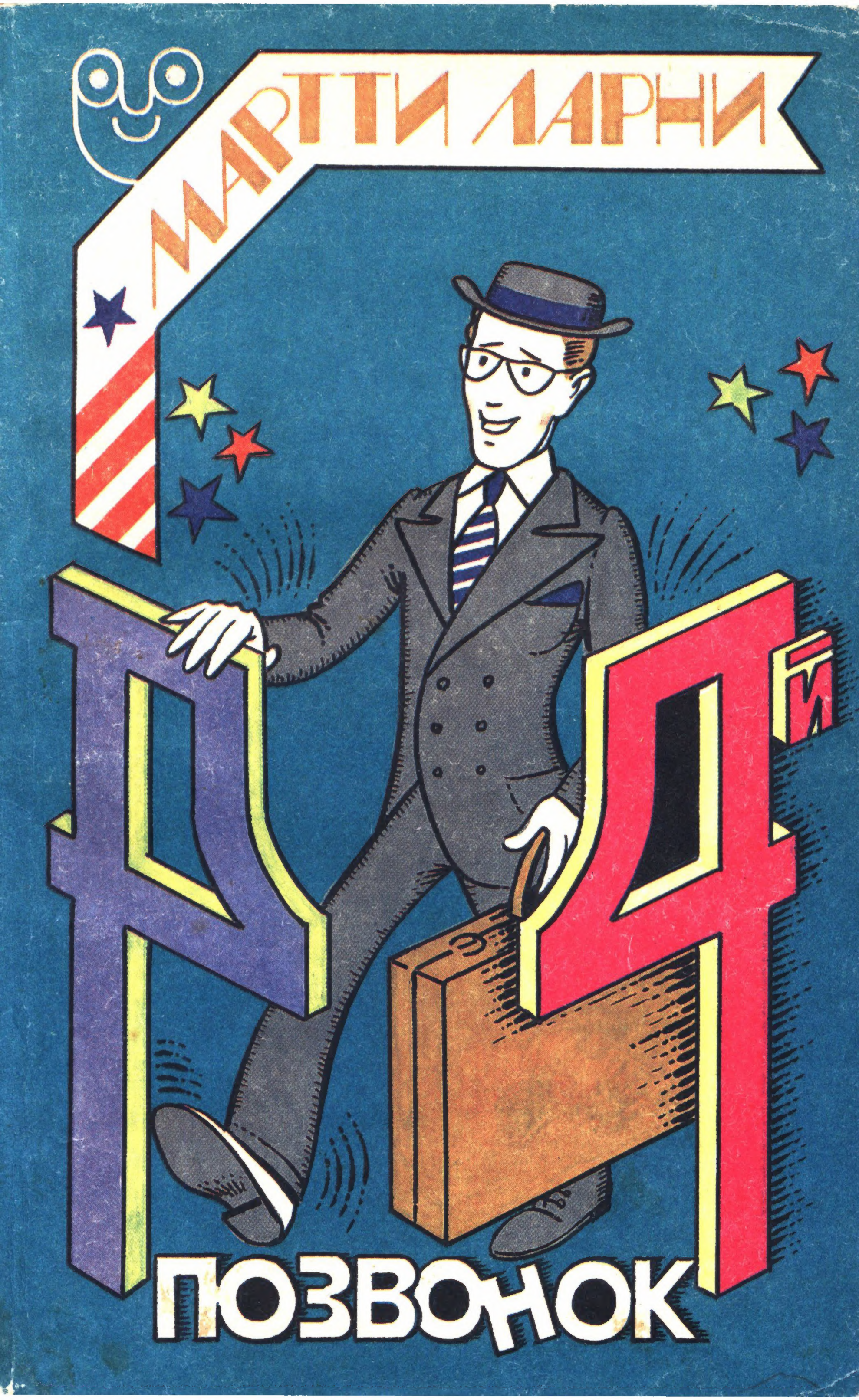
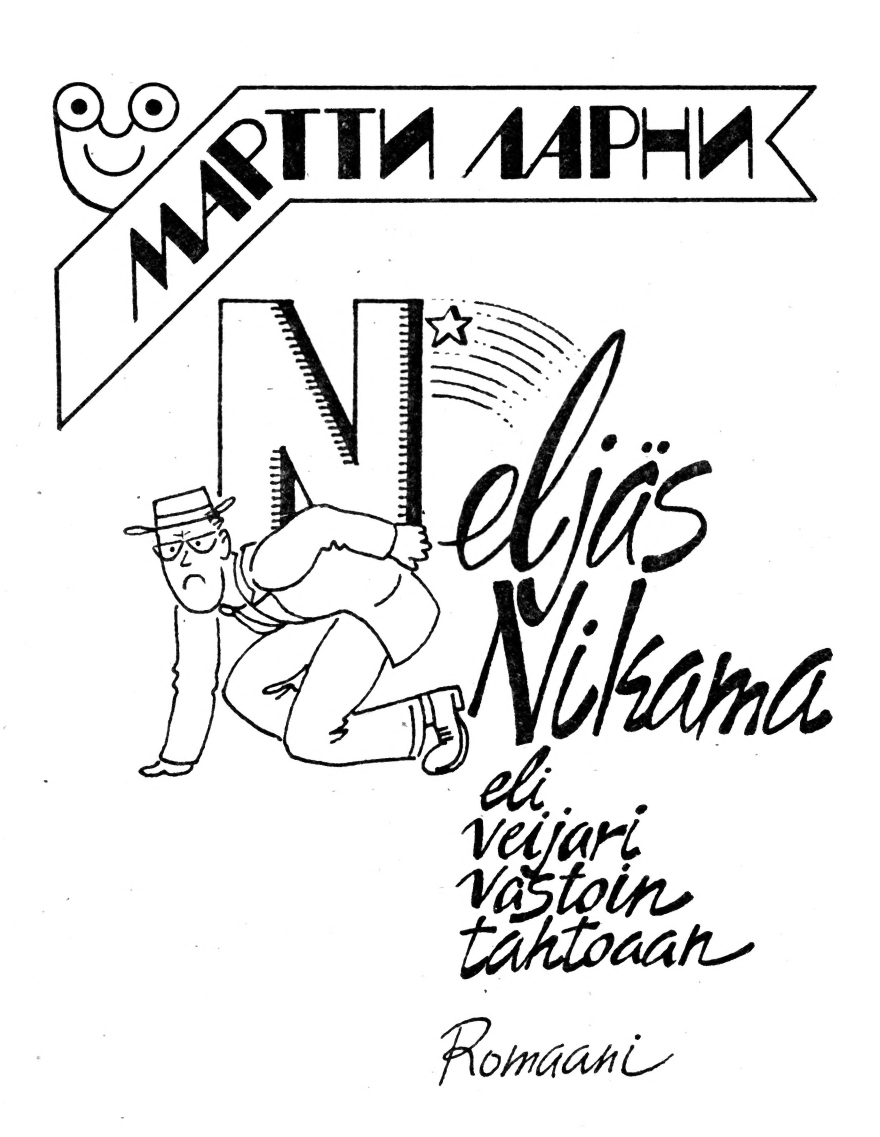

МАРТТИ ЛАРНИ
ПОЗВОНОК

MARTTI LARNI
Neljäs Nikama
МАРТТИ ЛАРНИ
Четвертый позвонок

МАРТТИ ЛАРНИ
Neljäs Nikama
eli
veijari
vastoin
tahtoaan
Romaani

ИПО ПОЛИГРАН
Москва — 1992

ББК 84.4 Фн
Л25

Ларни М.

Л25 Четвертый позвонок, или Мошенник поневоле/Пер. с фин. В. Богачева — М.: ИПО «Полигран», 1992. — 272 с.

ISBN 5-85230-036-5

Имя Мартти Ларни, финского писателя и публициста, хорошо знакомо советскому читателю благодаря переводам В. Богачева, человека удивительно талантливого, полиглота, которому 22 июля 1991 г. исполнилось 70 лет.

Роман «Четвертый позвонок, или Мошенник поневоле» — это едкая сатира на некоторые стороны американского «образа жизни»; писатель рисует нравы Америки 50-х годов используя, преимущественно гиперболы и карикатуры.

Л $\frac{4703010100-003}{091(02)-92}$ **Без объявл.** **ББК 84.4 Фн**

ISBN 5-85230-036-5

Друг мой! Друг мой! Не пытайся достоверно изобразить нас! Лучше говори, преувеличивая.

Джером К. Джером

ГЛАВА ПЕРВАЯ

в которой рассказывается о том, как герой нашей повести Иеремия Суомалайнен[1] сделался гражданином вселенной

Родителям нашего героя следовало бы хорошенько подумать, прежде чем дать имя своему ребенку. Ему досталось имя Иеремия Йоукахайнен, и вот при каких обстоятельствах. Накануне крестин молодой отец крепко гульнул с приятелями. Наутро ему пришлось безропотно выслушать от жены целый поток слов, низводивших неопытного супруга до уровня последнего ничтожества. Поэтому, когда родители несли крестить ясноглазого мальчика, они мрачно глядели в разные стороны. Над супружеской жизнью, начавшейся год назад, нависли первые тучи. Это заметил только священник, — ребенок, по счастью, был еще как бы в стороне от жизни, мир для него ограничивался пеленкой да руками матери. Когда священник, готовый совершить обряд, осведомился у родителей о том, как они хотят назвать сына, губы матери напоминали плотно сжатые тиски, и отвечать пришлось ее супругу, хотя он был к тому не более расположен:

— Что, если назвать его по отцу? Иеремия Йоукахайнен... — произнес он через силу. — Впрочем, второе имя можно и опустить...

Поскольку иных предложений не поступило, первый сын коммерсанта Иеремии Йоукахайнена Суомалайнена получил имя своего отца. Это произошло в «городе Виипури, сентября четвертого дня, в лето Господа нашего 1908-е».

Семь лет спустя крупнейшее в Виипури предприятие по переделке детей в отъявленных сорванцов — городская народная школа — перекрестило мальчугана в Йере Суомалайнена.

Мальчик много выстрадал из-за своего имени; вероятно по этой причине он и вырос грамотным человеком. Он захотел стать педагогом и поступил в университет. В наказание за это его по окончании послали учительствовать чуть ли не в самую Лапландию на целых четыре года.

---

[1] Суомалайнен — финн (от Suomi — Финляндия). — *Прим. перев.*

Являясь обыкновенным, заурядным человеком, он сумел это понять, что само по себе весьма большая редкость, так как обычно никто по собственной воле не желает признавать себя посредственностью. Йере признал. И продолжал учиться. Четыре года спустя он уже был обладателем трех дипломов. К этому времени его неотъемлемыми признаками стали выпуклые очки, тросточка и неодолимое желание говорить по-английски. Он занимался языками и литературой до тех пор, пока не обанкротился отец.

К этому времени Йере уже вступил в тот возраст, когда человек начинает терять волосы, зубы и иллюзии. Однако он сохранил все эти атрибуты молодости и сделался журналистом. После смерти матери отец его попал в дом призрения, а Йере все еще не помышлял о женитьбе: слишком часто ему случалось видеть, как пылкий молодой человек приходил просить нежной руки девушки, а встречал крепкое колено ее отца.

Йере Суомалайнен работал в иностранном отделе газеты «Новости дня». Хотя он питал склонность к наукам, а вовсе не стремился воевать, ему довелось принять участие в двух войнах. Честно, как и все ученые люди, исполнял он воинский долг в батальонной кухне, а потом на посту ротного писаря и за неделю до демобилизации получил звание капрала. После войны «Новости дня» послали его своим корреспондентом в Лондон. Через год его отозвали, потому что из Лондона он не писал ничего, кроме писем своим немногочисленным знакомым. Как журналист он долго оставался неизвестным, подобно тому как оставались неизвестными многие писатели, впоследствии ставшие знаменитыми. Но по-

том его «открыли». Некий профессор права, полагавший, что правдой можно заработать столько же, сколько и ложью, назначил Йере Суомалайнена главным редактором своей газеты «Правдивое слово». Отныне его жизненным кредо и единственной целью стало говорить правду. «Правдивое слово» упивалось разоблачениями и страдало от цензуры. Разоблачениями занимался Йере, а борьбой с цензурными запретами и штрафами — владелец — издатель газеты. Обоих многие ненавидели и побаивались.

Популярность «Правдивого слова» была велика, ибо люди относились к правде с живым интересом. Девизом газеты была крылатая фраза Шопенгауэра: «Правда — не потаскушка, которая вешается на шею каждому, даже тому, кто не желает ее знать», а также собственное изречение профессора права Колунова: «Без правды я готов выть волком».

Имя Йере Суомалайнена окружил светлый ореол славы. Какой-то проповедник из Куусамо назвал его «самым правдивым газетчиком на свете», хотя в городском суде склонялись к тому мнению, что магистра Суомалайнена следует безотлагательно лишить свободы, как «величайшего на свете лжеца».

«Правдивое слово» высказывалось то за, то против — по большей части за Финляндию и против некоторых других стран. При этом газета так обнажала собственную спину, как ни одна из дам на балу в Адлоне. Редакция забыла, что газета не может состязаться с нынешними дамами в самообнажении, не рискуя попасть под суд. Правдолюбие Йере Суомалайнена постепенно превратилось в петлю, затягивающуюся вокруг его шеи: его заклеймили как антипатриота, как опасного фантазера, для которого самым разумным было бы помалкивать, а еще лучше — расстаться с родиной.

Но Йере хотелось сказать еще многое. У него было больше невысказанных мыслей, чем у трудолюбивого крестьянина — зерна, а у лодыря — сора.

И он говорил неутомимо. Говорил до тех пор, пока его не заставили отдохнуть в Катаянокской тюрьме. Восемь месяцев Йере молчал. Когда он снова получил возможность пользоваться гражданскими правами, его «открыли» вторично.

На сей раз «открывателем» был некий гостящий в Финляндии американский финн, с которым Йере случайно встретился за одним столиком в ресторане «Алко». Это был господин, по имени Исаак Риверс, по профессии массажист, по званию «врач-физиотерапевт», по внешности сановник, а по природной склонности большой любитель пива, привыкший заботиться о том, чтобы горло его всегда было смочено, так же как волосы напомажены. Знакомство состоялось после третьей кружки пива, и они сразу же перешли на «ты».

— Ты живешь вовсе не в той стране, в какой следует, мистер Суомалайнен, — сказал физиотерапевт, бегло ознакомившись с биографией Йере. — Я бы с твоими способностями давно переехал в Америку, где сосредоточено все, что есть величайшего в мире.

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, — отвечал Йере. — Я ведь по профессии преподаватель иностранных языков и журналист, а в Америке, кажется, нет недостатка ни в тех, ни в других.

— О, конечно, недостатка нет. Это верно. Но я же сказал, что Америка держит во всем мировое первенство, и поскольку ты, как я узнаю, величайший на свете правдолюбец, дядюшка Сэм наверняка примет тебя с распростертыми объятиями.

Йере на минуту отдался размышлениям, а затем задумчиво произнес:

— Я душой и телом финн — об этом говорит даже мое имя. Не могу я бросить родину.

Мистер Риверс снисходительно улыбнулся:

— Родина для человека там, где он может свободно говорить правду. Из тебя быстро получится гражданин вселенной, только тебе надо переменить имя на... Джерри Финн! Да, но говоришь ли ты по-английски?

— Почти так же хорошо, как англичане, и лучше, чем американские финны, — отвечал Йере с некоторой гордостью, потому что в его крови накапливались градусы и он достиг той

степени опьянения, когда у человека на кончике языка скачет маленький хвастунишка.

— Ну вот, о'кэй! — воскликнул мистер Риверс, который сорок два года назад мальчишкой батрачил в здешних краях и которого в родной деревне Илмойла звали когда-то Ийсакки Йокинен.

И случилось так, что судьба поплевала на палец и перевернула страницу, — как сказал бы наш писатель Хенрикки Юутилайнен. Мистер Исаак Риверс и журналист Йере Суомалайнен стали хорошими друзьями. Йере всерьез решил сделаться гражданином вселенной, и мистер Риверс сам предложил быть его поручителем.

На другой день они отправились в консульство Соединенных Штатов. Мистер Риверс излагал консулу суть дела, а Йере служил им переводчиком. Йере сделал решительный шаг: подал в консульство заявление со всеми нужными бумагами и предупредил профессора Колунова о своем уходе с поста редактора газеты, — как только будет получено иммиграционное разрешение.

Профессор права, толстяк, обладавший званием почетного доктора одиннадцати иностранных университетов и маленькими живыми глазками, пронзил Йере взглядом и с удивлением спросил:

— Зачем это?

— Мне нужно переменить климат, — отвечал Йере.

— Неправда! Вы величайший на свете лжец! Вы обманываете даже тогда, когда говорите правду.

— Главное — быть хоть в каком-нибудь отношении величайшим в мире, — не без скромности заметил Йере.

— Вы вечно чем-то недовольны, — продолжал одиннадцатикратный почетный доктор. — Вам нужен райский климат и избранное общество преисподней, иначе вам все не по душе. Так, стало быть, перемена климата?

— Вот именно. Особенно не по душе мне пришелся климат тюрьмы.

— А как же идеалы? Год назад вы обещали посвятить всю свою жизнь правде и только правде. Эмиль Золя говорил: «Правда отправилась в далекий путь...»

— Я тоже отправлюсь, — перебил Йере.

Правдолюбивый юрист двинулся на Йере, словно танк, глядя ему прямо в глаза и подавляя всякую попытку захватить инициативу в разговоре.

— Господин магистр, — проговорил он не без иронии, — у французов была поговорка: «Лучшее лекарство от перхоти — гильотина». А я вам скажу: лучшее отрешение от правды — покинуть редакцию «Правдивого слова» немедленно, не дожидаясь иммиграционного разрешения.

В жизни Йере это был шестнадцатый случай, когда ему давали полный расчет. Он поспешил в гостиницу «Хельсинки», чтобы повидать мистера Риверса, но тот испарился, точно эфир. Лишь в книге записи приезжающих появилась лаконичная отметка: «Уехал обратно в США». Йере снова оказался носителем свободы мысли и частной инициативы. Поскольку в результате правдолюбивой газетной деятельности у него не оставалось ни малейших шансов вернуться к учительству, он стал давать частные уроки тупоголовым второгодникам и едущим за границу коммерсантам; знание языков у тех и других было примерно равноценное. Некоторым приходилось придерживать пальцами челюсть, чтобы с грехом пополам выговорить два-три английских слова. А иные оптимисты надеялись овладеть иностранным языком, таская учебник в кармане. Йере не пытался поколебать в них этой уверенности, поскольку ему надо было как-то жить.

Через полгода Йере получил от мистера Риверса следующее письмо:

Бруклин енваря шезтово 1952

Мр Джерри Финн
Привет отсюда с большого мира нью Йорка уже ли ты готов приехать следовало бы расширять бизнес и нуждаюсь твоей помощи и писал туда в Консульство в хельсинки и просил их ускорить и так дела ол райт но возможности лучше полный сеанс делать деньги напару, полагаю потом будешь иметь большой Саксесс как говорили итак Пиши сразу как едешь.

Тебя приветствуя
Мр Исаак Риверс Doctor
881-41 Ст. Бруклин Н. Й.

Йере ответил *doctor'у* Риверсу, что ждет своей очереди. С этого момента он сделался грустным, ушел в себя и начал читать Шопенгауэра. Ему доставило бы удовольствие написать *doctor'у* Риверсу несколько правдивых слов, но он испытывал невольное почтение к человеку, который прожил на свете шестьдесят четыре года. Впрочем, он теперь отлично понимал тех, кто уважает только возраст вин да коньяков.

Чтобы не замедлять течения нашей повести, мы опустим целый ряд важных подробностей, перешагнем через психологические обоснования и перенесемся из января прямо в июнь. Незадолго до Иванова дня Йере Суомалайнен свято поклялся, что не собирается свергать правительство Соединенных Штатов силой оружия, что на его репутации нет политических пятен и что им движет искреннее желание стать гражданином вселенной, обе ноги которого твердо стоят на земле, а обе руки воздеты к небу.

После долгих перекрестных допросов чиновники подвергли исследованию его воинский билет, отпечатки пальцев, легкие, сердце, мочу, кровяное давление и семейное положение. Установили, что Йере Суомалайнен не находился под опекой, что у него не было внебрачных детей и алиментных обязательств, что в его роду никогда не замечалось умопомешательства, алкоголизма, многоженства, шестопалости, клептомании, боязни темноты.

Для читателя, может быть, важно сразу же узнать и приметы Йере Суомалайнена. Рост — шесть футов и два дюйма; вес — сто восемьдесят три американских фунта; раса — белая; цвет глаз — при электрическом освещении серо-стальной, при дневном — голубой; цвет волос — довольно светлый шатен, в напомаженном состоянии беличье-рыжеватый; форма лица — довольно продолговатая; нос — прямой и обыкновенный; зубы — собственные. Прочие приметы: бороды не носит, фон ногтей относительно светлый; на голенях и предплечьях обыкновенный волосяной покров; говорит по-фински, по-шведски и по-английски; носит очки и не видит в темноте; по натуре неагрессивен, несколько застенчив, а иногда склонен к широким жестам: дал без пререканий отпечатки пальцев, дюжину фотографий и назвал размер ботинок; без сопротивления согласился на прививку оспы и сыпного тифа и поклялся честью и совестью, что все данные им сведения верны.

Итак, Йере Суомалайнен превратился в гражданина вселенной. До отъезда из Финляндии он сменил имя и фамилию на Джерри Финн, о чем в «Официальном вестнике» и в «Новостях дня» были даны соответствующие объявления. В силу этого читателю придется отныне распроститься с господином Иеремией Суомалайненом. И мы ничего не добавим к его доброй и славной родословной. Ибо мы ведь отлично знаем, что бóльшая часть каждой родословной всегда находится под землей, тогда как мистер Джерри Финн поныне ходит по земле.

ГЛАВА ВТОРАЯ

в которой Джерри Финн становится ассистентом хиропрактика и приобретает молоток

В жизни человека, впервые пересекающего океан, наиболее запоминающимся моментом является прибытие корабля в нью-йоркскую гавань. Но поскольку на эту тему до нас уже написано более шестидесяти тысяч книг воспоминаний и столько же рекламных проспектов туристских бюро, мы ограничимся тем, что покажем мистера Джерри Финна уже в тот момент, когда он, выдержав строгий четырехчасовой перекрестный допрос и обыск, сошел наконец с корабля на берег. Ко всем мелким формальностям он отнесся по возможности добродушно, понимая, что в подобных случаях известная подозрительность властей естественна и уместна. Вначале его подозревали в том, что он злостный контрабандист, тайно перевозящий драгоценные камни и наркотики; затем его принимали за политического эмигранта, шпиона, распространителя порнографической литературы, физика-атомника, за повсеместно разыскиваемого убийцу... пока наконец не поняли, что он всего лишь один из множества невинных искателей счастья, которые, возможно, и не попадут в рай, но по крайней мере вполне могут заседать в церковном совете.

Подозрение вызвала его фамилия, потому что в картотеках тайной полиции Соединенных Штатов числилось более двух тысяч мужчин, носящих имя Финн. Но если бы Йере сохранил свою прежнюю фамилию, его сразу же отсеяли бы, так как подобные

имена, по мнению иммиграционных властей, никто, кроме финнов, не может произнести.

И все-таки на душе у Джерри было удивительно легко, когда он в одном нижнем белье расхаживал по следственной комнате, где полицейские и таможенные чиновники вели свои дознания и из окон которой открывалась внушительная панорама нью-йоркских небоскребов. Следователи тоже были в веселом настроении. Их, вероятно, развлекал вид этого нового переселенца в кальсонах, сильно потертых ниже спины, что ясно свидетельствовало о принадлежности нашего героя к классу сидячих тружеников.

Окончив милые формальности, чиновники поздравили Джерри со вступлением на американскую землю и, пожелав удачи, сдали его с рук на руки ожидавшему на берегу Исааку Риверсу.

Мистер Риверс был рожден оптимистом: он всегда видел в человеческих невзгодах светлые стороны.

— Радуйся, ты очень легко отделался. Многие попадают на остров Эллис-Айленд и там ожидают решения своей судьбы. Но где же твой багаж?

— Со мной, — ответил Джерри с безмятежной улыбкой, помахивая небольшим портфелем.

— Это все?

— Все.

— Понятно, почему ты навлек на себя подозрения полиции. Переселенцы обычно везут с собой горы всякого барахла. Конечно, дорогие воспоминания...

— Мои воспоминания — в сердце, — сказал Джерри, продираясь вслед за приятелем сквозь человеческие джунгли.

— Сегодня мы не будем осматривать город, а поедем прямо в Бруклин, — сказал Исаак Риверс, когда они, усиленно работая локтями, выбрались с территории порта и достигли автомобильной стоянки.

Джерри, без сил, вполз в машину и уселся на переднем сиденье рядом со своим будущим компаньоном. Через минуту они уже попали в самую сутолоку нью-йоркского движения. Манхэттен — деловая часть Нью-Йорка, а Бруклин — его спальня. Они направились в эту спальню гигантского города, где четыре миллиона человек спали и шумели круглые сутки и где финн по рождению доктор Риверс вот уже почти три десятка лет занимался частной практикой.

У Джерри была склонность к пессимизму. В самом деле, сколько раз он из двух зол выбирал оба, сколько раз ему доставалась от бублика одна дырка, а от ореха — пустая скорлупа! И теперь, сидя рядом с доктором-самоучкой и слушая его лекцию относительно хиропрактики, Джерри начал скатываться к самому мрачному пессимизму. Он не знал даже азов этой самой хиро-

практики, а нынче вдруг оказался компаньоном и ассистентом «доктора»!

Они счастливо проскочили на Бруклинскую сторону и уже приближались к Сорок первой улице. Но тут внезапно движение остановилось. Началась перекличка автомобильных гудков, переходящая в сплошной болезненный вопль. Аккомпанементом к нарастающему трубному реву служили свистки и крики. Джерри бросил встревоженный взгляд на товарища и спросил:

— Случилось несчастье?

Мистер Риверс покачал головой:

— Не думаю. Готов держать пари, что это просто какое-то шествие, которому мы должны дать дорогу. Закурим.

Он угостил Джерри сигаретой и спокойно продолжал:

— К этому надо привыкать. Здесь тебе не Старый Свет.

Среди общего шума послышались приближающиеся звуки фанфар и барабанная дробь. Вот показалась и голова шествия. Впереди двигался торжественным маршем отряд из полусотни красавиц в купальных костюмах. Поднося к губам длинные медные трубы, они покачивали в такт марша своими красивыми бедрами. Мистер Риверс многозначительно откашлялся:

— Когда женщина одевается таким манером, она особенно нравится мужчинам и комарам. Я подозреваю, что это шествие связано с забастовкой портовых рабочих.

Но когда показались первые плакаты, мистер Риверс поспешил рассеять недоразумение:

— Я, кажется, ошибся. Это всего лишь обыкновенная реклама.

Джерри сидел согнувшись, как в церкви, и пытался сквозь окошко автомобиля разглядеть девиц в купальных костюмах и плакаты над их головами. Мистер Риверс рассмеялся:

— Теперь мне становится ясной вся затея. Это просто сионская музыка, возня смиренных грешников, понимаешь ли, новое религиозное направление, которое вот уже недели две бьет во все барабаны.

— Значит, церковная реклама? — удивился Джерри.

— Да, что-то в этом роде. Ерунда, не стоит смотреть.

Но Джерри смотрел. Прекрасная блондинка, на обнаженной спине которой не было видно ни единого позвонка, держала над головой громадный плакат со следующим многозначительным текстом:

Миллионы людей придут сегодня в Хагар-сквер, где всемирно известный пастор Гин Петерсен будет говорить о новом христианстве. Приходи и ты! Вступи в наше братство и оставь ему свое завещание!

На другом плакате красовалась еще более сильная фраза:

Наше братство гарантирует вечное блаженство.

Мистер Риверс достал из кармана пилочку и занялся своими ногтями, а Джерри продолжал читать призывы дня:

Приходите слушать могучую проповедь пастора Петерсена. Он отец одиннадцати детей и недавно вернулся на родину после успешной миссии в Африке. — Всемирно известная кинозвезда Лилиан Тутти вступила в наше братство. Вступай и ты! — Мы боремся за новое христианство и нам не страшны угрозы инаковерующих...

Джерри тер глаза и тряс головой. Ему казалось, будто он когда-то видел нечто подобное во сне. Он попытался говорить, но не смог. Мистер Риверс усмехнулся:

— К этому надо привыкать...

Шествие красивых девушек в купальных костюмах продолжалось. Мало-помалу Джерри сделал интересное открытие: все девицы были как две капли воды похожи друг на друга. Мистер Риверс мудро пояснил, что единообразие определяется всеобщим стандартом, отступать от которого не может никто.

Процессия текла и текла, и вот с ними уже поравнялся второй оркестр. Он играл в бодром темпе какую-то грустную мелодию Шопена. Следом за оркестром двигался обитый черным сатином грузовик, на платформе которого помещалась колоссальных размеров библия. По борту машины была выведена серебряными буквами надпись:

Сатана приходит в ярость, узнав, что мы теперь за полцены продаем новый перевод библии.

Джерри закрыл глаза. Ему пришли на память слова матери: «Множество людей верит в Бога, но немного находится таких, которым верит Бог».

Видимо, процессия заканчивалась, потому что стали громче слышны аплодисменты и свистки сопровождавшей ее публики.

Замыкала шествие шеренга из десяти сестер, как одна крашеных блондинок, несших над головами плакат:

Эту рекламную процессию организовали и финансировали следующие фирмы и компании...

Следовал длинный перечень имен, названий, фирменных знаков, и наконец все завершалось красивым финалом:

Покупайте товары у тех фирм, которые поддерживают новое христианство!

Автомобильный хвост длиной в добрых две мили медленно двинулся и стал набирать скорость. Мистер Риверс повторил уже в девятый раз:

— К этому надо привыкать. Здесь тебе не Старый Свет. А? Ты что-то неразговорчив.

— Да, это точно... Совсем наоборот... Я подумал об этой небесной ярмарке... — выжал из себя Джерри.

— Туда многие торопятся, да вот беда — оттуда никто не возвращается, — сказал мистер Риверс. — Да что об этом толковать.

— Во всяком случае, немного странно... — вздохнул Джерри.

— Ничего странного тут нет. Пора бы тебе знать, что христианин — это человек, сердечно любящий всех тех, к кому не испытывает ненависти.

Наконец мистер Риверс остановил свой купленный в рассрочку «понтиак» у пятиэтажного дома и сказал:

— Вот и прибыли. Это наш Бруклин.

Мистер Риверс занимал квартиру на втором этаже. На дверях красовалась металлическая дощечка: «Доктор Исаак Риверс, хиропрактик. Прием ежедневно». Рядом была приколота бумажка: «Сегодня приема нет». Мистер Риверс снял бумажку и сказал мистеру Финну:

— Из-за тебя сегодня прогулял. Несколько долларов, конечно, пропали, ну да ничего: попытаемся вернуть их общими силами.

Джерри почувствовал глубокую симпатию к человеку, который ради него пожертвовал целым днем, да еще и долларами. Джерри знал, что деньги работают и наращивают проценты как в будни, так и в праздники. Люди не зарабатывают деньги, а «делают» их.

Докторское жилище мистера Риверса явилось приятным сюрпризом для мистера Финна. В пятикомнатной квартире, обставленной по хорошему стандарту, было просторно и очень чисто. Кухня выглядела, как маленькая лаборатория, а приемная была, точь-в-точь как приемная настоящего врача.

Мистер Риверс уступил Джерри собственную спальню с обычной деловой оговоркой:

— До тех пор, пока ты не встанешь на ноги и не обзаведешься своей квартирой.

После этого конструктивного замечания, наметившего определенную перспективу, компаньоны уселись в уютном холле и, потягивая пиво из больших кружек, начали составлять соглашение о совместной работе и взаимной помощи. Будущие функции гражданина вселенной Джерри Финна строились вне всякой связи

с его прошлой деятельностью. Джерри раньше всегда относился скептически к избитой фразе современных романов: «...отныне он начал жизнь сначала». Но вот он сам попал в такую ситуацию, когда все, решительно все надо было начинать с самого начала. Какими удивительными провидцами, оказывается, бывают писатели!

Мужчины особенно интересны, когда у них есть будущее, женщины же — наоборот, когда у них имеется прошлое. Джерри опасался, что для него теперь нет ни прошлого, ни будущего. Его прошлое оборвалось в тот момент, когда у него сняли отпечатки пальцев, а будущее упиралось в хиропрактику. Мистер Риверс выработал для него новый житейский устав. Отныне на Джерри Финна ложились заботы о кухне и приготовлении пищи, уборке комнат и респектабельности приемной, а главное — о рекламе совместного предприятия.

— Я буду платить тебе тридцать долларов в неделю — это оклад, плюс по доллару за каждого нового пациента, — закончил мистер Риверс получасовое наставление, в продолжение которого Джерри чувствовал себя так, словно его приперли к стене скамейкой. Он соглашался на любые работы по хозяйству, но, когда мистер Риверс заговорил о рекламе, тут небо показалось ему с овчинку.

— Я, пожалуй, не гожусь для рекламы, — пролепетал он почти в отчаянии, расстегивая ворот рубашки.

Для мистера Риверса это было прямо-таки сюрпризом.

— Не годишься? Но ведь только на этом и основано расширение нашего бизнеса. Ты добываешь больных — я их лечу. В этом все дело! А попутно я обучу тебя профессии. За два года сделаю тебя доктором.

— Доктором?

— Ну да! Современным доктором, физиотерапевтом.

Джерри зажмурил глаза, как девушка, рука которой нечаянно коснулась руки юноши. Но мистер Риверс не забывался ни на миг. Он достал из холодильника еще пару бутылок пива, пожевал соленых земляных орешков и повторил уже в пятнадцатый раз:

— К этому надо привыкать. Здесь тебе не Старый Свет.

Джерри покачал головой.

— Как же я сумею рекламировать хиропрактику?

— Как угодно. Ты ведь учился чему-то там, в Старом Свете.

— Да, но у нас хиропрактика не преподавалась

— Я думаю. Там ведь во всем ужасная отсталость. Удивительно, как они еще раздобыли хоть несколько подержанных автомобилей.

Джерри хотел было обидеться, но потом вспомнил, что он ведь гражданин вселенной и не к лицу ему национальные предрассудки. Он встал и подошел к окну, за которым открывался бруклинский пейзаж. Непрерывным студенистым потоком двигались автомобили, на тротуарах кишела толпа. Казалось, все куда-то спешат. Люди

дорожили временем, полагая, что время — деньги. Тем не менее у большинства времени было гораздо больше, чем денег.

— Если хочешь, можешь прогуляться на свежем воздухе, — предложил мистер Риверс после минутного молчания. — Только не ходи далеко, а то заблудишься.

Мистер Риверс говорил отеческим тоном, подобно старым холостякам, которые с удовольствием дают молодежи благие советы, если уж не могут более служить ей дурным примером.

Джерри одобрил предложение мистера Риверса и начал собираться. Хиропрактик проводил его до порога, продолжая свои добрые наставления:

— Через час наступит темнота, и тогда надо быть осторожным. Видишь ли, тут тебе не старое тихое захолустье. Тут вечно что-нибудь случается. Я никогда не хожу без оружия.

— Оружие? — повторил в изумлении Джерри.

— Конечно! У меня всегда пистолет в кармане. На случай нападения грабителей. Не мешало бы и тебе завести оружие.

Джерри усмехнулся с чувством определенного превосходства.

— У меня пока нет врагов... в этой стране.

— У тебя, но не у твоих денег. Лучше обзавестись оружием заблаговременно.

Джерри сообщил своему компаньону, что в карманах у него лишь три долларовых билета да несколько монеток мелочи, и храбро устремился на улицу, где все старались обогнать друг друга.

Душный августовский вечер был пропитан запахом асфальта. Люди торопливо возвращались с работы домой, чтобы заняться воспитанием детей. Джерри остановился было у витрины, но тотчас получил тумака и справа и слева. В спальне Нью-Йорка было людно и тесно.

Он свернул в тихий переулок, где на тротуарах сидели негры, занятые болтовней. Цвет их кожи сливался с чернотой окружающего пейзажа. Бродячие собаки, роясь в кучах набросанного повсюду бумажного сора, искали чего-нибудь съедобного и поочередно подбегали к маленькому киоску, чтобы поднять около него ту или другую заднюю лапу. В киоске продавались фрукты и газеты, духи и открытки. Джерри продолжал путь, полагаясь на свою память и способность ориентироваться. В какой-то подворотне заливался горькими слезами мальчик лет двух. Джерри нагнулся и дал ребенку цент. Когда мальчишка увидел, что монета медная, он швырнул ее с презрением на мостовую и заревел пуще прежнего.

Джерри был в глубине души чувствительным человеком. Он любил птиц и детей. Голуби означают мир, а дети приносят своим родителям снижение налогов. Джерри погладил плачущего ребенка по плечу и спросил о причинах его горя. Мальчик оказался откровенным. Он прекратил на минутку плач и ответил:

— Отец обманул меня. Он сволочь.

— Ну, деточка, не надо так говорить об отце.

— Конечно, он обманул меня... — продолжал мальчик упрямо.

— Что же он сделал? — допытывался Джерри.

— Купил мне воздушный шар и сказал, что это самый большой в мире.

— И ты не рад?

— Нет, у Томми шар еще больше.

Джерри одобрительно улыбнулся и пошел дальше. Мальчишка повалился на спину и заорал еще громче. Казалось, у него были величайшие в мире детские легкие.

Обитатель какого-то подъезда вышел и загородил дорогу Джерри, требуя сигарету. Джерри полез в карман и невольно вспомнил мудрый совет мистера Риверса: заведи себе оружие, ибо тут ежедневно что-нибудь случается. Джерри не любил оружия и даже как-то побаивался его. Он умудрился и действительную военную службу пройти невооруженным. Но ведь то было в Старом Свете, где прогресс идет такими медленными шагами...

Начало смеркаться. Джерри повернул назад и старался идти по самому краю тротуара, держась подальше от домов. Вскоре его внима-

ние привлекла витрина маленького игрушечного магазина. И вот замечательная находка! На витрине среди всякой мелочи лежал хорошенький молоточек. Джерри живо вспомнил сапожника Йоонаса Сухонена, имевшего мастерскую на окраине города Куопио. Маленький тщедушный человечек — полтора метра росту, — Йоонас Сухонен всегда носил в нагрудном кармане молоток как средство самозащиты. Джерри зашел в магазин и спросил, сколько стоит молоточек. Торговец внимательно осмотрел игрушку и очень любезно ответил:

— Цена молоточка пятнадцать центов, но ради рекламы я вам продам его за десять.

— Заверните.

Лавочник был человек пожилой, худощавый, с морщинистым лицом. Нетрудно было заметить, что он мастер своего дела. Он проявлял исключительную вежливость и безропотность при необыкновенной разговорчивости. Его лицо напоминало высушенную сливу, давным-давно не видавшую солнечных дней.

— Это отличная игрушка для ребенка, — произнес он радостным голосом, заворачивая молоток в бумагу. — Превосходная игрушка, лишь бы дети не разбили им окна или не стали колотить друг друга по голове. У вас много детей?

— Нет, не очень много, — ответил Джерри, почему-то краснея.

— Двое или больше?

— Собственно говоря, ни одного.

— Прекрасно! Я понимаю. Ваша супруга в ожидании... Это очень разумно: купить игрушки заблаговременно. Только бы родился мальчик! Хотя и девочка ничуть не хуже. И с теми и с другими одинаково много забот. Пока дети малы, у родителей от них вечно болит голова. А когда они вырастают, у родителей начинает болеть сердце. Нет, сам-то я не могу ни на что пожаловаться, — нет! У меня два сына и дочь...

— Прошу вас, — перебил Джерри, давая лавочнику десять центов.

— Спасибо, сэр. Вы говорите так культурно. Вероятно, вы учились где-нибудь?

— Да, в какой-то мере.

— Может быть, и в университете, сэр?

— Несколько лет и в университете.

— Вы, наверно, учитель, сэр?

— Да, сэр, вы угадали.

— Вот видите, сэр, — продолжал старик бодро, — встречаю так много людей, что научился распознавать профессию каждого по движениям рук и по манере говорить. У вас руки и речь учителя. Не так ли? Мои сыновья тоже в университете. Фрэнк уже на третьем, а Эдвин на втором курсе. Фрэнк делает отличные успехи, просто великолепные. Его портрет даже помещали раза два в газетах. У него есть будущее. Заметьте: будущее.

— Что он изучает?

— Изучает? Я не знаю, но он уже сейчас капитан футбольной команды. Ах, сэр, какая это радость для родителей! Конечно, и у Эдвина тоже есть возможности. Он играет в баскетбол.

— Так, значит, они ничему не учатся?

— О чем вы говорите, сэр? Я же вам только что ясно сказал, что они в университете.

— Но неужели они не имеют в виду изучить какую-нибудь профессию?

Теперь торговец игрушками счел своим долгом изумиться. Он глядел то на руки, то на лицо Джерри, словно недоумевая, как на этой глупой голове еще держатся волосы. Он бросил десятицентовую монету в кассу и подошел поближе к Джерри.

— Сударь мой, — проговорил он, стараясь придать своему голосу наиболее вразумительное звучание. — Ну может ли быть у молодого человека более блестящее будущее? А если мои ребята уже не смогут с успехом играть в футбол, они всегда будут иметь возможность сдать какой-нибудь экзамен. Эдвин подумывал о том, чтобы экзаменоваться на врача.

— Это долгий путь, — заметил Джерри.

— Да, по-видимому. Эдвин полагал, что на это может уйти года два.

— Вероятно, он хотел сказать: два десятка лет?

— Нет, нет. Сын моей родной сестры сдал на врача в течение одного года. Кстати, меня зовут Кроникопелос. Я родился в Греции. А ваша фамилия?

— Финн. Я рад познакомиться с вами, мистер Кроникопелос.

— Так вы, значит, Финн. Я знаю несколько Финнов здесь, в Бруклине. Альберт Финн, между прочим, исключительно похож на вас. Сейчас он сидит в тюрьме Синг-Синг. Он ваш родственник, сэр?

— Нет, сэр...

— Потом я знаю еще Ивана Финна. Красивый парень. Попался год назад за похищение человека. Он, вероятно, родня вам?

— Нет, сэр...

— И еще Джерри Финн, тоже довольно похож на вас. Пожалуй, чуть-чуть повыше. Парню здорово не повезло на прошлой неделе: попробовал ограбить банк и сразу попался. Может быть, он вам родственник?

— Да... Конечно...

Джерри почувствовал, что краска заливает его щеки. Он засунул игрушечный молоток в карман и продолжал, коверкая слова:

— Мистер Кроникопелос, мне было чрезвычайно приятно познакомиться с вами. Возможно, это не последняя наша встреча. Я Джерри Финн.

Торговец игрушками отпрянул от собеседника, перекрестился и, широко раскинув руки, бросился загораживать кассу своим

телом. Его гладкие, быстро катившиеся слова понеслись еще быстрее, наталкиваясь друг на друга, а мысли закружились каруселью, точно воображение женщины, которое начинает действовать сразу и неудержимо, стоит только мужу поздно явиться домой.

Джерри поспешил выбежать на улицу, где ярко раскрашенный рекламный автомобиль в два громкоговорителя расхваливал лучшую в мире зубную пасту.

Дойдя до Сорок первой улицы, он почувствовал себя почти как дома. Но пейзаж изменился. Ослепительные огни рекламы создавали потрясающе красивое впечатление пожара. Августовское небо, черное с красным отливом, точно задняя стена ада, нависало над пропастью улицы. Нью-йоркская спальня зажигала свои светильники, люди готовились ко сну.

Джерри взглянул на часы. Было без четверти семь. Он замедлил шаги и стал разглядывать витрины. Вдруг до него донесся странный шум, ропот толпы; пешеходы остановились. С десяток полицейских автомобилей прокладывало дорогу для рекламного шествия. Через минуту на горизонте появилась украшенная розами открытая машина, стоя в которой толпу приветствовал молодой человек в белом смокинге, окруженный четырьмя девушками-манекенами. Публика была в восторге. Она любит зрелища, как сумасшедший любит отплясывать польку. Но гражданин вселенной Джерри Финн недоумевал. Он никак не мог понять, в чем тут дело. Когда какой-то молодой верзила больно наступил ему сразу на все пальцы левой ноги, Джерри осмелился спросить:

— Простите, что здесь происходит?

Верзила сошел с ноги Джерри и посмотрел на нашего героя сверху вниз. Рекламный автомобиль был уже совсем близко. От одобрительных возгласов публики едва не лопались барабанные перепонки. Джерри заметил рядом в толпе старенького господина и попытался получить разъяснение от него. Господин ответил сухо:

— Разве у вас плохое зрение?

В разговор включились двое подростков с ломающимися голосами. Они окинули гражданина вселенной оценивающим взглядом и прыснули со смеху. Один из них сказал:

— Держу пари, что этот парень только что явился из Техаса или из Алабамы и никак не разберет, что творится в Нью-Йорке.

Второй поддержал:

— Да, должно быть, он из глухой дыры, раз даже Билли Бэнкса не знает.

Джерри показалось, что он родился где-то на краю света. Он хотел было сказать этим юнцам два-три цивилизованных слова, но тут к нему обратился давешний господин:

— У вас, вероятно, неудачное место. Неужели вы не видите нашего парня Билли, радость и гордость всего Бруклина?

— Простите, пожалуйста, мою неосведомленность, — смиренно заметил Джерри, — но я, к сожалению, не знаю, кто такой Билли Бэнкс и чем он знаменит.

По лицу господина расползлась блаженная улыбка человека, получившего возможность кого-то просветить. Он небрежно закурил сигарету и принялся рассеивать тьму невежества:

— Билли Бэнкс — один из парней Бруклина. На днях он установил мировой рекорд: прошел от Бостона до Нью-Йорка на руках за две недели. На это не каждый способен. Нужна хорошая закалка. У Билли она есть. И вот парень разбогател. Сегодня опять ему отвалили сто тысяч!

— За что же? — наивно недоумевал Джерри.

— За то, что он теперь будет служить рекламой всемирно известного шпината «Пеп-Пеп». Перед мальчиком открылось будущее. Радио и телевидение дерутся за него, а Голливуд уговаривает сниматься в фильме.

Толпа стала рассеиваться, поскольку бо́льшая часть публики поспешила вдогонку за Билли Бэнксом, героем Бруклина, открывшим путь к славе и богатству. Джерри был чрезвычайно благодарен незнакомцу за полученную информацию.

— Благодарю вас, сэр, — произнес он любезно, — разрешите только задать еще один вопрос.

— Пожалуйста.

— Вероятно, этот Билли Бэнкс больной или инвалид?

— Почему же?

— Я подумал, что, может быть, у него ноги парализованы или что-нибудь в этом роде.

— Нет, насколько мне известно — нет. Он — воплощение здоровья. Вы же только что видели сами, как он встал на сиденье машины и приветствовал нас!

— Совершенно верно, — согласился Джерри как-то рассеянно. — Однако я никак не могу понять: зачем нужно человеку ходить на руках, если у него здоровые ноги?

Светоч познания швырнул сигарету и сердито посмотрел на Джерри. Затем, отвернувшись, он пошел прочь, повторяя про себя:

— Невежда! Не понимает, что значит делать деньги...

Джерри чувствовал себя ничтожно маленьким, когда наконец остановился у двери, на которой красовалась шикарная дощечка: «Доктор Исаак Риверс, хиропрактик».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

в которой Джерри Финн знакомится с хиропрактикой и произносит знаменательную речь

Через два дня, когда доктор Риверс и гражданин вселенной Джерри Финн завтракали в своей уютной кухне, почтенный хиропрактик сказал:

— До сих пор все шло хорошо. Но теперь необходимо взяться за расширение бизнеса. У меня имеется лишь полсотни постоянных пациентов, да и те начинают просачиваться сквозь пальцы, один за другим. По доброму десятку из них уже скучает могила, а остальные, по-видимому, выздоравливают.

Джерри ничего не ответил, ожидая продолжения. И мистер Риверс продолжал:

— Если мы получим сотню новых больных, это будет означать увеличение доходов на двести долларов в неделю. Я полагаю, что тебе следует сегодня же вечером начать заниматься своим основным делом. Что ты об этом думаешь?

— Каким делом?

— Добыванием больных.

Кусок пищи застрял у Джерри во рту, словно горошина в ботинке, не находя никакого выхода. Волна пессимизма унесла вдруг и аппетит, и радость жизни. Казалось, будто и ботинки жмут и ворот тесен. У других людей хотя бы находится смелость признаться в своей робости. Но Джерри молчал. Однако мистер Риверс был убежденным оптимистом, оптимистом до мозга костей. Плотно набив рот салатом, он стал развивать свои аргументы.

— Двести долларов дополнительной выручки в неделю — приличная сумма. И, как мы уже раньше договорились, ты получаешь доллар за каждого нового больного. Сегодня мы устроим рекламный митинг на углу Лэйк-авеню и Хагар-сквера. Ты выступишь с речью.

— Я?

— Именно.

— На какую тему?

— О хиропрактике, разумеется, или, собственно говоря, обо мне.

— Но ведь я еще вовсе не знаю твоего дела.

— Тем лучше. Чем меньше ораторы знают о своем предмете, тем охотнее их слушают.

Мистер Риверс аккуратно вытер губы салфеткой и провел рукой по своим напомаженным волосам. Выпив кружку пива и ощу-

тив себя наполненным до краев, он закурил сигарету и, пыхтя, встал из-за стола.

— Итак, сегодня в семь вечера, — сказал он решительно.

Мистер Риверс, похлопывая себя по животу, направился в свою комнату, а его новоиспеченный ассистент с мрачным видом пошел на кухню. Запихнув грязную посуду в моечную машину, он достал из холодильника бутылку виски и налил себе рюмку для укрепления духа. В это время раздался звонок.

— Открой же! — закричал мистер Риверс из своей комнаты.

Джерри, быстро опорожнив еще одну рюмку, поспешил в переднюю.

— Пришел больной! — доложил он через минуту.

— Проведи его в кабинет, — ответил хиропрактик и стал, зевая, натягивать белый докторский халат.

Больной явился на прием к доктору Риверсу впервые. Джерри смотрел на тщедушного старичка, в красноватых глазках которого поблескивал лучик тоскливого страха.

— Снимите рубашку! — велел хиропрактик новичку, а затем обратился к Джерри:

— Заполняй историю болезни.

Джерри внес в карточку личные данные больного и остался наблюдать за происходящим.

— На что жалуетесь? — поинтересовался доктор, когда старичок обнажил верхнюю половину своего туловища, напоминающего вяленую рыбу.

— С ногами худо. Сильная ломота. Насилу хожу.

— Посмотрим, — сказал хиропрактик, помогая старичку лечь на стол.

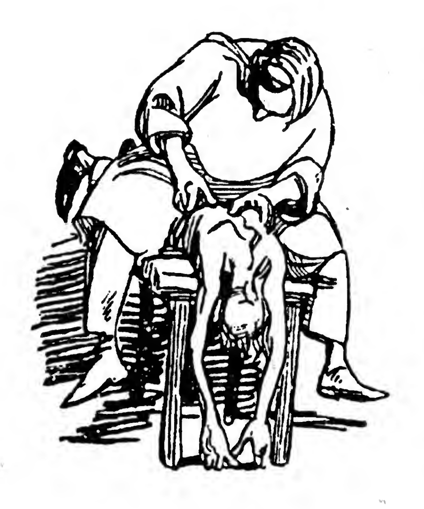
Диагноз был поставлен в два счета. Выстукивая крючковатыми пальцами хребет больного, мистер Риверс тут же указал своему ассистенту на очаг болезни:

— Пятый позвонок снизу сдвинут. С правой стороны — скверный хрящ, который давит на нерв. Необходим электромассаж и тепло. А теперь сделаем небольшую разминочку.

Крепкими пальцами массажиста мистер Риверс начал обрабатывать позвонки больного. Старичок то и дело вскрикивал от боли и старался соскользнуть со стола. Но чудо-целитель не выпускал своей жертвы, ловко повертывал ее всякий раз обратно на живот и продолжал свою лечебную «разминочку».

— Ой, больно... больно!.. — стонал пациент. — Оставьте, милый доктор, отпустите!..

Но доктор не отпускал. Он знал, что от состояния позвоночника зависит здоровье тела и души человека. И он безжалостно вонзал свои пальцы в каждую межпозвоночную выемку, продолжая это истязание с довольной ухмылкой. Вскоре он пересчитал все позвонки больного от затылка до копчика и обратно — от копчика

до затылка и проехался большим пальцем по всему позвоночнику, словно по струнам арфы, не переставая одновременно говорить что-то мудреное о клетках, нервах, обмене веществ и хрящевых затвердениях. Стоны больного перешли уже в громкий вой, но доктор успокаивал:

— Чудо еще, что вы до сих пор живы. Весь позвоночник у вас деформирован и сдвинут на целый дюйм влево. И под каждым позвонком образовался хрящ. Вот, например, здесь. И здесь!

Он нажал пальцем на один из шейных позвонков, а потом заиграл на хребте старика, точно на ксилофоне.

— Довольно... довольно... — стонал больной. — Нет сил больше... Умираю...

— Еще бы! Посмотрели бы вы, что за комок хряща вот хотя бы под этим позвонком! О черт! Целая репа. А этот? — Он работал ловко, как вязальщица спицами, пальцы его увлекались все новыми и новыми поисками. Больной извивался от боли и умолял о пощаде:

— Я заплачу десять долларов, только избавьте меня от этой пытки.

— У меня такса: два доллара — ни больше, ни меньше, — сказал доктор голосом бесчувственного тюленя.

Несчастный страдалец, с отчаянием напрягая силы, попытался вырваться, но доктор Риверс предвидел коварное поползновение своей жертвы и пресек самую возможность попытки к бегству: он вскочил верхом на спину больного, подражая скачке на диком мустанге. Джерри больше не мог наблюдать это зрелище и повернулся к экзекутору спиной. Через минуту все стихло. Доктор спешился и вытер со лба пот. Затем он поднял бесчувственное тело пациента, перенес его с одра мучений на кровать и совершенно спокойно сказал Джерри:

— Дай старикашке глоток виски.

Минуты через две больной начал приходить в сознание. Он одним духом опорожнил стаканчик виски, поднялся с кровати и стал поспешно одеваться.

— Два доллара. Послезавтра приходите снова, — сказал доктор.

Больной сунул в руку мистера Риверса две долларовые бумажки, проводив их тем колючим взглядом, какой описан в тысяче уголов-

ных романов. Мистер Риверс хотел было помочь пациенту надеть пиджак, но старичок сделал отвергающий жест и только буркнул:

— Довольно с меня вашей помощи.

— Вы уже уходите? — поспешил вдогонку энергичный доктор, схватив со стола несколько рекламок, на которых был напечатан его портрет, снятый в пору молодости, сопутствуемый целым рядом прекрасных изречений о целебной силе хиропрактики.

— Может быть, вы пожелаете раздать это вашим друзьям, чтобы и они тоже получили здесь помощь и облегчение? — проговорил он жизнерадостным тоном, протягивая больному собрание своих печатных трудов.

Больной, не удостаивая взглядом красиво отпечатанный текст, бросил на пол всю пачку и воскликнул:

— Стыдились бы!

Затем он опрометью кинулся к дверям и скрылся, не прощаясь.

— И так бывает, — беспечно заметил мистер Риверс своему ассистенту, который молча наблюдал за ходом событий. — Иные пугаются первичной процедуры, но потом все-таки приходят снова.

Не успел он договорить, как в прихожей раздался нетерпеливый звонок.

— Иди же отвори, — сказал мистер Риверс, — и проси в кабинет.

Джерри даже попятился, не веря глазам своим, когда в дверях появился тот же больной, решительно направившийся в приемную.

— Я забыл здесь мои костыли, — сказал он почти мирным тоном.

— Простите, я тоже не заметил, — отвечал доктор. — Вот они, пожалуйста! Так смотрите же — как я сказал послезавтра снова.

Посетитель ничего не ответил, но, дойдя до дверей, спросил, как будто немного стыдясь:

— В котором часу?

— В два часа, сэр...

— Спасибо, доктор.

Мистер Риверс поднял с полу разбросанные рекламки.

— Не забудьте и это.

Посетитель взял листки, сунул в карман и сказал:

— Я раздам их всем знакомым сегодня же. А что? Есть много людей, которым необходимо лечение... Еще раз благодарю вас, господин доктор.

Старый измученный болезнями человек, худой и усохший, словно он жил только по воскресеньям, забыл у врача свои костыли. Он знал о Боге лишь понаслышке, но тем не менее он благодарил Бога за то, что еще жив. Когда он ушел, мистер Риверс и гражданин вселенной Джерри Финн, выпив по глотку виски, приступили к составлению программы на вечер. Бизнес необходимо было расширять. Надо было нести в народ чудеса хиропрактики. На роль апостола этого благородного знахарства был избран мистер Джер-

ри Финн, которого некогда Старый Свет назвал величайшим в мире правдолюбцем; теперь он готовился стать лекарским ремонтером, вербовщиком пациентов.

Хагар-сквер — это «публичная» часть Бруклина, где свободные граждане свободной страны могут открыто проявлять свободу слова: каждый имеет право превозносить свое и порицать чужое. Здесь зашли настолько далеко по линии свободомыслия, что даже позволили выступить в парке негритянской певице Мариан Андерсон, хотя ее место было в Гарлеме.

Вечер выдался ласково-теплый, почти жаркий. Погода исключительно благоприятствовала торговле мороженым и кока-колой, а также деятельности всемирно известного картеля «Транспирант», организовавшего на днях массированную рекламную атаку против докучливой потливости: «Зачем вы терзаете ближних своих противным запахом, когда несколько капель «Айседоры» могут ликвидировать вашу потливость?»

Часовая стрелка приближалась к семи. Одетый в белый смокинг, Джерри Финн прохаживался по боковой дорожке парка вместе с доктором Риверсом и старался держаться так, как подобает мужчине. Им овладела мучительная, безликая тупость, и он все более терялся. Но доктор был оптимистом, как мы уже и раньше неоднократно упоминали, и любая ситуация казалась ему ясной. Он напряженно вглядывался в шумный поток Лэйк-авеню, ожидая, что вот-вот наступит великий взлет его жизни, взлет, за который заплачено восемьсот долларов. Организацию этого взлета он поручил заботам всемирно известной рекламной фирмы «Стерлинг и сын».

В семь часов без одной минуты раздались первые фанфары, и на улицу из каких-то ворот выкатился радиоавтомобиль. Из громкоговорителя неслись популярнейшие мелодии, а в промежутках между ними — краткие сообщения: *«Болезни побеждены! — Человеческая жизнь продлена! — Это факт, а не реклама! — Абсолютно правдивая информация. Выступает всемирно известный профессор Джерри Финн...»*

Джерри охватила дрожь. Его белый смокинг потемнел под мышками от пота, а стекла очков застлал густой туман. Но доктор Риверс был оживлен, как лентяй в субботу. Он прищелкивал пальцами, подталкивал Джерри в бок и восторженно вскрикивал:

— Джерри, друг! Смотри, смотри-ка! Нет, не зря они все-таки содрали с меня восемьсот долларов.

Джерри смотрел вперед, как пьяный, видя перед собой один лишь колеблющийся туман.

Медленно двигавшийся радиоавтомобиль свернул на центральную аллею парка, распространяя вокруг фимиам рекламы. За машиной шли девять полуголых красавиц с большими плакатами. Все девушки были разительно похожи на Мэрилин Монро. Выросший на краю света Джерри Финн и не подозревал, что характерный

женский тип, представительницей которого была Мэрилин Монро, вот уже два месяца как утвержден в качестве стандарта женской красоты. Мэрилин Монро стала нормой.

Радиоавтомобиль остановился в центре парка, и все Мэрилин выстроились вокруг, точно ангельская стража. Они и впрямь походили на ангелов: их очаровательные тела не были обременены земными одеждами.

В несколько минут весь Хагар-сквер наполнился до краев.

За публикой неотступно следовали мороженое и кока-кола, сборщики милостыни — посланцы различных благотворительных обществ, и, наконец, самые ловкие в мире воры-карманники. Прозвучал национальный гимн, после чего диктор попросил тишины:

— Речь идет о сбережении миллионов долларов.

Когда говорит мистер доллар, все обращаются в слух. Так и тут моментально наступила тишина, и диктор беспрепятственно продолжал:

— Народ Америки в течение прошлого года истратил на больницы и на оплату докторских счетов более восьми миллиардов долларов. Подумайте, сколько тут придется на душу! Эту цифру можно значительно уменьшить, если последовать мудрым советам профессора Джерри Финна. Мы горды тем, что имеем возможность сегодня представить публике всемирно известного профессора Джерри Финна. Прошу вас, мистер Финн!

Профессор Финн нетвердыми шагами поднялся на трибуну. Мэрилин встали почетным караулом вокруг помоста, в то время как из радиоавтомобиля троекратно прозвучали торжественные фанфары. Публика захлопала в ладоши и стала тесниться поближе к трибуне, поближе к девяти грациям нового времени. Обстановка напоминала клуб нудистов, где человеку не смотрят в лицо.

Величайший в мире правдолюбец, гражданин вселенной Джерри Финн начал речь:

— Дорогие граждане! У каждого имеется позвоночник или спинной хребет. Хребты бывают весьма различные. У одних индивидуумов позвоночник прямой, как струна, а у других — скрюченный. Бывают люди и вовсе без хребта. Таковы, в частности, многие государственные деятели, члены конгресса, а также некоторые мужья. Им зачастую довольно туго приходится в жизни, поскольку бесхребетного человека никто не уважает...

Бурные возгласы одобрения прервали Джерри на полуслове. Стиснутый в толпе, задыхающийся от радости доктор Риверс вытер со лба крупные капли пота. Прожекторы вонзали в небо острые лезвия своих лучей. Джерри достал из кармана шпаргалку, на которой была написана его речь, и продолжал:

— Вы слишком хорошо знаете, чего стоят болезни. У каждого школьника имеются очки, вставные зубы, катар желудка и табачный кашель, а у каждого взрослого непременно найдется какая-нибудь тяжелая болезнь. И все почему? Только потому, что люди не интересуются своими спинными хребтами. Когда всемирно известный американский врач, доктор Пальмер, основал школу хиропрактиков, над ним смеялись. Но теперь уже не смеются. Теперь доказано, что неправильное положение позвонков вызывает ущемление нервного ствола, что влечет за собой тысячи болезней. Итак, позвонки необходимо поставить на место — и они будут поставлены на место, если вы своевременно прибегнете к помощи хиропрактики. Бруклин может гордиться тем, что здесь живет лучший в мире хиропрактик, доктор Исаак Риверс, который поднимает на ноги калек и заставляет плясать увечных.

При этих словах одна из Мэрилин подняла над головой, так чтобы видела публика, плакат, на котором было лишь одно слово: «Хлопайте», — и публика захлопала. Из радиоавтомобиля опять прозвучали фанфары, после чего профессор Финн продолжал:

— Вы видите здесь, рядом со мною, девять самых красивых в мире женщин...

Ему опять пришлось остановиться на полуслове, потому что в публике некоторые женщины подняли ужасный свист, на что мужчины в свою очередь ответили громкими криками «ура».

Диктор из автомобиля попросил тишины, и мистер Финн заговорил:

— Взгляните на спины этих женщин, открытые взорам публики вплоть до четвертого позвонка, считая снизу (тут Мэрилин повер-

нулись на сто восемьдесят градусов). Они — точно изящные произведения искусства. Вы не найдете на этих спинах ни одного дефектного позвонка. Такую спину может иметь каждый, кто своевременно обратится к доктору Исааку Риверсу. Запомните: доктор Исаак Риверс! Сорок первая улица, дом восемьсот восемьдесят один. Лучше всего записаться на прием заранее, чтобы избежать несчастных случаев, неминуемых в давке, которая начнется потом. Исаак Риверс излечит вас от всех болезней. Старики вернут себе молодость, а похоронные бюро обанкротятся. Запомните: Исаак Риверс! С помощью хиропрактики мы покорим весь мир. Все церкви будут когда-нибудь благословлять Исаака Риверса. Запомните: мы живем благодаря нашим позвоночникам. Продемонстрируем же всему миру, что у нас в Америке лучшие в мире позвоночники...

Джерри кончил свою речь, после чего из радиоавтомобиля понеслось непрерывной лентой: «Исаак Риверс, Исаак Риверс, Исаак Риверс, Исаак Риверс...»

Спектакль, стоивший восемьсот долларов, был увенчан достойным финалом: все Мэрилин как одна исполнили популярную песенку «Люблю твою спину, мой милый».

Доктор Риверс стал пробираться к трибуне, напевая куплеты, выученные когда-то давно еще на родине:

В Америке достаточно
кнопочку нажать —
И завертятся колеса,
все пойдет плясать.
Вот король американский
весело живет:
Он сидит у этой кнопки,
апельсин жует...

Джерри Финн больше не верил собственным устам. Он произнес речь на тему, о которой имел минимальное представление. Однако он утешал себя мыслью, что ведь и на старой его родине люди тоже иногда так поступали. Он вспомнил одного специалиста по народному хозяйству, который даже защитил докторскую диссертацию, причем использовал в качестве источников для нее телефонную книгу да несколько старинных народных песен. Он, видно, тоже не слишком задумывался над своей профессией.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

в которой Джерри начинает заниматься хиропрактикой и впервые пускает в ход свой молоток

Реклама обладает чудодейственной силой: она заставляет людей нуждаться в том, о чем они раньше даже и не слыхали.

Мысли тысяч бруклинцев завертелись теперь вокруг их позвоночников. Женщинам хотелось иметь безупречную спину Мэрилин, которую можно обнажить, не стесняясь, вплоть до четвертого позвонка. Позвоночник взбудоражил общественное мнение. Какие-то циники, правда, утверждали, будто бы общественное мнение есть лишь чье-то частное мнение, послужившее началом эпидемии. Но зачем нам говорить о циниках, которые вечно стараются заразить окружающих сомнением, замечают во всех только стоимость, цену, но не видят достоинства, и — кто знает? — стали циниками, возможно, только потому, что женились по первой любви!.. Поговорим лучше о практике доктора Риверса, внезапно ставшей предметом разговоров и отличным источником доходов.

Еще только светало, когда начала выстраиваться внушительная очередь на прием к доктору Исааку Риверсу. К половине десятого хвост вытянулся уже на четверть мили, ввиду чего полицейские власти начали раздавать больным порядковые номерки. В одиннадцать часов доктор Риверс повысил таксу до трех долларов, но и после этого из очереди ушло только два человека: один был скряга, который и о двух долларах еще собирался поторговаться, а другой — профессор-экономист, за несколько дней до того выпустивший книгу о губительной роли инфляции.

Первый час приема прошел под знаком небольшой паники, но потом доктор Риверс и его помощник профессор Финн вспомнили о серийно-поточном методе, который так хорошо зарекомендовал себя на производстве, давая возможность быстро удовлетворять повышенный спрос. В просторной жилой комнате моментально был устроен второй кабинет, где начал принимать больных профессор Финн. Вопрос относительно пола больных решили по жребию. Судьба послала Джерри Финну женщин.

Он начал принимать пациенток по четыре и рационализировал свой труд таким образом, что пока он осматривал позвонки одной больной, другая принимала горное солнце, третья одевалась, а четвертая раздевалась. Благодаря такому методу он смог пропускать по восьми человек в течение часа, и его брутто-доход поднялся до

двадцати четырех долларов в час. Однако, несмотря на это, доктор Риверс не был доволен им. Когда Джерри зашел в кабинет шефа разменять деньги, доктор Риверс заявил ему, что принимает уже по десять больных в час. После полудня он еще ускорил этот бешеный ритм и за час успевал обслужить уже двенадцать человек. Столь высокого результата он добился за счет того, что укладывал своих пациентов на стол по двое и разминал одновременно два хребта. В таком методе было еще одно немаловажное преимущество: оба больных выдерживали лечение без звука, потому что каждый стеснялся другого и ни один не смел роптать.

В час пополудни они объявили восьмиминутный перерыв на обед, в течение которого могли перекусить и больные.

После перерыва авральные работы продолжались с еще большим рвением. К шести часам доктора успели пропустить более трехсот больных, а в восемь они прекратили прием. В течение трех следующих дней наплыв больных не уменьшался, но затем поток пошел на убыль. За первую неделю доктор Риверс покрыл рекламные издержки и увеличил сумму своего вклада в банке на тысячу долларов. Вознаграждение профессора Финна составило восемьсот долларов. Такая материальная база вызвала существенные перемены в мироощущении нашего героя. До сих пор его ближайшим сердечным другом была собственная нательная рубашка, но теперь он испытал чувство великого восхищения и горячей привязанности к деньгам. Бывали, правда, моменты, когда он говорил себе, что деньги ему вовсе никакая не родня, но эти слабые вспышки сентиментальности были очень редкими. Он, сам того не ожидая, сделался позвоночным доктором — каким-то шарлатаном поневоле — и не хотел идти против судьбы. После первых дней «врачебной практики» он плохо спал ночами. Лежа в кровати и мучительно пытаясь заснуть, он считал овец, потому что за день насмотрелся на коров и баранов.

В один прекрасный день на прием к нему явилась дама неопределенного возраста, у которой на пальцах и зубах сверкало золото. Когда Джерри попросил ее раздеться, дама, бросив нерешительный взгляд на других пациенток, сказала:

— Мне бы хотелось поговорить с доктором наедине.

Через полчаса она получила такую возможность. В ее взгляде, устремленном на доктора, смешались восхищение, глубокое почтение и ужас. Все врачи ежедневно встречают такие взгляды пациентов, привыкших видеть в докторе какого-то сверхчеловека. Джерри достал чистую карточку.

— Имя?

— Агнес Лоусон...Эл-о-у-эс-о-эн, — ответила дама.

— Замужем?

— Да. Разумеется.

— Возраст?

— Мне... Ну, разве это так необходимо?..

Как уже известно читателю, Джерри Финн — человек деликатный. И тут он весьма деликатно обошел щекотливый вопрос, перейдя прямо к делу:

— На что жалуетесь, мадам?

— Собственно... сама я ни на что не жалуюсь, — начала женщина издалека. — Я чувствую себя превосходно. Но я хотела бы посоветоваться с вами относительно здоровья моего мужа.

— Отчего же он сам не обратится к врачу? Или он не в состоянии передвигаться?

— О, конечно в состоянии, но... Вы разрешите мне закурить?

— Пожалуйста, пожалуйста, мадам.

Джерри предложил даме огня, стараясь в то же время получше разглядеть ее. Со странным чувством он смотрел на ее лицо, на локоны, окрашенные под светлую блондинку. Перед ним была пятидесятилетняя Мэрилин Монро. Очевидно, миссис Лоусон носила в сердце большую тайну, и Джерри с любопытством приготовился выслушать ее.

— Мы уже три месяца женаты, — начала женщина тихо. — Вернее, уже три с половиной. Все бы, кажется, хорошо, но муж со мною так холоден... Он, конечно, вежлив и предупредителен, но в то же время — совсем как чужой. Он еще ни разу не приблизился ко мне. Вы, доктор, конечно, понимаете?

— Да, да. Продолжайте.

— Я просто не могу понять такой холодности. Муж только похлопывает меня по плечу, и больше — ничего. Но ведь это же невыносимо! Вы меня, конечно, понимаете, доктор?

— Да, конечно. Вы можете говорить со мной вполне откровенно.

— Я уже пятый раз замужем, и мне такая холодность кажется очень странной. И это ведь оскорбляет чувства женщины. Так обходиться можно с молодыми девчонками, но не с женщиной. Я хочу, чтобы вы, доктор, внимательно исследовали моего мужа. Я слыхала, что холодность у мужчин бывает от позвоночника...

Джерри вглядывался в ее лицо, черты которого были покрыты плотным слоем краски, непроницаемым, как маска разбойника. Он видел женщину, прекрасный романс которой — опус номер пятый — прозвучал до конца в день свадьбы. Ее пятый брак был поистине потрясающей драмой, герой которой совершил самоубийство еще до начала первого акта. Джерри прошелся по комнате, потирая виски и стараясь произнести на пациентку хорошее впечатление.

— Простите, миссис Лоусон, — сказал он тихо. — Я должен знать ваш возраст. Видите ли, нам, докторам, можно свободно рассказывать все.

— В ноябре мне исполнится восемьдесят два года, — ответила она бесхитростно.

— Ни за что бы не поверил! — воскликнул Джерри. — Вы чудесно сохранились!

Возле глаз у дамы появились довольные морщинки. Откинув волосы, она показала шрам у себя за ухом и сказала:

— Две операции: мне подтягивали кожу. Между прочим, оба раза в Европе. И, кроме того, я получила несколько инъекций гормонов.

— И все-таки это необычайно, — изумлялся Джерри. — Без лести, я все время думал, что вы моложе меня. А вашему нынешнему супругу тоже за восемьдесят?

— Н-нет... не совсем... Он несколько моложе...

— На сколько лет? Пожалуйста, не стесняйтесь, миссис Лоусон. Мне, как доктору, вы можете открыться вполне.

Несколько мгновений миссис Лоусон молчала. Наконец она медленно проговорила:

— Теперешнему моему супругу недавно исполнилось двадцать шесть лет.

— Двадцать шесть?!

— Да. И если в этом возрасте мужчина уже холоден — очевидно, у него что-нибудь не в порядке. Я никогда еще не встречала ничего подобного. Правда, мои родственники утверждают, что Чарльз Лоусон женился на мне только из-за денег, но это просто низкая зависть. Когда я первый раз выходила замуж, родственники моего мужа говорили то же самое обо мне. Тогда мне было семнадцать лет, а мужу — немного более семидесяти. И все у нас было хорошо. А сейчас!

Миссис Лоусон заплакала, — надо отдать ей справедливость, глаза источали слезы безотказно. Джерри обещал ей поговорить с мистером Лоусоном и заверил, что холодность мужчины, если только она связана с позвоночником, легко излечима.

— Сколько я вам должна, доктор? — спросила миссис Лоусон дрожащим голосом.

— Два доллара, — ответил Джерри машинально.

— Два доллара? — переспросила она. — Не смейтесь надо мной, милый доктор. Возьмите пока хотя бы это.

Она дала Джерри билет в сто долларов и продолжала:

— Если Чарльз победит свою холодность и будет обходиться со мной так, как настоящему мужу следует обходиться с женой, — вы, конечно, понимаете, доктор? — я заплачу вам сколько угодно. Но если Чарли неизлечим — я потребую развода. Об этом я уже советовалась со своим адвокатом, и он уверяет, что для развода имеются все основания. Но, может быть, вы, доктор, попробуете как-нибудь подействовать своими средствами. А то мои родственники могут, пожалуй, назвать меня легко-

мысленной, если после такого короткого замужества я начну хлопотать о разводе.

— Я сделаю все, что только в возможностях хиропрактика, — ответил Джерри. — Прежде всего я бы хотел побеседовать с вашим супругом.

— Может быть, вы примете его сейчас? Муж ожидает меня в машине.

Лицо профессора Джерри Финна стало белым, как цинковые белила. Но он не хотел сознаться, что трусит.

— Приму, — ответил он заикаясь. — Я готов...

Женщина вышла из комнаты; Джерри скрестил руки на груди, подобно Лютеру, окончательно доказавшему несостоятельность католической церкви. Он поспешил в кабинет мистера Риверса, чтобы посоветоваться с коллегой, но у того было трое пациентов на процедуре, четвертый собирался уходить, а пятый раздевался, и доктор не мог уделить сколько-нибудь внимания Джерри. Он ответил машинально:

— Не думаю, чтобы разминка помогла, но тем не менее попытайся.

Мистер Лоусон принадлежал к числу мужчин, до позвоночника которых не так-то легко добраться. Он был выше Джерри на полголовы и в плечах широк, как мамонт.

— Чего тебе от меня надо? — спросил он профессора Финна, перекатывая губами сигарету и многозначительно надвинув шляпу на самые глаза.

Джерри обратил свой взгляд на миссис Лоусон и заметил:

— Мадам, я хотел бы поговорить с вашим мужем с глазу на глаз. Не угодно ли вам на минуточку пройти в комнату для ожидания?

Женщина вышла, полная надежд, ибо она верила в чудеса, и Джерри остался наедине с мистером Чарльзом Лоусоном. Ситуация складывалась напряженная. Чарльз Лоусон был характерным представителем известного типа людей, которых можно видеть на экране кино и которые описаны во множестве уголовных романов. Он был, что называется, круто сварен и весьма неудобоварим. На нем был роскошный костюм, дорогие ботинки и шляпа. Будучи расточительным в одежде, он, повидимому, экономил на разговоре: употреблял слова исключительно дешевые и низкопробные.

— Какого дьявола ты от меня хочешь?

Джерри инстинктивно ощупал свой карман и убедился, что молоток под рукой.

— Мистер Лоусон, — сказал он с деланной любезностью, — я надеюсь, что вы в разговоре со мной будете пользоваться иным языком.

— Я говорю настоящим языком, а ты сюсюкаешь черт знает по-каковски. Ну ладно, давай выкладывай, что ты имеешь мне сказать.

— Ваша супруга открыла мне свою тревогу и...

— Моя супруга? — перебил мистер Лоусон. — Ага-а-а, ты хлопочешь об этой старой хрычовке! Ну, что же ей нужно? Она уже и тут ныла, что я чересчур много транжирю? Сама она, черт бы ее взял, высохла настолько, что ей и мотовство уже не доставляет удовольствия!

Мистер Лоусон засунул руки в карманы, выплюнул сигарету и погасил ее ногой. Джерри заметил, что положение становится угрожающим, но сотня долларов обязывала его продолжать.

— Дело серьезное, мистер Лоусон. Вы пренебрегаете своей женой. Вы не исполняете супружеских обязанностей.

Мистер Лоусон выпятил грудь и начал наступать на Джерри.

— Слушай ты, лекарь! Какого черта ты суешь свой поганый нос в мою семейную жизнь? Я тут узнал, что ты недавно прибыл в Америку из Старого Света. Ты, что же, собираешься учить нас, как надо жить, а?

— Если будет такая необходимость, я могу взяться и за это, — ответил Джерри.

— Нет, ошибаешься, здесь европейских учителей не требуется. Мы сами справляемся с нашими делами. Без вас. Скажи на милость, чего тебе тут надо?

Джерри до боли прикусил губу. Но сотенная бумажка вынуждала его говорить дальше.

— Любезнейший мистер Лоусон, я не имел намерения обидеть вас, но, поскольку ваша супруга обратилась ко мне за помощью, я счет своим долгом поговорить с вами.

— Супруга?! Эта мумия уже три месяца бегает по докторам за лечением для меня, тогда как ей самой надо бы полечить свою голову.

— Но почему же вы не выполняете своих обязанностей?

Мистер Лоусон вынул руки из карманов и поднес кулачище к самому носу Джерри:

— Заткнись ты! Женился бы сам на восьмидесятидвухлетней карге, тогда бы и говорил!

— Мистер Лоусон, я еще раз прошу вас употреблять в этом доме более пристойные выражения.

— Пошел ты, знахарь, подальше! В Европу свою проваливай!

Джерри не мог больше сдержать свой гнев. Указав широким жестом на дверь, он вдруг воскликнул:

— Вон! Я не привык иметь дело с такими негодяями. Уходите!

Мистер Лоусон еще больше надвинул шляпу на глаза и прошипел сквозь зубы:

— Бывают на свете люди сроду слепые, а некоторые слепнут оттого, что глаз не уберегли.

И, как бы ставя точку в конце фразы, он припечатал свой кулачище прямо в бровь Джерри. Незадачливый хиропрактик ударился затылком о стол, и перед глазами его заплясали такие звезды, каких и в кино не увидишь. Но мозг его работал лихорадочно быстро. Выхватив из кармана маленький игрушечный молоточек, Джерри неожиданно сделал стремительный выпад и нанес верные резкие удары по обоим коленям противника. Рефлексы мистера Лоусона действовали отлично: колени его подкосились, он упал ничком и не смог подняться.

Мистер Риверс, услыхав небольшую перепалку, поспешил на место происшествия. Видя пациента в молитвенной позе, он ворчливо заметил своему компаньону:

— Мы ведь условились, что мужчин принимаю я.

Тут он подхватил мистера Лоусона под руки, произнося на ходу привычные слова утешения:

— Слабость в коленках и отнятие ног происходят от позвоночника. Вам следовало прийти раньше. Давным-давно надо было...

Когда через минуту Джерри заглянул в кабинет доктора Риверса, глазам его представилось великолепное зрелище: мистер Лоусон без сознания лежал на полу, раздетый по пояс, а доктор Риверс восседал на нем верхом, разминая и выстукивая позвоночник молодого супруга своими крепкими пальцами.

Джерри тихонько приоткрыл дверь и пошел в ванную делать примочки к распухшей брови. Он свято поклялся, что никогда больше не станет вмешиваться в супружеские отношения.

Как бы там ни было, но он был доволен тем, что недолго длившаяся эротическая трагикомедия принесла ему сто долларов чистоганом, — эту прибыль он не собирался включать в свои расчеты с мистером Риверсом.

Женщина знает смысл любви, а мужчина — ее цену.

ГЛАВА ПЯТАЯ

в которой Джерри Финн становится агентом всемирно известного доктора Альберта Хинсея и вступает на путь искушений

Дня через два в самой распространенной бульварной газете Нью-Йорка появилось сообщение о том, что миссис Чарльз Лоусон возбудила дело о разводе со своим пятым мужем. «Колоссально богатая нефтяная королева, — писала газета, — пробыла замужем на этот раз всего лишь сто четырнадцать дней. Миссис Лоусон обвиняет своего мужа в душевной грубости и в неисполнении супружеских обязанностей. Мистер Чарльз Лоусон ранее привлекался к суду и отбывал наказание за неоднократный шантаж и изнасилования. Следует отметить, что знаменитой нефтяной королеве исполнилось 82 года, а ее нынешнему супругу — 26 лет».

В качестве концовки было напечатано жирным шрифтом следующее изречение: «Антикварная вещь такова, что цена ее возрастает по мере того, как потребительная стоимость падает».

Джерри прочел заметку вслух, но мистер Риверс не нашел в ней ничего увлекательного. Он только усмехнулся:

— Я всегда говорил, что лучшее средство сократить число разводов — не жениться.

— Ты, вероятно, помнишь мистера Лоусона? — спросил Джерри.

— Нет.

— Это тот хулиган, который украсил меня синяком.

— Тот самый мерзавец, который ушел тогда, не заплатив ни цента? А я еще потратил добрых десять минут на борьбу с ним, пока сумел уложить его на живот.

Доктор Риверс взял из рук Джерри газету, прочел заметку сам и закончил высказыванием следующего собственного афоризма:

— Супружество — это игра двоих, в которой оба проигрывают.

Рабочий день снова закончился более чем двумястами долларов чистой прибыли. Прошло уже около получаса после того, как ушел последний пациент, и хиропрактики сидели в кабинете доктора Риверса, приводя в порядок карточки больных. Личность Исаака Риверса оставалась для Джерри такой же загадкой, как и две недели назад, когда наш герой, теперь поднявшийся до профессора, стал помощником хиропрактика. Этот массажист сам домассировался до доктора и теперь всей пятерней греб доллары из человеческих по-

звонков. Временами Риверс производил впечатление вечно юного, забывшего свой возраст американского финна-полубродяги, который научился читать и писать, переезжая с места на место; а порой он казался замкнутым отшельником, скрывающим все, что могло бы его выдать. Он никогда не был склонен рассказывать о своей жизни и о родственниках. В этом отношении он был похож на мула, который не видит оснований гордиться своими родителями.

Бывали минуты, когда Джерри восхищался безграничной энергией, трудоспособностью своего шефа и его оптимистической душой, в которой отовсюду сияло солнце. Но бывало и так, что Джерри раздражала умственная ограниченность коллеги. Порой к Исааку Риверсу так и просилась одна чисто американская пословица: чем глупее фермер, тем крупнее картофель. Он был из числа тех людей, которые проходят счастливыми по узенькой дорожке между простотой и посредственностью и всегда с довольным видом глядятся в зеркало.

Мистер Риверс напевал песенку. Он был доволен собой и своими успехами. Пятьсот девяносто новых больных за одну неделю! Он уже мог тягаться с модными врачами Нью-Йорка, которые ставят диагноз, судя не столько по состоянию больного, сколько по его состоятельности.

Звонок в передней прервал работу компаньонов. Мистер Риверс поглядел на часы.

— Без четверти девять. Кто это стремится на прием так поздно?

— Открыть? — спросил Джерри.

— Пойди посмотри.

Джерри чуть приоткрыл дверь, но посетитель распахнул ее и быстро шагнул в переднюю.

— Вы доктор Риверс? — спросил вошедший — коротенький человек с быстрыми красноватыми глазками.

— Нет, мое имя Финн.

— Отлично. Я доктор Попкин, сотрудник всемирно известного доктора Хинсея. Наверно, вы меня знаете?

— Я помню ваше имя, — ответил Джерри, хотя слышал его впервые.

Доктор Риверс выглянул из кабинета и, видя под мышкой вошедшего кожаный портфель, казалось, догадался о цели этого визита.

— Я не нуждаюсь в страхова...

— Страхование? — переспросил вошедший.

— Да, именно. Я уже застраховал свою жизнь, автомобиль, здоровье, сбережения и даже все мои будущие путешествия.

— Это просто великолепно! — воскликнул посетитель восхищенно и обнажил свой голый череп. — И мне следовало бы поступить так же. Мое имя — доктор Роберт Попкин. Разумеется, вы знаете меня?

— Нет, не знаю, — ответил мистер Риверс, отрицательно качнув головой. — Я Исаак Риверс.

Доктор Попкин протянул свою маленькую мягкую руку, и его тонкие пальцы врача-гинеколога хрустнули в огромной, сильной лапе массажиста.

Они прошли в комнату, и доктор Попкин привычным взглядом пробежал по развешанным на стенах таблицам, показывающим различные положения и формы позвоночников. Доктор Попкин обладал благословенным даром речи и не давал словам заржаветь.

— Я пришел к вам с очень интересным предложением, — начал он без запинки, в то же время ловко поглаживая свою голову, на которой прическа делается с помощью бритвы.

— С чрезвычайно интересным предложением, уважаемые господа! Среди ваших пациентов имеется громадное количество женщин, не правда ли? У вас бывают женщины всех возрастов.

Мистер Риверс, бросив строгий взгляд на Джерри, подумал: «Если ты, голубчик, явился, чтобы сцапать меня и Джерри за знахарство, так ты ошибаешься: у меня есть законное разрешение заниматься хиропрактикой и держать учеников».

Гость ожидал ответа.

— Я не хочу касаться ваших профессиональных тайн, господа, — поспешил он рассеять возможные опасения, — но, видите ли, коллеги, дело в следующем: я сотрудник доктора Альберта Хинсея, и...

— А кто он такой? — перебил мистер Риверс.

— Как, неужели вы не знаете доктора Хинсея? Я назову имя по буквам: Ха — хилый, и — икота, эн — невинность, эс — свинья, е — езда, и краткое — Хинсей, Альберт Хинсей. Он является автором лучшего бестселлера прошлого года «Женщина хочет мужа», а теперь...

— Я не покупаю книг! — воскликнул мистер Риверс решительно.

— Конечно, вы не покупаете, дорогой доктор. Но сейчас речь идет не о покупке книг, а о сотрудничестве.

— Я не вступаю ни в какое сотрудничество, — парировал мистер Риверс еще решительнее.

Но доктор Попкин нисколько не смутился и продолжал свое:

— Позвольте мне объяснить, господа, о чем идет речь. Мой друг Альберт Хинсей теперь готовит новый бестселлер, предварительная реклама которого начинается с завтрашнего дня. Книга будет называться «Институт любви, или Половое поведение современной женщины дома и вне дома, в свете новейших исследований методом научного анкетирования».

Мистер Риверс перекрестился, но Джерри Финн почувствовал интерес к предмету и заметил:

— Тема книги вызывает любопытство.

— Нет, дорогой мой, гораздо больше: она вызовет революцию, — ответил доктор Попкин. — Широкую публику интересуют

три вещи: деньги, любовь и преступление. Те, кто не способен научно рассматривать любовь, пишут о деньгах и преступлениях. Специальной областью доктора Хинсея является любовь в широком смысле слова. Один голландский врач попытался было тоже взяться за этот вопрос, но описанный им идеальный брак не соответствует нашему жизненному ритму, основанному на сенсациях. У доктора Хинсея гениальный метод: он создает свой новый бестселлер на основе научно составленных анкет. Предстоит опросить по крайней мере десяток тысяч женщин и узнать их мнение о половой жизни. Агенты, проводящие опрос, должны рассеяться по всем тем местам, куда сходятся женщины. Доктор Хинсей может научно подтвердить, что женщина охотнее всего поверяет свои деликатные дела попу, врачу и любовнику. Из представителей этих категорий в настоящее время уже отобрано более четырехсот агентов для проведения анкетирования, но теперь, для полноты картины, нам нужен еще хиропрактик.

Доктор Попкин поглядел вопрошающе на спиннохребетных докторов и сказал:

— Желаете ли вы оказать услугу медицинской науке?

— Вы имеете в виду — услугу доктору Хинсею? — заметил мистер Риверс.

— Совершенно верно. Это по существу одно и то же. Я знаю, что у вас обширная практика среди женщин и вы легко могли бы задать своим пациенткам несколько деликатных вопросов.

— Например? — поинтересовался Джерри.

Доктор Попкин раскрыл портфель и достал оттуда пачку анкетных бланков.

— Вот они, вы легко разберетесь во всем. Если, например, больная не желает отвечать на какой-либо вопрос, вы делаете пометку в графе «Не сумела ответить» или «Не знает». Имена больных записывать не нужно, достаточно лишь указать их возраст и семейное положение. За каждую анкету вам будет уплачено по три доллара — после того, как труд будет опубликован и распродан в количестве полумиллиона экземпляров. Доктор Хинсей полагает, что католическая церковь запретит всем католикам читать и покупать эту книгу, благодаря чему тираж может увеличиться в течение двух недель по крайней мере до миллиона экземпляров. Ну вот, господа, теперь я хотел бы услышать ваше мнение.

Мистер Риверс пожал плечами.

— У меня нет никакого мнения, поскольку в настоящее время я принимаю исключительно мужчин. Женщинами занимается мистер Финн.

Доктор Попкин обратился к Джерри:

— В самом деле! Ведь вы же тот, кто так блестяще выступал в Хагар-сквере. Я лично не слыхал, но моя давнишняя постоянная пациентка миссис Лоусон рассказывала мне о вас. Вы недавно прибыли из Европы?

— Да.

— Вы имели там хорошую практику?

Джерри вспомнил свои неудачи на газетном поприще и ответил уклончиво:

— Так себе.

— Да, конечно. Ведь ничего хорошего в Европе и не может быть, поскольку там нет свободы. В каждой стране государство устанавливает, что должен делать врач. Здесь иное: здесь врачи устанавливают, что должно делать государство. Но вернемся к делу. Итак, вы согласны быть агентом по анкетированию? Имейте в виду: задача эта необычайно далекого прицела, ибо подобное исследование содействует социальному прогрессу во всем мире.

Джерри взглянул было на мистера Риверса в надежде получить совет, но старый хиропрактик только буркнул:

— Решай сам, дело твое.

Подумав немного, Джерри Финн решил оказать услугу науке и социальному прогрессу во всем мире.

В восемь часов следующего утра на прием явилась дама неопределенных лет, с прострелом, мучившим ее уже две недели. Дама начала освобождать себя от одежды, а Джерри сел к столу и, достав анкетный бланк, приступил к опросу.

— Прежде чем мы займемся лечением, я бы попросил вас ответить мне на несколько вопросов. Во-первых, сколько вам лет?

— На этот вопрос я не отвечаю, — резко заявила дама.

— Ну... хоть примерно?

— Меньше сорока.
— Давно ли вы замужем?
— Немного более месяца.
— Это ваш первый брак?
— Нет, уже пятый.
— В каком возрасте вы впервые вышли замуж?
— Кажется, мне было лет шестнадцать.
— Вы были тогда еще невинной девушкой?
Женщина перестала раздеваться.
— На этот вопрос я не отвечаю.
Джерри сделал пометку в графе «Не знает» и продолжал допрос:
— Каким образом вы впервые отдались мужчине: а) в порыве страсти; б) из чувства жалости к партнеру или в) с намерением иметь ребенка?

Дама ничего не ответила и начала поспешно одеваться. Джерри сделал пометку в графе «Не сумела ответить» и продолжал:

— Были ли вы неверны в браке: а) однажды, б) изредка, в) постоянно?

Ответа не последовало. Джерри оторвал глаза от анкеты и невольно отшатнулся: больная, подойдя на вытянутую руку к честному служителю социологической науки, воскликнула:

— Мерзавец! Вот каких типов привозят из Европы! Из этой несчастной, растленной Европы!

Возражать было бесполезно, потому что женщина, выплюнув эту гневную тираду, повернулась и ушла вместе со своим прострелом.

Путь искусства тернист, но путь науки оказался еще хуже: к половине дня Джерри удалось заполнить только три анкеты, да и то с пробелами. Зато одиннадцать больных он потерял навсегда. Женщины Бруклина как-то странно отнеслись к научному исследованию ради социального прогресса: некоторые, по-видимому, были настолько нравственными, что хотели бы надеть брюки даже на лошадей, другие же просто считали доктора Хинсея дурачком, который хотел найти еще больших дураков, чтобы полюбоваться на них.

Психологическая смекалка и умение разбираться в людях были у Джерри Финна всегда не выше чем на тройку. Он не понимал, что заполнение анкет Хинсея требовало особой ловкости и деликатного нахальства и что при таком опросе женщина с чистой душой может показаться испорченной, и наоборот. Неуспех Джерри явился неизбежным следствием его искренности и любви к правде. Он забыл, что женщина подобна оружию: с нею нельзя играть.

Мистер Риверс был не на шутку обеспокоен. Некоторые из его постоянных пациенток стали жаловаться ему на «европейского профессора» за неслыханное оскорбление их достоинства и за то, что чистую женскую честь он пытается втянуть в болото социальных

исследований. Когда в довершение всего ему пришлось вынести несколько анонимных телефонных разговоров, причем его почтенная практика поносилась самыми ужасными словами американского языка, мистер Риверс решил поговорить со своим компаньоном серьезно.

— Ты должен немедленно прекратить оскорбление больных, — строго сказал он Джерри.

— Я никого не оскорблял. Я только задавал некоторые вопросы, — ответил Джерри с наивностью бравого солдата Швейка.

— Но с этого дня я запрещаю тебе задавать им пустые вопросы, не относящиеся к лечению. Доктор Хинсей лишит нас практики, ты понимаешь? От нас уйдут все женщины. И это теперь, когда я истратил восемьсот долларов на рекламу! Объяви доктору Попкину, что ты прекращаешь анкетирование.

Джерри промолчал. Он теперь и сам убедился, что деликатных вопросов лучше не касаться. Он признал свою ошибку:

— Женщины — непонятный народ... Я это знаю по своему опыту...

— Опыт — хороший учитель. Потому-то он так плохо оплачивается, — сказал мистер Риверс. — С женщинами надо обращаться осторожно. Каждая из них желает знать, как живут другие женщины, но при этом ни одна не хочет обнажать себя, то есть я имею в виду — раскрывать свои секреты.

Мистер Риверс продолжал бы говорить и еще, но он не мог заставлять больных ждать приема.

— Итак, я полагаю, вопрос ясен? — сказал он и поспешил в свой кабинет, где три голые спины ждали его помощи.

Джерри остался в обществе своего собственного «я». Скоро ему наскучил беззвучный монолог, и он начал просматривать пособие по хиропрактике, совершенно забыв об американском авторе бестселлеров Альберте Хинсее, которого в утренней рекламной радиопередаче назвали Сократом современной половой жизни.

Вторая половина дня выдалась тихая: между часом и шестью побывало лишь девятнадцать больных, в том числе две первичные. Случаи были легкие: все больные ходили без посторонней помощи и платили по счету сразу. Профессор Финн использовал теперь новую тактику: он говорил мало, но хорошо. Иными словами, он повторял больным наставления, только что вычитанные из учебника.

«...Худшие хрящевые узлы появляются обычно в области крестца. В обыденной жизни хребет человека слишком легко склоняется вперед. Его надо отклонить назад, вернуть в прежнее нормальное положение. В тяжелых случаях полезно деформированный участок облучать током ультравысокой частоты».

За время своей короткой врачебной деятельности профессор Финн заметил, что самое больное место у женщин находится

в нижней части спины, у поясницы — там, где миловидные мышцы образуют пару приятно улыбающихся ямочек. Боли в спине появляются вследствие ношения слишком больших тяжестей. Зная, каким тяжелым бременем для миллионов женщин является муж, не приходится удивляться тому, что у женщин часто болит поясница.

Хиропрактика раскрыла Джерри Финну совершенно новые горизонты: сотни различных спинных хребтов. Хотя в Америке, согласно какой-то ученой статистике, имелось миллион девятьсот тысяч женщин типа Мэрилин Монро, на столе хиропрактика это все были совершенно различные случаи. Спина каждой имела свои собственные, индивидуальные черты, подобно отпечаткам пальцев, которые снимает уголовная полиция.

Окончив прием, профессор Финн уже расстегнул было свой докторский халат, как вдруг в комнату вошла молодая женщина. По осторожной оценке ей было что-нибудь между двадцатью двумя и сорока годами. Темная шатенка с зелеными глазами, ростом в 5 футов 8 дюймов, она была хорошо одета и особенно искусно накрашена.

— Я, кажется, немного опоздала. Доктор еще принимает? — спросила она, улыбаясь и стряхивая пепел папироски на абажур торшера.

— Да, конечно, опоздали, — ответил профессор Финн, однако сел к столу и открыл карточку. — Имя?

— Джоан Лоуфорд...

Джерри записал имя и снова взглянул на посетительницу.

— Вы, безусловно, замечаете во мне что-то знакомое, не правда ли, доктор?

— Пожалуй... Может быть.

— Это оттого, что я удивительно похожа на Джоан Кроуфорд. Я и сама это знаю. Только мисс Кроуфорд намного старше меня. Она родилась в Сан-Антонио, в Техасе, в тысяча девятьсот восьмом году. Я тоже родом из Техаса, и Джоан Кроуфорд даже родня мне, только очень дальняя. Поэтому в нас так много общего с виду. Правда, у мисс Кроуфорд рот несколько крупнее и ноги гораздо больше моих...

Профессор Финн покашлял и, нахмурясь, уставился в историю болезни.

— Могу ли я узнать, сколько вам лет, миссис Лоуфорд?

— Разумеется. Мне еще нет тридцати.

— Вы замужем?

— В настоящий момент — нет. Мой второй муж умер полгода назад. О-ох, это было ужасное время! Но, к счастью, его жизнь была очень прилично застрахована.

— Что беспокоит вас?

— Меня? Ничего. Ах да, конечно... У меня часто бывают сильные головные боли. В последнее время я совсем не могу не спать. Нынче ночью немного не поспала — и вот целый день глотала аспирин. Мой брат говорит, что я слишком много курю, но ведь это, кажется, не должно действовать на голову. Я курю, даже не затягиваясь, и вот...

— А боли в пояснице у вас бывают? — перебил Джерри.

— Иногда.

Джерри встал.

— Будьте добры, обнажите вашу спину и ложитесь сюда на стол, лицом вниз.

Миссис Лоуфорд была поражена.

— Что? Я должна раздеться?

— Откройте только спину, чтобы я мог осмотреть ее.

— Но, доктор... Я не могу... На мне нет... То есть... на мне лишь это облегающее платье да пояс с чулками...

Лицо профессора Финна покрылось жарким румянцем. Впервые за время своей короткой практики Джерри увидел в своей пациентке не просто больную, а молодую женщину, у которой красивое лицо отлично заменяет мозги. Правда, ее подбородок был очень мал, свидетельствуя о недостатке воли, но в целом лицо безошибочно напоминало лицо Джоан Кроуфорд. Джерри на мгновение забыл о хиропрактике и подумал, что вполне способен понять тех мужчин, которые целуют красавиц в шею, восхищаясь их стройными ножками.

— Миссис Лоуфорд, — проговорил он, чуть-чуть заикаясь, — угодно ли вам будет лечь на стол, чтобы я смог поставить диагноз?

— Диагноз? А что это такое? — спросила женщина с любопытством.

— Определение болезни.

— У меня нет никакой болезни. Я всегда жила скромно и прилично...

— О конечно, миссис Лоуфорд! Но в вашем позвоночнике, вероятно, имеются какие-нибудь повреждения, которые и вызывают головную боль.

Миссис Лоуфорд устремила на профессора Финна взгляд, заученный по кинофильмам, и спросила:

— Доктор, что вы хотите со мною делать?

— Осмотрю вашу спину.

— А вы дадите честное слово, что не коснетесь меня?

Джерри Финн лишился дара речи. Он был по натуре несколько застенчив, еще с детства привыкнув сидеть у дверей. Теперь он в душе поблагодарил судьбу за то, что по крайней мере не стал по-

мощником врача по женским болезням. Но постепенно сила воли вернулась к нему, и он сказал почти деревянным голосом:

— Миссис Лоуфорд, вы ведь знаете, что хиропрактика сосредоточивает внимание на изучении позвоночника человека. Стало быть, если вы ожидаете помощи от хиропрактики, вы должны подчиниться осмотру. Извольте лечь на стол.

— Я все время думала, что хиропрактика — это что-то другое, — ответила миссис Лоуфорд. — Я, конечно, не имею ничего против осмотра спины, но... Я просто ужасно боюсь щекотки...

Руки профессора Финна сами сжались в кулаки, и он не удержался от восклицания:

— Миссис Лоуфорд! Вы хотите превратить меня в шута?!

Затем он сел к столу, закурил и добавил сухо:

— Прием окончен.

Миссис Лоуфорд вынула из сумочки сигарету и спокойно подошла к Джерри:

— Разрешите прикурить, доктор? Спасибо.

Она положила руку на плечо хиропрактика и произнесла извиняющимся тоном:

— Вы меня неверно поняли. Я вовсе не лгу: в самом деле, я ужасно боюсь щекотки. И, кроме того, я немного стыдлива. Даже

чересчур стыдлива. Сколько раз мне приходилось из-за этого страдать...

В душе у профессора Финна был какой-то хаос. Он снял руку женщины со своего плеча и произнес бесцветным голосом:

— Миссис Лоуфорд, чего вы ждете?

— Ничего. Ах да, конечно. У меня есть предложение. Не можете ли вы, доктор, прийти ко мне домой? Дома я чувствую себя как-то свободнее. Я живу очень близко: всего два квартала отсюда к северу.

— Нет, — отрезал Джерри. — Мы не ходим к больным на дом.

— Хорошо. Сколько я вам должна?

— Нисколько. Можете идти.

Женщина бросила окурок в пепельницу и, пожав плечами, чуть-чуть насмешливо попрощалась:

— Простите, что побеспокоила европейского доктора.

Джерри молчал. Казалось, женщина не глядя увидела что-то, чего он не видел, хотя смотрел во все глаза. Внезапно в мозгу его блеснула какая-то мысль. Он вскочил и поспешил за посетительницей. Догнав ее на лестнице, он спросил:

— Миссис Лоуфорд, когда можно к вам прийти?

— Завтра. В девять вечера.

Она достала из сумочки визитную карточку.

— Вот мой адрес. Я очень рада, что познакомилась с вами, господин доктор. Надеюсь, вы не обиделись на меня. Видите ли, доктор, мы, люди искусства, несколько необычный народ.

Миссис Лоуфорд ушла, а Джерри, охваченный раздумьем, вернулся в кабинет, где его ждал сияющий мистер Риверс.

— Сегодня тебе не придется готовить ужин, — сказал хозяин добродушно. — Мы идем с тобой в ресторан «Саратога». Я вспомнил, что сегодня день моего рождения: утром мне исполнилось шестьдесят пять.

Джерри поздравил коллегу, в пожилом теле которого превосходно жилось душе младенца.

Выйдя через несколько минут из дому, они залюбовались полной луной, взлетевшей над небоскребами Манхэттена.

— Что за чудо! Вроде бы не время полнолунию, — заметил мистер Риверс.

— В этой стране все возможно, — сказал профессор Финн с легкой иронией, так как последняя сегодняшняя пациентка нарушила покой его души.

Едва оба доктора сели в машину, как вдруг полнолуние Манхэттена взорвалось и рассыпалось по небу светящимися буквами: «Употребляйте зубную пасту Коло-Нол...»

— Вечно эта реклама, — утомленно вздохнул Джерри.

— Что же тут плохого? — спросил мистер Риверс, включая передачу. — Без рекламы ты не сделал бы в эту неделю трехсот долларов чистыми.

Джерри не стал спорить. Он лишь подумал про себя об одной мелочи: для чего вырабатывают и рекламируют зубную пасту, когда почти у каждого взрослого — вставные зубы, которые ночью покоятся в стакане с водой?

Несколько минут назад, наблюдая красиво накрашенный ротик миссис Лоуфорд, он неожиданно узнал ее прелестные, сверкающие зубы: такие зубы в серийном производстве выпускает знаменитейшая фирма пластмасс — «Арнольд Д. Эттвуд и К°».

Мистер Риверс остановил машину у ресторана «Саратога» и сказал с пафосом:

— Сегодня плачу я.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

в которой Джерри Финн вторично пускает в ход свой молоток, но тем не менее теряет свободу и независимость

— Сегодня вечером в Хагар-сквере большой митинг, — сказал мистер Риверс своему ассистенту, когда они на другой день, поужинав, курили. — Ты не хочешь туда съездить?

Джерри ответил с усталым видом:

— Не могу... Мне нужно пойти в другое место.

— Тебе нужно в другое место?

— Да, я получил приглашение. Нужно повидать одного знакомого.

Мистер Риверс изумился:

— Но у тебя здесь нет никаких знакомых!

Не рискуя лишиться доверия своего шефа, Джерри не мог сказать, что занимается практикой в неурочное время. Поэтому он ухватился за первую попавшуюся мысль и соврал так, что даже не успел покраснеть.

— Один мой родственник прибыл в Америку туристом, и я должен повидать его.

— Так, может быть, и мне пойти с тобой? — спросил доктор Риверс трогательно наивно.

— Не стоит... Во всяком случае, не в этот раз.

Джерри попытался отвлечь внимание мистера Риверса:

— А кто выступает сегодня в Хагар-сквере?

Мистер Риверс раскрыл вечернюю газету и стал просматривать страницы объявлений.

— Основным оратором на митинге будет миссис Роберт Попкин.

— Роберт Попкин, — повторил Джерри, вспомнив вкрадчивого сотрудника доктора Хинсея, который вербовал агентов по анкетированию полового поведения женщин дома и вне дома. — Роберт Попкин. Не тот ли самый, что вовлек меня в дело доктора Хинсея?

— Нет, — ответил мистер Риверс. — Это его жена.

Джерри подошел и стал через плечо мистера Риверса читать объявление о митинге. Объявление, стоившее по меньшей мере долларов пятьсот, содержало следующую радостную весть:

Женщины Америки! Вам грозит великий позор. Писатель Альберт Хинсей, который в прошлом году опубликовал свое безнравственное сочинение «Женщина хочет мужа», готовит к изданию новую

позорную книгу — «Институт любви», которая уже рекламируется. Что же останется от женской чести, если ее обнажить на глазах у всего народа? В Америке имеется 14 тысяч женских обществ, которые насчитывают свыше 15 миллионов членов. Все они должны сейчас развернуть энергичную деятельность ради того, чтобы новый труд доктора Хинсея не попал в руки ни в чем не повинных читателей. Бруклинское отделение Союза спасения женщин от мужского гнета (ССЖМГ) организует сегодня в 8 часов вечера митинг протеста в Хагар-сквере. На митинге выступит миссис Роберт Попкин, председательница ССЖМГ и член сорока восьми различных женских объединений, королева красоты 1928 года и четырехкратная мисс Бруклин.

Присутствие всех женщин обязательно. Митинг будет транслироваться по радио.

Бруклинское местное отделение ССЖМГ.
Лючия Чэдвик — почетный председатель.
Лола Макдауэлл — секретарь и казначей.

— Миром правят женщины, — сказал мистер Риверс, швырнув газету в сторону. — Слава Богу, что ты вовремя бросил эти анкеты. В противном случае мы потеряли бы сначала всех женщин, а потом и мужчин.

— А ты не мог бы слушать этот митинг по радио? — заметил профессор Финн.

— Вот это верно, — вдохновился мистер Риверс. — В самом деле, присутствовать на сборище, где так накалены страсти, небезопасно.

Через шестнадцать минут мистер Риверс включил радио, отыскал нужную станцию и уселся на тахте. Возмущенная мораль заставила трепетать эфир:

...Передача ведется через студии Бруклин, Манхэттен и Бронкс. Наши микрофоны установлены в центре Хагар-сквера, куда собрались на митинг около ста тысяч женщин и несколько десятков мужчин, а также стянуты значительные силы полиции.

От имени Бруклинского отделения ССЖМГ митинг откроет миссис Элен Батлер. Пожалуйста, миссис Батлер.

— Благодарю вас, мистер Кэйн. Уважаемые слушатели! Чем была бы Америка без женщин? Это мы создали Америку. А теперь нас толкают в грязь наиомерзительнейшей аморальности. Доктор Альберт Хинсей своею книжонкой «Женщина хочет мужа» нанес женскому полу тягчайшее в нашем столетии оскорбление. И вот теперь доктор Хинсей подготовил издание нового труда, еще более безнравственного. Доктор Роберт Попкин предоставил мне возможность ознакомиться с несколькими анкетами, и я просто в ужас пришла. Доктор Хинсей говорит, что своим ученым исследованием он содействует развитию науки и социальному прогрессу, но в то же время он оскорбляет матерей, жен, сестер и дочерей во всем ми-

ре. Нет, он нисколько не содействует науке, а только разоблачает перед всем светом нашу безнравственность и показывает наши грехи до и после вступления в брак. ССЖМГ требует, чтобы этим делом занялся Конгресс, в котором у нас в настоящее время заседают лучшие люди, каких только можно купить за деньги. Разрешите мне на этом открыть настоящий митинг, покровительницей которого любезно пожелала быть председательница Центрального комитета Национального объединения женщин миссис Алва Риттер. Спасибо вам, женщины!

— Спасибо, миссис Батлер.

Дорогие слушательницы и слушатели! Вы пробовали «Блитц»? Известно ли вам, что «Блитц» приготовляется из лучшего в мире солода? «Блитц» — это лучшее в мире пиво. Оно утоляет жажду, и от него не полнеют. Так не тратьте же ни одной драгоценной минуты без «Блитца»!

Продолжаем нашу передачу из Хагар-сквера. Сейчас в воздухе необычайное безветрие, термометр показывает 80 градусов по Фаренгейту в тени.

Эй! Эгей! Эге-ге-гей!! Кури сигареты «Филипп Моррис» — самый ходкий сорт сигарет в мире. Все врачи рекомендуют сигареты «Филипп Моррис». Эти сигареты не раздражают горло, и от них не возникает рак легких. «Филипп Моррис»! «Филипп Моррис»! «Филипп Моррис»! Эй! Эгей! Эге-ге-ге-гей...

Уважаемые слушатели! Говорит УДФС по станциям Бруклин, Манхэттен и Бронкс. Выступает миссис Роберт Попкин.

— Дорогие слушатели! Дорогие женщины! Мы понимаем шутки, но мы не терпим порнографии. Каждый взрослый мужчина знает о женщинах не меньше доктора Хинсея, но знает про себя и помалкивает и не тратит на печатание подобных книг тысячи тонн бумаги, которые можно было бы продать за границу. Я сама могла бы рассказать миру о половом поведении женщин гораздо более захватывающие истории, чем сотни агентов доктора Хинсея, но я не сделаю этого по моральным соображениям. Я не желаю привлекать всеобщее внимание, крича во все горло: «Смотрите, вот я какая — с ног до головы и с головы до пят!» Если новая книга доктора Хинсея увидит свет и почта начнет рассылать ее, тогда мы, женщины, должны объявить бойкот этой книге. Мы не купим ни одного экземпляра — и даже у друзей и знакомых не станем брать ее, чтобы прочесть. Литературное творчество доктора Хинсея таит в себе огромную опасность для всей нации. Оно может привести к возникновению жарких столкновений между обоими полами. Тогда Союз спасения женщин от мужского гнета покажет свою силу. Теперь, после моей речи, будет проведен сбор пожертвований в пользу нашего Союза. Сборщицами будут кандидатки на предстоящий в октябре Всеамериканский конкурс красоты. Вы легко узнаете их по узеньким набедренным повязкам и лифчикам из настоящей леопардовой шкуры...

— Дорогие слушатели! Вы чувствуете усталость? Стакан пива «Буггенхейм» поможет вам. Оно прекрасно освежает, придает силы, и от него не полнеют!

Большая распродажа готового платья по сниженным ценам. «Диггельс и братья» распродают остатки своих запасов. Цены безжалостно урезаны. Нам даже самим совестно продавать так дешево, но мы не можем поступить иначе, так как мы ненавидим большие запасы. Запомните: «Диггельс и братья»...

— ...Когда эти девушки-сборщицы подойдут к вам, вы уж не скупитесь, а жертвуйте, во всяком случае, не меньше одного доллара. В будущем нам потребуется все больше средств, ибо впереди тот час, когда мы, женщины, возьмем наконец в свои руки всю полноту власти. Медицина уже теперь зашла так далеко, что мужчины постепенно становятся ненужными, а вскоре потребность в них совсем отпадет. Я испытываю чувство глубокой жалости к тем девочкам-школьницам, которые, бросив своих кукол и книжки, начинают думать о мужчинах. Хотя они видят, как их старшие подруги, выйдя замуж, становятся бледными, худыми, вялыми, лохматыми женщинами, у которых искусственные зубы лежат в стакане с водой чуть ли не до полудня, они все-таки мечтают о замужестве. Мне жаль тех молодых женщин, которые боятся дотронуться пальчиком до маленькой рыбешки или рака, но у которых хватает смелости броситься на шею какому-нибудь старому кутиле, едва лишь он их поманит. Мне жалки те женщины, которые тратят по два дня на покупку подходящего лифчика, но на выбор мужа не хотят потратить и минуты. Правда, выбор мужей в нынешнее, послевоенное время гораздо более ограничен, чем выбор лифчиков, но зато и возвышающее влияние их тоже относительно гораздо меньше.

Я сожалею о тех женщинах, которые, покупая платье, желают получить точные сведения о качестве и прочности материи, но при выборе мужа не спросят совета даже у своей матери. И все-таки мы знаем, что мужчина — это характер только в темноте. В мире есть миллионы мужчин, ставших мужьями лишь оттого, что существуют женщины, ненавидящие одиночество. Четырнадцать тысяч наших женских объединений упорно трудятся ради устранения этой нелепости. Когда женщины вовлечены в общественную деятельность, они забывают об одиночестве, и тогда их не заманить замуж никаким ухаживанием.

Противоречия между полами за последние годы обострились, и они станут еще острее, если люди, подобные доктору Хинсею, смогут нас безнаказанно позорить. Правда, что проститутки — женщины, но правда также и то, что не все женщины — проститутки, не все, даже в Париже.

Становясь невестой, женщина получает большие привилегии, но в браке она их фактически теряет, потому что муж — точно автомобиль: если его не беречь постоянно как зеницу ока, его прихо-

дится заменять. Если бы все женщины были достаточно умны, они бы только обручались и становились невестами, но решительно отвергали бы затем все предложения о браке.

Есть миллионы примеров того, как женщина превращает своего мужа в идола, которому она поклоняется и служит; но имеются также миллионы случаев, когда женщина воспитывает из своего мужа неразумного отпоенного теленка, которому не годится уже ни молоко, ни фруктовый сок...

— Дорогие слушатели! Красота еще недавно была природным даром, который доставался на долю немногим. Теперь каждая женщина может стать очаровательно красивой, употребляя «Диамант» — мыло красоты. «Диамант» — секрет нетленной красоты прекраснейших женщин. Запомните: лучшее в мире мыло красоты — это «Диамант». «Д и а м а н т»!

...Уважаемые женщины! Современная психология различает множество женских типов. Бывают женщины атлетические, лептосомные, пикнические и косметические; есть женщины добродетельные и злобные, горячие и холодные, болтливые и молчаливые, вспыльчивые, умные, подвижные. Но в одном они все совершенно одинаковы: они требуют уважения, больше уважения! Доктор Хинсей хочет отнять честь у всех женщин. Как же мы после этого посмотрим в глаза нашим детям? Сможем ли мы тогда восхищенно взглянуть хотя бы на одного-единственного мужчину? Нет, тысячу раз нет! Мы должны показать мужчинам, что не нуждаемся в них. Счастливы женщины, которые всю жизнь остаются свободными. В тысячу раз счастливее те, которые оставляют мужчин в дураках! Уважаемые женщины! Говорю вам: счастлива та женщина, которая вместо мужа выбирает себе в друзья собаку. Хотя бы спаниеля. Черного или рыжего.

Если женщина изберет себе собаку, то это может стать ее первой любовью. А если она будет хорошо ухаживать за животным, платить собачий налог, возить своего четвероногого друга на выставки и, наконец, опубликует его портрет в журнале «Лайф», это может остаться и последней ее любовью. Никогда нельзя быть настолько же уверенной в мужчине, у которого непременно наступает пора бегов. Мужья увиваются вокруг чужих женщин и лают на своих жен, а хорошо воспитанная собака поступает как раз наоборот. Маленький спаниель всегда ходит на четырех лапах, а супруг — только когда возвращается усталый с собрания. Но и при этом он ведет себя не так, как настоящая собака, которая тихо ползет себе под стол, — нет, он переворачивает стол, утверждая, что пол покат, а жену называет собакой. Когда настоящая собака получает кость, она спокойно отправляется в свой угол; но когда мужу подают обед — он капризничает, как ребенок! Старая собака не может больше грызть кости, но чем

муж становится старше, тем злее грызет он свою жену. Когда собака умирает, ее хозяйка легко находит себе новую, которая будет лизать руку старухи с той же нежностью, что и руку молодой девушки. Другое дело, если женщина в конце концов освободится от мужа: к тому времени обычно он уже замучает свою жену настолько, что бедняжка не сможет раздобыть себе нового мужа никакими силами. И все сбережения, сколоченные совместно, уходят на похороны и на могильный камень, который непременно должен быть тяжелым, как характер усопшего...

— Уважаемые слушатели, дорогие женщины! Мы с вами прослушали первую часть выступления миссис Роберт Попкин. Публика — в восторге. Вы слышите возгласы одобрения и аплодисменты? Да, дорогие слушатели, митинг проходит с большим успехом. Но никакой успех не может быть полным без виски «Сани Брук». «Сани Брук» освежает и порождает благородные мысли. «Сани Брук» — это наиболее ходовое, наиболее распространенное, наиболее широко продаваемое виски в мире. Это — король виски, которым всегда может по праву гордиться наша страна. Не тратьте время на выбор сорта виски. «Сани Брук» — это ваше виски, виски специально для вас!..

Итак, дорогие слушатели, мы вновь предоставляем слово миссис Попкин. Пожалуйста, миссис Попк...

Джерри выключил радио, так как было уже без четверти девять. Мистер Риверс уснул и во сне насмешливо улыбался. Эта натянутая улыбка была вызвана вовсе не высокомерным отношением к сновидению, а всего лишь вставными зубами доктора. Крепости его сна можно было позавидовать.

Надев пиджак, Джерри сунул в нагрудный карман грелку и прибор для электромассажа. Затем он бесшумно вышел из комнаты и крадущимися шагами стал спускаться в полутемный подъезд, где в это время какой-то паренек и девочка-школьница занимались немым объяснением в любви. Воспитанники свободной системы обучения, они нисколько не стеснялись окружающих, давая простор любопытству своей молодой страсти. Джерри деликатно обошел юную пару, долгий поцелуй которой прервать было невозможно; поспешив к выходу, он столкнулся с человеком, вошедшим с улицы. Это был доктор Попкин со своим неизменным кожаным портфелем.

— Вот удача! — воскликнул коротышка. — Я шел именно к вам.

Джерри хотел было сказать, что у него срочное дело, но талантливый деятель медицины не слушал ничего, кроме собственной быстрой речи.

— Профессор Финн, почему вы перестали работать по анкетированию? Разве вы не знаете, что всякая ценная услуга, которую вы нам окажете, может облегчить ваш прием в американское гражданство?

— Это я прекрасно знаю, но мои больные думают иначе. Ваши анкеты мешают моей практике. Да и вообще настроение женщин сейчас так накалено, что, пожалуй, лучше не дразнить их.

— Накалено? О чем вы говорите?

— Я только что слушал передачу из Хагар-сквера. Там большой митинг протеста, на который собралось сто тысяч женщин и...

— Сто тысяч! — перебил изумленный доктор Попкин. — Это превосходит все наши расчеты! Друг мой, да ведь это великолепно! Какая досада, что я не успел на митинг... Так вы говорите — сто тысяч!..

— Да, и атмосфера чрезвычайно накалена, — повторил Джерри. — И я не могу понять вашей радости, доктор, когда даже ваша... Простите, доктор, но ваша супруга...

— Произнесла речь, — доктор Попкин пришел на помощь нерешительному Джерри. — Досадно, что я не успел послушать. Шерли иногда так робеет перед выступлением. Кстати, как вам понравился ее голос?

— Красивый голос... Но содержание речи было очень резким и осуждающим.

— Не критикуйте речь: она написана мною.

— Вами?..

— Ну да. Я всегда пишу речи для моей жены. Зато и она мне помогает кое в чем.

Джерри затряс головой:

— Я что-то перестаю понимать. Мне казалось, весь митинг был организован против доктора Хинсея и его новой книги.

— Совершенно верно. Между нами, все это было организовано на деньги и по инициативе доктора Хинсея.

— Возможно ли?

Доктор Попкин похлопал Джерри по плечу и сказал:

— Это может показаться для вас неожиданным, поскольку вы только недавно прибыли из нудно традиционной, старомодной Европы. Видите ли, дорогой профессор, у нас нужно все рекламировать. Нельзя пренебрегать никакими средствами. Если о товаре не говорить — его никто не купит. Все равно, что говорить, — лишь бы только не молчать. Молчанием можно погубить и хорошее предприятие. Я искренне рад, что на митинг пришло так много народу. Если по радио назвали сто тысяч, значит, в парке было наверняка тысяч пятьдесят, а это даст по крайней мере двадцать тысяч подписчиков на книгу доктора Хинсея.

Джерри стало грустно. До чего же наивны писатели, которые не умеют сами рекламировать свои произведения! Ибо книги пишет кто угодно, а вот чтобы продать их — для этого требуется деловой гений. Прав был Исаак Риверс, который говорил: «К этому надо привыкать. Здесь тебе не Старый Свет».

Джерри заторопился.

— Извините, доктор, но мне надо идти.

Доктор Попкин схватил его за руку:

— Так вы будете продолжать анкетирование? Я так и знал! Если когда-нибудь напишут историю медицины, прокладывающей новые пути, ваше имя попадет в ее анналы, рядом с именем доктора Хинсея!

Джерри вырвался на свободу и зашагал по тротуару, но доктор Попкин нагнал его. Джерри прибавил шагу, а потом пустился бежать. Покосившись опасливо глазом, он увидел коротышку доктора, бежавшего рядом с ним, — тот не отставал.

— Так, значит, вы будете продолжать анкетирование, — пыхтя, прокричал энтузиаст науки о половом поведении. — Я вас очень высоко ценю, мистер Финн. Вы — незаменимая индивидуальность...

Джерри прибавил скорость, боднул с разбегу в бок нескольких встречных и, внезапно свернув в черный двор какого-то большого дома, закружил там своего преследователя между мусорными ящиками и автомобильным хламом. Затем он выскочил на улицу и, взглянув на карточку с адресом, быстро сориентировался и с разбегу влетел в парадный подъезд. На втором этаже он отыскал дверь с маленькой дощечкой: «Джоан Лоуфорд».

Сердце Джерри усиленно билось, в ногах он ощущал удивительную усталость. Он опоздал на пять минут, хотя несся всю дорогу галопом. Прежде чем позвонить, он поправил галстук, проверил нагрудный карман, где покоились грелка и электромассажер, и удостоверился, что молоточек был на месте — в заднем кармане брюк. Впрочем, все это были движения, невольно выдававшие его нервное состояние.

Однако для этого, по-видимому, не имелось никаких оснований. Джоан Лоуфорд вышла к нему в новейшем купальном костюме, сияюще прекрасная.

— Я заранее оделась и приготовилась, чтобы вам, доктор, не ждать меня, — сказала миссис Лоуфорд сердечно.

Джерри сказал бы, что больная скорее разделась, но, памятуя о серьезности своей задачи, хиропрактик смотрел хладнокровно на второстепенные обстоятельства. Он достал свою аппаратуру — электромассажер и грелку, спросил хозяйку дома о местонахождении штепселя и о подходящей кушетке, снял пиджак и стал засучивать рукава сорочки.

— Можем начинать, — сказал он официальным тоном.

— Не хотите ли, доктор, сначала рюмочку вина? — спросила вежливо миссис Лоуфорд.

— Спасибо, вы очень любезны.

После четвертого бокала миссис Лоуфорд предложила:

— Не подать ли теперь виски, для перемены?

Джерри сделал отрицательный жест и поглядел на часы. Было без четверти десять. Время — деньги, и похоже, что на сей раз единственной платой для него будет проведенное время. Смакуя вино, Джерри делал беглые наблюдения. Квартира миссис Лоуфорд была обставлена очень мило.

— Сколько у вас комнат?

— Пять.

— И вы живете одна?

— Да. В настоящее время. Иногда у меня гостит мой брат. Так налить вам немного виски?

— Нет, спасибо.

Джерри смутно соображал, что ему надо было делать, а от чего воздержаться. Наконец он сказал сдержанно-дружелюбно:

— Прошу вас лечь на кушетку, чтобы я мог осмотреть вашу спину.

Миссис Лоуфорд охотно исполнила указание, но, видимо, поняла его не совсем точно, в силу чего профессор Финн был вынужден еще вежливее заметить ей:

— Пожалуйста, на живот, миссис Лоуфорд.

Больная со вздохом повернула хиропрактику спину, и Джерри принялся искать порочные позвонки. Его любопытные пальцы успешно исполнили резвый танец. Через минуту он радостно воскликнул:

— Четвертый позвонок снизу! Тут небольшой узелок. Вы, наверно, когда-нибудь натрудили спину?

— Не помню...

— Возможно, это было несколько лет назад. А теперь этот хрящ давит на нерв, отчего боль распространяется к ногам и к голове.

В этот момент больная перевернулась на спину и задала неожиданный вопрос:

— Доктор, вы женаты?

— Нет... не женат, — ответил Джерри не сразу, вспоминая доморощенное изречение Исаака Риверса: «Не все мужчины безумны — некоторые остаются старыми холостяками. Старый холостяк всегда знает женщин лучше женатого, иначе он не был бы старым холостяком. Он также знает предел, у которого надо остановиться».

— Так вы свободны? — радостно воскликнула миссис Лоуфорд.

— Да, конечно... но какое это имеет отношение к вашему четвертому позвонку?

— Не знаю. А что мне надо делать теперь?

Поскольку у старого холостяка нет ни жены, на которую можно жаловаться, ни детей, о которых можно рассказывать небылицы, он говорит о своей работе. Джерри говорил о хиропрактике. Он вышел на середину комнаты и начал наставлять больную.

— Делайте три раза в день так. Во-первых, примите исходное положение, — вот так. Затем — руки на бедра, большими пальцами назад. Потом изо всех сил нажимайте на бедра, поднимая плечи вверх, вот так. После этого — ноги на ширину плеч, а руки — горизонтально в стороны, и начинайте выбрасывать руки вперед и назад, в то же время сгибая туловище вот таким движением...

Хиропрактический рецепт вызвал на лбу Джерри крупные жемчужины пота и покрыл нежным томатным румянцем все его лицо и шею.

— И вы уверены, что причина именно в четвертом позвонке? — спросила миссис Лоуфорд немного недоверчиво.

— Я не возьму платы, если окажется, что я ошибся.

Скептицизм пациентки оказался настоящим искушением для Джерри, и его пальцы снова потянулись в увлекательное путешествие по красивой спине женщины — к четвертому позвонку. Он погрузил концы пальцев в межпозвоночные выемки, но на этот раз даже не успел и нажать по-настоящему, как больная вдруг закричала благим матом и стала звать на помощь. Растерявшийся Джерри тотчас отнял руки и почувствовал, что его бросает в дрожь. Крики больной стали еще громче, она растрепала волосы и вдруг, разорвав свой модный узенький лифчик, швырнула его на пол. В это время

Джерри услышал, как в наружной двери поворачивается ключ. Дверь распахнулась, и в комнату ворвался... Чарльз Лоусон! Тот самый Чарльз Лоусон, с которым у Джерри на днях было столкновение. Миссис Лоуфорд перестала стонать и терла заплаканные глаза. В дверях показались любопытные соседи и дворник. Чарльз бросился к несчастной, спрашивая раздраженным тоном:

— Чего этот гад хотел от тебя?

— Не могу сказать, не могу... — простонала она жалобно.

— Все и без того ясно, — многозначительно сказал Чарльз.

Он посмотрел на Джерри липким взглядом, затем повернулся к дверям и обратился к публике, в особенности к дворнику:

— Вы видите, в чем дело? Вы слышали крики? Моя сестра звала на помощь, когда этот типчик пытался совершить над нею насилие. Если теперь заварится дело, вы расскажете суду все как есть.

Десяток пар любопытных глаз с интересом наблюдали бы этот спектакль и дальше, но Чарльз выпроводил всех и захлопнул дверь, оставив публику на лестничной площадке обсуждать происшествие. Затем, подойдя к Джерри, он начал допрос.

— Чего ты пристал к моей сестре?

— Здесь произошло какое-то недоразумение, — пытался защищаться Джерри. — Я не могу понять...

— А я все понимаю. Ты хотел ее изнасиловать.

— Это неправда! — воскликнул Джерри, умоляющим взглядом призывая на помощь миссис Лоуфорд, которая в это время надевала утренний халат. — Миссис Лоуфорд, объясните же вашему брату, как все было.

— Я не хочу ничего говорить, — ответила женщина, тихонько всхлипывая.

— Вот видишь! — обрадовался Чарльз. — Если бы ты был негр — как пить дать, попал бы на электрический стул. А так — отделаешься тюрьмой. Свидетели есть.

Джерри постарался взять себя в руки.

— Я хиропрактик, вы это прекрасно знаете. Миссис Лоуфорд пригласила меня на дом, чтобы я посмотрел, что у нее со спиной. Разве не так было дело, миссис Лоуфорд?

— Я не хочу ничего говорить, — повторила женщина сухо.

Чарльз кинул на Джерри победоносный взгляд.

— Брось ты, лекарь, выкручиваться и врать. Ты опозорил мою сестру. За это надо платить.

— Платить?

— Да. Или гони монету, или женись.

Джерри бросился к виновнице событий, спрашивая, почти умоляя:

— Миссис Лоуфорд, что вы думаете о подобном вымогательстве?

— Если это по-вашему вымогательство, то мне остается только молчать.

Чарльз надвинул шляпу на глаза. Джерри угадал его намерение, но поздно.

— Чарли! Не бей его слишком сильно! Побереги лицо! — закричала женщина.

Джерри плюхнулся к ногам Чарльза, утирая окровавленные губы. Тут он вспомнил о своем легком оружии и, прежде чем Чарльз успел пережить торжество победы, Джерри — цок, цок! — поразил его своим молоточком в оба колена. Рука Чарльза направилась было в карман, но тотчас отдернулась и повисла как плеть, ибо Джерри успел тюкнуть еще и в локоть. Затем он на всякий случай ударил и по другому локтю, чтобы усыпить все конечности своего врага. Продолжая действовать последовательно, Джерри взял распростертое тело под мышки и вытащил его на лестницу. Затем он вернулся и стал требовать объяснений:

— Это нечестная игра, миссис Лоуфорд. Я попрошу разобраться в этом деле полицию. Со мною такие шутки не пройдут.

Устремив на Джерри удивленно-вопрошающий взгляд, она сказала:

— Успокойтесь, профессор. Чарли такой вспыльчивый. Он только хотел защитить меня.

— И шантажировать меня! — воскликнул Джерри.

— Нет, нет. Нисколько. Но ведь вы понимаете, что я теперь выставлена в очень дурном свете. Все жильцы дома начнут судить да пересуживать. Таковы люди. Нынче в большой моде нравственность.

— Меня пересуды нисколько не волнуют.

— А меня волнуют. Ведь речь идет о чести женщины. О моей чести! Вы понимаете?

— Нет.

Миссис Лоуфорд вынула платочек и стерла кровь с подбородка Джерри. Все-таки у нее была, по-видимому, широкая натура. А еще шире были ее бедра. Она поглядела Джерри прямо в глаза и тихо спросила:

— Неужели это шантаж, если бы вам предложили на мне жениться?

Джерри был похож в этот момент на молоденькую простушку, которая отвечает сватам знаменитым фарсовым восклицанием: «Ах, это вышло так неожиданно!» Оказывается, путь к сердцу женщины шел через спинной хребет.

Однако Джерри был человеком который думает прежде чем действовать, а решив — не изменяет решения. Он только холодно спросил:

— Миссис Лоуфорд, зачем вы делаете из меня шута?

— «Миссис Лоуфорд, миссис Лоуфорд»! — воскликнула она обиженно. — Я не выношу, когда ты называешь меня «миссис Лоуфорд». Для тебя я Джоан. А как твое имя?

Джерри не успел что-нибудь ответить, как снова внезапно распахнулась дверь и в комнату вошел, слегка хромая, Чарльз в сопровождении полицейского.

— Что здесь происходит? — осведомился представитель власти.

Джоан молча устранилась, предоставляя Джерри давать объяснения.

— Ничего противозаконного, — сказал Джерри спокойно.

— Ничего? А знаете вы, что за такие дела выдворяют с территории Соединенных Штатов? Сначала вы пристаете к женщинам, а потом начинаете избивать мужчин!

— Это неправда, — так же спокойно ответил Джерри.

— Он, видимо, решил все отрицать, — заметил Чарльз. — Он из тех европейских бродяг, от которых надо избавиться. Всякие переселенцы...

— Говорить буду я! — строго перебил полицейский и снова обратился к Джерри: — Покажите ваше оружие!

— У меня никакого оружия нет, — ответил Джерри невинно.

— У вас имеется какое-то ударное оружие, — настаивал полицейский, — какая-то дубинка или молоток.

Джерри вынул молоток из кармана.

— Это мой инструмент.

— Вы что же столяр или слесарь?

— Я хиропрактик.

— Что это за профессия?

— Я врач, лечу повреждения спины.

Полицейский взял у Джерри молоток и осмотрел его с добродушной улыбкой. Точно таким молотком его сынишка недавно сильно покарежил крылья семейной автомашины.

— Что вы делаете этим молотком? — спросил полицейский, вдруг устремив на Джерри испытующий взгляд.

— Проверяю у больных рефлексы.

— Что проверяете?

— Рефлексы.

— Это какие такие... где они находятся?

— Они имеются у человека повсюду, во всем теле, но хиропрактик легче всего находит их в коленях.

— Не болтайте чепухи. По крайней мере у меня нет никаких этих... лиф... лихрексов.

— Рефлексы есть у каждого. И у вас тоже.

Полицейский подал Джерри молоток и сказал:

— Ну-ка, покажи!

Джерри ударил полицейского по коленям, и строгий блюститель порядка повалился на четвереньки. Он попытался было встать, но тут же снова опустился на пол.

— Мерзавец! — вскричал полисмен, хватаясь за кобуру, но Джерри был теперь на высоте положения: он моментально поразил

полисмена в оба локтя и, вдруг обернувшись к стоявшему поблизости Чарльзу, сделал и ему на всякий случай местную анестезию ног и рук. Затем он вытащил их расслабленные тела за дверь и быстро вернулся за своим пиджаком, электромассажером и грелкой. Ему надо было бежать, прежде чем конечности его врагов снова обретут чувствительность. Но бегству его помешала Джоан. Она бросилась ему на шею, повторяя возбужденно:

— Это блестяще, Джерри! Я восхищена тобой! Ты настоящий мужчина...

Она прилипла к нему, как ириска к зубам; на ее горячей груди могла бы испечься даже картошка. Джоан экономила время и потому влюбилась с первого взгляда.

— Иди, я спрячу тебя... — шептала она страстно.

Затем случилось то, что читатель видел в конце множества кинофильмов, и мы не станем распространяться на тему о том, как обыкновенный поцелуй может служить превосходным средством для обуздания старых холостяков.

Когда Джерри выходил из дома этой удивительной пациентки, неся за пазухой грелку и электромассажер, стрелка часов уже заехала на несколько минут в новые сутки. Он еще не потерял свободу, но уже пошел на соглашения, которыми его свобода ограничивалась.

Через два дня миссис Джоан Лоуфорд и хиропрактик Джерри Финн совершили стремительную поездку в соседний штат, где был освящен их официальный брак. После этого Джерри узнал, что женщина утром выглядит иначе, чем вечером...

3 Зак. 11

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

в которой Джоан Финн рассказывает свою грустную повесть и советует мужу застраховать подороже свою жизнь

— Молодые люди действуют быстро и безрассудно, — сказал мистер Риверс, услыхав, что его коллега женился. Джерри ожидал поздравлений, но мистер Риверс продолжал:

— Надеюсь, жена не будет мешать твоей работе, иначе мы не сможем сотрудничать. Мне, конечно, следовало бы поздравить тебя и купить какой-нибудь подарок, но лучше я сделаю это, когда ты разведешься.

Джерри стало грустно. Несколько минут назад он пришел сообщить своему товарищу по работе важное известие, но тот принял это, как горькую пилюлю.

— Ну, теперь ты, конечно, переедешь к ней? — спросил мистер Риверс.

— Да. Сегодня перееду.

— Жаль. Мне было хорошо с тобою весь этот месяц.

— Я очень благодарен тебе за все, — ответил растроганно Джерри. — Когда я немного обживусь, позову тебя в гости, как-нибудь вечерком.

Джерри начал укладывать свои вещи. Имущества у него пока еще набралось не слишком много — все отлично уместилось в один чемодан. Мистер Риверс сам предложил отвезти молодожена домой на машине, но не переставал ворчать:

— Стало быть, ты у нее третья жертва. Женщины действительно непонятный народ. Им непременно надо попасть на венчальную скамеечку, на кухню, в прачечную, в родильный дом и в родительский совет, прежде чем они смогут сказать наконец, что все мужчины негодяи. Затем следует развод, а в большинстве случаев еще и алименты, то есть штраф, который приходится платить одному за ошибку двоих.

— Исаак, отчего ты такой злой? Ты говоришь так, словно сам был когда-то женат.

— Я и был женат.

— Ты?

— Я. Тридцать лет прошло с той поры. Но удовольствие было недолгим. Мы прожили вместе лишь четыре дня.

— Отчего же вы разошлись?

— Оттого, собственно говоря, что мы поженились. У моей жены была склонность к мотовству. Однажды я заметил ей, что следовало бы завести картофелечистку, так как она всегда чистила картофель, снимая кожуру слишком толстым слоем. Тогда она вовсе бросила чистить картошку и переехала к своим родителям. С тех пор я всегда делаю это сам, не считая последнего месяца, когда мне помогал ты.

Настроение было немного грустное. Проводив Джерри до дверей, мистер Риверс кротко заметил:

— Заведи на утро будильник, чтобы не опоздать на прием. Видишь ли, любовь слепа, но пациенты-то не слепы.

Джерри хотел было что-то сказать, но к нему незаметно уже пристала малоречивость женатого человека, он лишь произнес рассудительно:

— Спасибо, Исаак. Ты хороший друг...

На что Исаак ответил:

— Если не уживешься в новом доме, перебирайся обратно. У меня по крайности куриного кудахтанья не слышно.

Джерри еще раз промолвил: «Спасибо, Исаак» — и с чемоданом в руке переступил порог нового жилья.

Квартира эта была обставлена, собственно, при помощи одного лишь слова: «Хочу!» Обычный американец покупает сначала дом, а затем автомобиль, на котором можно уехать подальше от этого дома. Джерри Финн еще не знал великого блага покупок в кредит и в рассрочку, и у него еще не было ни дома, ни машины, ни долгов. Была только жена, которая имела все это.

После длительного поцелуя Джерри получил разрешение быть как дома. Ласковый сентябрьский вечер навевал хорошее настроение. Джоан опустила шторы на окнах и погасила раздражающий свет, ибо знала по опыту, что фотоснимки и любовь лучше всего проявляются в темноте. Она была по натуре активна, тогда как Джерри, напротив, всегда страдал недостатком инициативы. Ведь, собственно, именно благодаря активности Джоан они теперь стали мужем и женой, узнали имена и возраст друг друга и получили законное право любить и ссориться. Разумеется, близорукость Джерри была виной тому, что ему пока еще довольно трудно было отличать свою жену от других женщин и сотни девушек на улицах казались ему похожими на Джоан. Он не догадывался, что Джоан была представительницей определенного женского стандарта, образчики которого украшали первые страницы газет, журналов и оберток туалетного мыла.

Джерри был застенчив. Мы это и раньше в нем отмечали. Но теперь застенчивость эта зашла так далеко, что в первый свой супружеский вечер он измучился от голода. Он просто не осмеливался спросить у жены о еде. А Джоан, по-видимому, питалась одной жевательной резинкой. Даже целуясь, она держала резинку во рту.

Как ловко она кончиком языка засовывала свою душистую жвачку под губу, готовясь к поцелую!

Живущие до сих пор в средневековом невежестве европейцы считают американской национальной страстью бейсбол. Они, как обычно, ошибаются: это вовсе не бейсбол, а жевательная резинка.

Итак, начало их совместной жизни было отмечено жгучим голодом, жевательной резинкой и поцелуями. Но, как говорил Исаак Риверс, к этому надо привыкать!

Чтобы начало брачной жизни прошло под знаком прогресса, Джоан включила радио. Сидя бок о бок, рука в руке, они слушали серенаду Шуберта, под которую какая-то мыльная фирма зарифмовывала свои собственные слова. Джерри было грустно за Шуберта, но все же его несколько утешало то, что хотя бы благодаря рекламе мыла «Серенада» люди слушают классическую музыку.

— А в Европе есть радио? — спросила Джоан.

— Есть, — утвердительно кивнул Джерри.

— Вот как? Значит, и туда понемногу добирается прогресс. Но когда же они там получат телевидение?

— Там уже есть и телевидение.

— Неужели? Может быть, у них есть и автомобили и даже кино?

— Все это у них есть.

— Ну, так, значит, они вовсе не такие уж отсталые, как говорят. Ты меня любишь?

— Люблю.

— Я люблю тебя просто ужасно! Я люблю даже твой акцент. На каком языке говорят в Европе?

— На разных. Я говорил по-фински.

— Так ты, значит, финн?

— Да.

— А где находится твоя Финляндия? Она недалеко от Кореи?

— Да... Совсем рядом.

— Ах, как я тебя люблю! Кстати, а где находится Корея?

— Совсем рядом с Финляндией.

— И там говорят на одном языке?

— Почти. Даже корейскую грамматику написал финн.

Джоан одобрительно кивнула головой. Она восхищалась безграничностью познаний своего третьего мужа и его героизмом, благодаря которому он победил двух крепких мужчин. Ее Джерри был настоящим Эдисоном спинных хребтов.

— Джерри, ты меня любишь?

— Люблю! — воскликнул супруг очень громко, так как по радио в это время передавалась детективная постановка какой-то табачной фирмы и кто-то звал на помощь с такой силой, что Джерри с трудом мог расслышать свой собственный голос. Он бросил в сто-

рону радиоприемника взгляд, полный страдания, и предложил поискать другую станцию. Но жена возразила:

— Нет, нет. Я хочу дослушать эту передачу до конца. Я очень люблю детективные радиопостановки. Ты тоже должен привыкнуть к ним. Ах, какое прекрасное ритуальное убийство!

— Если бы я привык!.. — сказал Джерри со вздохом.

— Ты должен. Я воспитаю из тебя настоящего мужчину. Скажи, ты меня любишь?

Джерри тяжело вздохнул:

— Разумеется! Но я не изучил еще как следует обычаи этой страны.

— О-о, конечно! Но ты их выучишь быстро. Я люблю тебя так ужасно, так безбожно сильно! И я обещаю сделать из тебя настоящего мужчину. Тебе нужно будет еще обучиться боксу, потому что каждый настоящий мужчина должен уметь драться. Ах, как я люблю...

Джерри уже знал по опыту, что лучший способ остановить фонтан женского красноречия — поцелуй. Позднее он заметил, правда, что женщина, если зажать ей рот, может говорить и носом. Брак показался ему пожизненным заключением, облегчить или сократить которое несчастный осужденный не может даже и безупречным поведением. А тут он еще ко всему был голоден. Голод — это как бы история, ежедневно повторяющаяся сначала. В конце концов Джерри собрал всю силу воли и сказал без обиняков:

— Я голоден.

— Неужели? Почему же ты тогда не принес с собою никакой еды? — изумилась Джоан и, достав кончиком языка жевательную резинку из-за нижней губы, переложила ее за верхнюю губу. — Ну, я не осуждаю тебя за это. Но скажи: ты любишь меня?

Поскольку Джерри не отвечал, Джоан немного убавила звук радио (ее не интересовала реклама новой мастики для полов) и приняла позу несчастной жены. В неподдельном огорчении она потихоньку стала напевать.

— Скажи, тебе нравится пение? — вдруг спросила она.

— Нравится, — ответил Джерри, вспоминая великолепный холодильный шкаф мистера Риверса, где имелся лучший в мире выбор мясных и фруктовых консервов.

— Я имею в виду мое пение.

— Нравится, конечно...

— Ах, как ты мил! Эрол никогда не давал мне петь.

— Какой Эрол?

— Моего второго мужа звали Эрол. Он приходил в бешенство, когда я пела. Вообще он любил фортепьянную музыку, но мне не давал даже играть на фортепьяно. Он был жестокий.

— Ему не нравилась твоя игра?

— Нет, наверно, нравилась! Но он всегда говорил, что на пианино якобы нельзя играть одним пальцем. Он был страшен. Но, к сча-

стью, он умер. Мы все-таки успели пожить с ним более трех недель. Это было ужасно. Между прочим, он утонул на рыбной ловле.

— А твой первый муж? — спросил Джерри нерешительно.

— Его я почти уже не помню. Это было давно: два года назад. Мы прожили с ним только две недели, и он умер.

— Тоже утонул?

— Нет, он погиб на охоте. Кто-то принял его за дикого оленя и выстрелил. Ах, я больше ни за что не вышла бы замуж за журналиста.

Джерри вздрогнул.

— А твои мужья разве были журналистами?

— Оба. Тома я не очень хорошо знала, потому что мы встретились на танцах только один раз и потом поженились. Но Эрол ухаживал за мною месяца два. Мы были с ним вместе в психиатрической больнице.

Джерри почувствовал, как у него кровь с шумом приливает к голове, и больше не стал спрашивать ни о чем. Ему было почти жаль жены, которая вышла замуж по любви, будучи в полной уверенности, что ее избранник — состоятельный человек.

После короткого молчания Джоан рассказала мужу свою печальную историю. Это было грустно до слез, и прежде всего потому, что это было так обычно... Если нашему любезному читателю обыкновенные истории уже наскучили, он может, пропустив несколько страниц, перескочить отсюда прямо к следующей главе, так как сюжет нашей повести от этого нисколько не пострадает. Но путь же миссис Финн рассказывает, не будем ей мешать!

— Я не особенно печалилась о смерти Томми, потому что со мною он был невыносимо жесток. И вдобавок ко всему у него были отвратительные привычки. Однажды он сунул себе в рот мои вставные зубы и так и носил их целый день. А еще у него была привычка есть репчатый лук. Так я потом долго не могла избавиться от привкуса лука во рту. О-о, как я ненавижу репчатый лук! Жизнь Томми была застрахована очень прилично, но он имел также много долгов. Когда все подсчитали, мне осталось лишь тысячи две долларов. Я тогда стала ужасно нервничать, и мой брат Чарли поместил меня в психиатрическую больницу, где я встретила Эрола. Тогда я не знала, что Эрол журналист. Он выглядел совсем как обычный человек. Мы полюбили друг друга и поженились в больнице. Затем Эрол продал все свое имущество, и мы уехали в свадебное путешествие по Южной Америке. Вернувшись, Эрол на большую сумму застраховал свою жизнь, и вскоре его застрелили. Джерри, ты меня любишь?

— Люблю, люблю, — отвечал Джерри устало.

— В таком случае ты должен завтра же застраховать свою жизнь. Только уж ты страхуйся на достаточно большую сумму.

Джерри показалось, будто жизнь уже уходит от него. Он молчал. Джоан закурила сигаретку и на минуту оставила жевательную резинку в покое. Джерри пытался разглядеть во тьме лицо своей жены. Вдруг он спросил:

— Отчего Эрол попал в больницу?

— Он был болен.

— Понимаю, но что за болезнь?

— Комплекс неполноценности. Он не мог научиться произносить букву «л».

— А чем была больна ты сама? — с ужасом спросил Джерри.

— Комплекс боязни. Я все время боялась, что кто-нибудь войдет и застрелит меня. А потом я боялась атомной бомбежки. Разве ты не знаешь, что теперь все люди чего-нибудь боятся? Только я начала бояться раньше других — и потому попала в сумасшедший дом. Но скажи же мне, Джерри, ты ведь меня любишь?

Джерри ответил неожиданным вопросом:

— Джоан, почему ты захотела выйти замуж за меня?

— Потому что я влюбилась в тебя с первого взгляда. В тебе было что-то экзотическое или не знаю что. А кроме того, ты — доктор. Одна моя знакомая девушка из Техаса тоже замужем за доктором, и они живут очень хорошо. В Америке нет ни одного бедного доктора. Я ненавижу бедность.

— К сожалению, я беден, — сказал Джерри мрачно. — А кроме того, я даже и не доктор.

Джоан включила торшер, который осветил ее лицо, выражавшее самый искренний ужас.

— Разве хиропрактик — это не доктор? — спросила она в изумлении.

— Нет, только лекарь. А я еще пока что и не хиропрактик.

— Т... так ч-что же ты т-тогда такое?

— Бывший журналист и учитель.

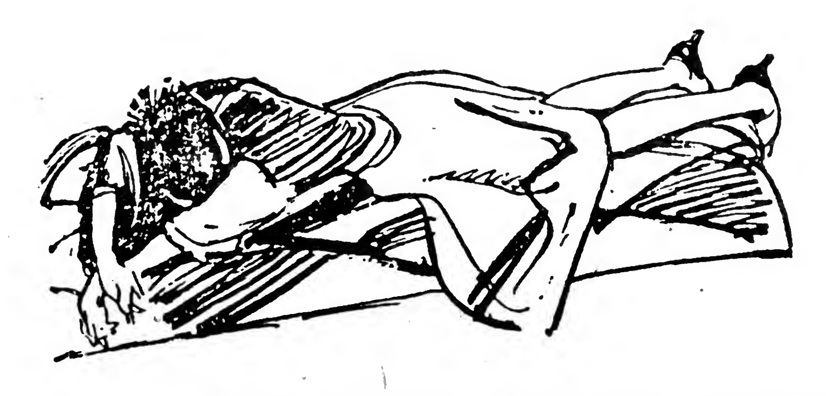
Джоан было трудно превозмочь потрясение. Губы ее задрожали, и через какой-то миг неудержимые рыдания охватили все ее существо. Слезы смыли тушь с ресниц и пудру с лица. Как быстро все произошло! Вчера — невеста, сегодня — супруга, а завтра, может быть, разведенная жена!.. Джоан искала сокровище, а нашла обычного искателя сокровищ...

Джерри чувствовал себя обязанным утешить жену.

— Джоан, ну не надо... Успокойся. Все еще наладится.

— Ничего у нас не наладится, раз ты не настоящий доктор, — говорила она сквозь рыдания.

— Но на хиропрактике можно разбогатеть гораздо быстрее, чем на обычном лечении людей, — объяснял Джерри, полный надежд, невольно сбиваясь на радужно-мечтательный тон. — Вспомни, например, мистера Риверса, он богат, как крез.

— А Крез — тоже хиропрактик? — спросила Джоан, успокаиваясь немного.

— Да, — ответил Джерри, прикусив губу и замечая, что снова начинает ухаживать за своей очаровательной женой, которая знала из истории лишь Адама, Еву да еще Авраама Линкольна.

Первая буря, настигшая молодоженов, стала постепенно затихать, и Джерри начал верить, что его подлинное призвание в жизни — это благородная профессия няньки. Теперь он впервые сам поцеловал свою жену и затем с новым жаром принялся ей расписывать огромные, невероятные возможности хиропрактики. Операции аппендицита и гланд были лишь мелким крохоборством по сравнению с лечением спинных хребтов! Эльдорадо врачей находилось не в желудке больных, а в их позвонках!

Джоан теперь уже совершенно успокоилась и снова влюбилась в «экзотический» акцент своего золотоискателя.

— Во всяком случае, ты должен застраховать свою жизнь, — сказала она серьезно. — Сделай это завтра же. И возьми очень большую страховку.

Джерри не понимал такой спешки, поскольку он намеревался жить до старости или, во всяком случае, гораздо дольше своих предшественников — Тома и Эрола. Поэтому он сказал уже без церемоний:

— Я ужасно голоден. Неужто у тебя в самом деле нет ничего поесть?

— Подожди, я посмотрю, — ответила Джоан и на всех парусах умчалась на кухню. Вернувшись через минуту, она на сей раз не стала вымогать у мужа признаний в любви, а спросила с нежностью:

— Миленький мой, ты любишь кукурузные хлопья — корнфлекс?

— Готов съесть все что угодно, — отвечал изголодавшийся супруг.

— В таком случае я тебе дам немного корнфлекса. Это лучшее лакомство в мире. А в Европе есть корнфлекс?

— Вообще — нет. То есть там его едят очень мало.

— О-о! Какая же там нищета! А кока-кола и жевательная резинка?

— Немножко. Но и они там не вошли по-настоящему в моду.

— Ай-ай, какая же там должна быть нищета! Ни кукурузных хлопьев, ни кока-колы, ни жевательной резинки! Каким же чудом люди еще живут в этой Европе? Недаром там ежедневно миллионы людей мрут от голода. Кстати, сколько жителей в Европе?

— Около пятисот миллионов.

— Так мало! В Америке по крайней мере в десять раз больше. Или, во всяком случае, около того. Я уже не помню точно. Так много лет прошло с тех пор, как я ходила в школу. Но и тогда Америка была самая большая в мире. А вторым по величине был Техас.

Джерри остановил фонтан речей поцелуем, а затем постарался вернуть мысли жены к кукурузе. Съев чашечку поджаренных на маргарине кукурузных хлопьев, которые по вкусу напоминали целлюлозу, Джерри стал подумывать о сне. Но Джоан перед сном хотела еще поговорить о центральном вопросе жизни: о деньгах. Деньги пренебрегали различием языков. Доллар обладал удивительной силой: он мог говорить и обрывать разговоры. Сколько людей ради денег женятся или выходят замуж, хотя не проще ли было бы достать денег взаймы?

Проведя основательную инвентаризацию, Джоан установила, что в семейной кассе имелось наличными пятьсот двенадцать долларов. Пятьсот десять из этой суммы она поместила в свою сумочку, а два доллара выдала мужу на случайные расходы. Джерри утратил право голоса и получил строгое предупреждение насчет утайки доходов. Наивный золотоискатель с этого дня должен был привыкнуть к тому, что диалог между мужем и женой, касаясь денежных дел, становится монологом.

Джоан быстро подсчитала объем семейных затрат и заявила:

— Двести долларов необходимы мне на собственные расходы, а триста я пошлю моим детям.

— Твоим детям?! — воскликнул Джерри. — Так у тебя есть еще и дети?

— Ну конечно. Два сына и дочь.

— Но ведь ты же не... то есть ты же так недолго была замужем... — лепетал потрясенный Джерри.

— Они у меня родились еще до замужества, — ответила Джоан скром-

но. — Юджину теперь двенадцать лет, Рут скоро исполнится десять, а Томасу — восемь. Юджин родился, когда я еще ходила в школу.

Джерри колотил себя по вискам кулаками и уже не пытался скрыть свое душевное состояние. Вдруг он мучительно простонал:

— Джоан, нет ли у тебя виски?

— Конечно есть!

Она поставила на стол бутылку и рюмки. Джерри захотелось отбросить все приличия. Он хватил большой глоток прямо из горлышка, крякнул и скривился. Затем заговорил медленно, голосом, полным ненависти, злобы и слез:

— Джоан! Почему ты молчала об этом раньше?

— О виски?

— Нет, о твоих детях.

— Разве я вчера не упоминала что-то по этому поводу? Ни к чему было. А кстати, в Финляндии есть виски?

— Нет. Там пьют древесный спирт, — отвечал Джерри с горечью. — Где находятся твои дети?

— Ах, какая же там должна быть нищета! Дети? Они живут у моих родителей, на ферме, в Техасе. Неужели и ты пил древесный спирт?

— Нет, но теперь мог бы выпить...

— Господи, Джерри! Наверно, виски ведь все-таки лучше? Скажи, что ты меня любишь!

Джерри встал, отхлебнул из бутылки еще один здоровенный глоток и уставился на жену диким взглядом. Ему хотелось кричать во весь голос, чтобы водка не зря пропадала.

— Люблю, люблю! Люблю-у-у! Я люблю тебя, как черт ладан!..

Джоан смотрела на мужа восхищенно и взвизгивала от восторга:

— Ах, какой ты сильный, когда захмелеешь! Если бы ты знал, милый, как безгранично я люблю тебя! Теперь пойдем спать, Джерри! Иди, мой миленький, моя радость, моя душенька!..

Джерри опорожнил бутылку до последней капли и, поддерживаемый женой, направился в спальню. Ему казалось, будто он погружается в какую-то бездну, из которой доносится оглушительная трескотня рекламных барабанов. Чаша его терпения наполнилась до краев. Как говорят циники стонущему в тоске несчастному страдальцу: «Если хочешь избавиться от мук и забыть о мелких неприятностях, купи себе тесные ботинки или женись».

Его пора было уже спасать — да некому.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

в которой метрдотель ресторана приводит обоснование цены шпигованного бычьего филе, а книгоноша торгует жемчугом и брикетами

— Ну, как прошла первая ночь? — спросил мистер Риверс, когда Джерри утром явился на работу.

Джерри отвечал немножко сонно:

— Спасибо, брат! Как видишь, я жив...

Любовь подобна корсету, который заставляет человека выглядеть лучше, чем обычно. Но на Джерри она оказывала как раз обратное влияние: он казался подавленным и сонным, задавал больным вопросы рассеянно и массировал хребты совсем машинально. На душе у него было горько. Любви не купить, но тем не менее за нее надо было платить. Джерри не осуждал жену, нет — вина лежала не на женщине, а на мужчине, который не был способен к самозащите.

С утра больных на прием явилось больше обычного, в том числе было снова несколько первичных, до которых дошла молва о чудесном докторе из Европы. Кто пришел лечиться от болей в животе, кто от сердцебиения, а кто от склероза. Удивительно, что люди не верили лучшим в мире докторам, но полагались на хиропрактику. Это показывало, насколько важную роль играет спинной хребет в жизнедеятельности человеческого организма.

Около полудня доктора сделали перерыв на завтрак. Теперь мистер Риверс отправился на кухню, а Джерри — к своему новому семейному очагу. Он сразу ощутил определенную прочность общественного положения, увидав на дверях дощечку: «Джоан & Джерри Финн». Из комнат доносился ужасный шум, гам и вопли, но оказалось, что это было всего лишь радио. Джоан еще лежала в постели, читая нашумевший уголовный роман «Пять убийств за одну минуту». Увидав любимого супруга, она вскочила с кровати и побежала в ванную за своими зубами. Она не хотела целоваться без зубов. После поцелуя Джоан сделала признание в любви, а затем перешла к обыденной прозе:

— Ай, как я тебя ждала! Я так проголодалась! Миленький, что ты собираешься приготовить на завтрак?

Джерри опешил:

— А разве завтрак еще не готов?

— Нет, конечно: ты ведь не приходил до сих пор.

— Я немного спешу...У меня только час перерыва.

— Тогда тебе надо поторопиться.

— Ты хочешь сказать, что я сам должен готовить завтрак?

— А кто же его приготовит? Ведь не думаешь же ты, что я стану готовить пищу? Скажи, ты меня любишь?

Джерри осторожно отстранил жену. Он больше не удивлялся тому, что сумасшедшие дома переполнены: туда ежедневно попадают сотни мужей, которые начинают колотить своих жен, вместо того чтобы выколачивать половики.

Джоан трудно было понять душевную черствость мужа, которая проявлялась прежде всего в неразговорчивости.

— Милый, что с тобой? Ох, если бы ты знал, какой изысканный роман я читала все это утро! Там убивают так изысканно, так прекрасно! И потом, там такая изысканная любовь! Один юноша влюбляется в свою мачеху — художницу. Джерри, что бы ты сказал, если бы я начала рисовать картины? Теперь это модно. Эрол всегда говорил, что у меня имеются способности — ведь я ирландского происхождения. Собственно говоря, я уже немного занималась живописью — в больнице. Но потом я начала писать стихи, которые Эрол посылал в газеты. Ах, милый, у меня такая масса интересов! Я еще читаю философские книги, которые Эрол купил незадолго до своей болезни. Поэтому все мужчины увлекаются мною. Они влюбляются в мою красоту и в мои таланты...Джерри, Джерри!

С каменным лицом он направился к выходу. Ему стало как-то не по себе: у него было такое чувство, что то ли он принадлежал к разряду домашних животных, то ли его жена была последним чудом женственности.

— Джоан, я должен сейчас уйти, — сказал он тихо. — Оденься и ступай позавтракай в каком-нибудь ресторане. Я не успею приготовить тебе поесть.

— Неужели ты так и уйдешь, не поцелуешь свою женушку?

Джерри исполнил ее желание. Джоан помахала ему на прощание рукой и послала несколько воздушных поцелуев. Затем она поспешила снова лечь в постель, чтобы продолжать чтение.

Гражданин вселенной Джерри Финн начал было склоняться над бездной черного пессимизма, но вдруг увидел прямо перед собой витрину ресторана, где рекламировалось лучшее в мире жаркое. Среди многих заманчивых призывов была и такая надпись: «Наш ресторан славится на весь мир как излюбленное место отдыха журналистов и художников».

Джерри сел за дальний столик и стал ждать официантку. Из кухни доносились ароматы, от которых слюнные железы готовы были пуститься в пляс. Джерри с таким нетерпением ожидал обслуживания, что задремал у стола. Официантка разбудила его.

Джерри очень смутился, так как она принадлежала к тому же стандарту, что и Джоан. Сходство было разительное.

— Будьте добры, жаркое, — учтиво сказал Джерри.

— Пожалуйста, выбирайте, — сказала ресторанная Джоан, раскрывая перед ним меню.

Джерри пробежал глазами названия блюд: *мясо тушеное в горшочке, лангет, бычье филе шпигованное...*

— Принесите мне бычье филе шпигованное. Одну минуточку! Сколько это стоит?

— Четыре доллара. Блюдо порционное, готовится по особому заказу.

— М... мне не обязательно по особому заказу...

— Да, но это блюдо готовится только по особому заказу.

— Слишком дорого. Я по профессии бывший журналист. Не будет ли дешевле коровье филе?

— Шпигованное бычье филе готовится только из коровьего мяса.

Слюнные железы перестали отплясывать польку.

— Мисс, знаете ли вы, какая разница между быком и коровой?

— Конечно... то есть нет, не знаю. Я ни разу не бывала на ферме.

— Хорошо, тогда позовите сюда метрдотеля. Может быть, он знает.

Явился метрдотель — мужчина с плавными движениями, с лицом парикмахера и чистейшим английским произношением.

— Что будет угодно господину директору?

— Простите, я только редактор газеты. Бывший.

— Очень приятно. Могу порекомендовать вам бульон или котлеты: они дешевы и в них совершенно нет конины.

— Еще раз прошу прощения. Я бы желал шпигованное бычье филе, но не могу понять, почему оно так дорого?

— Только четыре доллара.

— Немыслимая цена! И к тому же оказывается, вы готовите его из коровьего мяса!

Метрдотель сел к столу, глядя прямо в глаза Джерри.

— Сударь мой, — сказал он наставительно. — Знаете ли вы вообще, что такое корова? Бывали ли вы когда-нибудь на ферме? Я имею в виду — на скотоводческой ферме?

— Я хочу есть, — ответил Джерри.

— Это не меняет дела. Газетчики всегда хотят есть или пить. Особенно бывшие. Но для уяснения цены жаркого мы должны бросить беглый ретроспективный взгляд на исходное сырье, то есть на корову. Корова — это самка крупного рогатого скота. Крупный рогатый скот относится к полорогим жвачным, к подотряду парнокопытных.

— Умоляю вас, сэр, я голоден! — воскликнул Джерри.

— Простите, сэр, но я бы просил не перебивать меня. Итак, рога крупного рогатого скота — числом два или ни одного, в зависимо-

сти от породы — являются полыми роговыми образованиями и растут на костяном комле, то есть на двух симметрично расположенных костяных выступах или шишках лобной кости.

Метрдотель достал из кармана карандаш и начал рисовать на полях меню какие-то схемы, продолжая пояснения:

— Схема расположения зубов крупного рогатого скота следующая. Вот, обратите внимание:

$$\frac{60006}{61616} = 32.$$

Джерри вытер платком лоб, а метрдотель продолжал излагать историю жаркого:

— Итак, корова является самкой крупного рогатого скота. У нее низкий, грудного тембра голос — альт и прекрасный открытый взгляд. Она к тому же обладает способностью вырабатывать молоко. Таким образом, корова поставляет незаменимое сырье для различных соусов, а также отличную замену материнского молока для миллионов представителей подрастающего поколения человечества, оказывая тем самым необходимую помощь современным матерям, которые вообще с ужасом думают о кормлении детей грудью. И в конце концов люди еще сдирают с коровы шкуру. Правда, с коровы можно содрать только одну шкуру, тогда как с человека сдирают две, три и больше — и очень часто с человека дерут шкуру постоянно, непрерывным методом, в течение всей жизни. Вы, несомненно, слыхали, что самца коровы называют быком? В Соединенных Штатах лучших быков привозят на сельскохозяйственные выставки, где их премируют и где таким же образом выбирают какую-нибудь женщину королевой красоты. В Испании же и в Мексике быков вместо этого выводят на арену, где их, к великой радости публики, по очереди закалывают.

В Техасе быков преследуют с помощью лассо, а в Вашингтоне в них стреляют. Если женщину назвать коровой, она обычно сердится, но если мужчину назвать быком, то он чаще всего краснеет. Кусок мяса на хорошее жаркое, пока он еще находится в спине или бедре коровы, стоит на ферме двадцать центов, в мясной лавке — девяносто центов, но у нас, в ресторане, его цена уже четыре доллара. Почему? Да по той простой причине, что мы за него ручаемся. Следовательно, это уже не конина, а говядина — настоящее коровье мясо. А поскольку жаркое готовится по особому заказу, то тем более цена его четыре доллара.

Метрдотель закончил свои рекомендации и встал, ожидая заказа.

— У меня только два доллара, — сказал со вздохом Джерри. — Следовательно, я не могу заказать шпигованное бычье филе.

— И вы заставили меня рекомендовать вам это жаркое! — возмутился метрдотель. — Как это называется по-вашему?

— Прошу прощения, сэр. Но разрешите задать вам еще один маленький вопрос: кем вы были раньше, до работы в ресторане?

Метрдотель с опаской огляделся кругом и сказал почти шепотом:

— Я был в университете профессором зоологии, но когда в нашем штате несколько лет назад был принят новый закон, которым было запрещено преподавание эволюционного учения во всех школах и университете, я переквалифицировался. И не раскаиваюсь. Вы же знаете, какое жалкое существование ведут профессора! Оклады их так малы, заработки так скудны, что они давно уже перестали пользоваться зонтиками. По собственному опыту скажу вам, что научная работа не подходит человеку, который обеими ногами стоит на земле и обеими руками тянется к долларам. Оттого-то наша страна и ввозит постоянно ученых из Европы, посылая взамен свиную тушонку и радиопрограммы.

Метрдотель снова огляделся кругом и спросил официально-вежливо:

— Чем могу служить, сэр?

— Котлету и чашку кофе.

— Спасибо. Пятьдесят центов.

* * *

По причине всего вышеизложенного перерыв на завтрак у Джерри затянулся. В особенности постарался метрдотель, угробив на двухминутное дело более двух часов. Когда Джерри наконец пришел к себе на работу, в передней у мистера Риверса шла рукопашная схватка.

— Джерри! На помощь! — послышался крик самого мистера Риверса.

Джерри ускорил шаги, взбежал на второй этаж и тут увидел поединок Исаака и доктора Роберта Попкина. Хотя Джерри никогда не бывал ранее на боксерских состязаниях, он теперь неплохо выступил в роли судьи на ринге, выпутав тонкие пальцы гинеколога из жестких волос хиропрактика.

— В чем дело, господа? — спросил он с изумлением.

— Эта пиявка окончательно разгонит нашу женскую клиентуру.

— Простите, простите... дело обстоит не совсем так, — возразил доктор Попкин. — Я только беседовал с некоторыми вашими больными, пока ожидал профессора Финна.

— После его беседы в приемной не осталось ни одной женщины, — сказал Исаак, а затем потребовал у Джерри объяснений о причине опоздания.

— Возникли непреодолимые препятствия... Я объясню потом.

— Что тут объяснять!. — ответил Исаак, махнув рукой, Затем, бросив гневный взгляд на Попкина, ядовито добавил: — Я думал, что ты уже развязался с этим сексуальным господином.

— Не разумнее ли будет, если мы войдем и закроем дверь? — заметил Джерри, видя, что на лестнице собирается любопытная публика.

— Я вполне согласен, — обрадовался доктор Попкин.

Но Исаак Риверс был другого мнения:

— Вы немедленно уберетесь ко всем чертям — и чтобы вашей ноги здесь больше не было!

Затем он добавил:

— Джерри, у меня на приеме двое больных. Займись, пожалуйста, этим хорьком. Гони его в шею. Надо кончать этот сексуальный базар.

Исаак ушел к себе в кабинет, а Джерри остался в дверях объясняться с доктором Попкином.

— Я глубоко сожалею, профессор Финн, что вам приходится работать с таким некультурным коллегой, — промолвил доктор Попкин. — Я пришел, чтобы повидаться с вами, и в ожидании начал задавать собравшимся на прием женщинам кое-какие вопросы. Те самые, что в наших анкетах. Вы же знаете: вполне невинные маленькие вопросы. Ну, правда, десятка два женщин расшумелись и ушли. Подумаешь, какая важность! В Америке сорок миллионов сексуально зрелых женщин — и с каждым днем их становится больше. Не успел я разговориться с одной маленькой мисс, как вдруг ворвался ваш коллега и начал меня поносить. И не только поносить: он пустил в ход физическую силу! Другой-то силы у него нет!..

— А эта маленькая мисс?

— Она ждет вас там. Но вернемся к делу: неужели вы действительно не хотите продолжать анкетирование?

— Нет. Решительно нет.

— Но почему? Неужели вы не хотите оказать человечеству великую услугу?

— Она слишком непосильна для меня.

— В таком случае я сделаю свои выводы. Вы лишь недавно прибыли в эту страну и отказываетесь выполнить свой гражданский долг.

Джерри прервал его жестом лопнувшего терпения:

— Доктор Попкин! Все ясно! Мне надо идти.

Он переступил через порог и хотел было закрыть дверь, но коротышка-доктор успел вклинить в щель носок своего ботинка. Джерри всеми силами старался вытолкнуть застрявшую ногу противника, но тщетно. В конце концов ему не оставалось ничего другого, как сунуть руку в свой задний карман. Он приоткрыл дверь еще не-

много и тюкнул осаждающего в оба колена, после чего свободно закрыл дверь в полной тишине.

В обетованной земле частного предпринимательства каждому приходилось стараться за себя и быть предприимчивым, насколько возможно. Так поступал и доктор Попкин. Но хиропрактики тоже были частными предпринимателями, оберегающими свободу своей инициативы. Символом свободы Джерри был молоток, а Исаак Риверс полагался на свои кулаки и богатый запас крепких слов.

Ожидавшая в приемной девочка-подросток при виде Джерри поднялась с места. Хиропрактик машинально поздоровался с нею, надел белый халат и сел к столу, чтобы заполнить карточку.

— Имя? — спросил он.

— Эстелла Говард.

— Возраст?

— Двенадцать лет.

— Замужем?

— Я?

Оторвав глаза от карточки, Джерри наконец разглядел пациентку, спрятал авторучку в карман и спросил отеческим тоном:

— Что же болит у маленькой мисс?

— Ничего. Мама послала меня спросить, не может ли доктор зайти к нам? Мы живем в этом доме, на шестом этаже.

— А твоя мама так больна, что не может прийти сама?

— Нет, мама не больна.

— Кто же у вас болен?

— Лаура.

— А что с нею случилось?

— У нее скоро должны быть маленькие. Прошлый раз родились трое — и все умерли. Мама думает, что доктор мог бы помочь.

Джерри прикусил губу.

— Лаура — это твоя сестра?

— О, нет, Лаура — это собака.

В третий раз уже ему предлагали роль ветеринара. Он начал подозревать, что некоторые больные, рассерженные анкетами доктора Хинсея, хотят теперь отомстить. Он посмотрел девочке прямо в глаза и строго спросил:

— Кто послал тебя ко мне?

— Мама.

— Хорошо. Я пойду и посмотрю на вашу Лауру сейчас же, немедленно.

Девочка повела Джерри на шестой этаж. Счастливое семейное событие дало миру четырех маленьких спаниелей; кроткая мамаша делала им первое помазание своим языком. Однако миссис Говард была чрезвычайно удивлена, видя свою дочь с профессором Финном, которого знала как хиропрактика. Мать устремила на девочку весьма укоризненный взгляд и спросила:

— Где ты пропадала два часа?

— Я ждала доктора, — ответила девочка невинно.

— Ждала? Негодная! Я же звонила ему несколько раз — и тебя там даже не видели. Ну, говори, где ты была?

Джерри понял, что произошло недоразумение. Желая выручить из беды маленькую Эстеллу, он сказал примирительно:

— Маленькая мисс по ошибке зашла в мою приемную, миссис Говард. Но вы можете не жалеть об этой ошибке, так как у меня в Европе была собачья клиника и случаи такого рода я знаю как свои пять пальцев.

Джерри не имел привычки лгать, но теперь он, собственно, и не лгал, а только рекламировал себя. И, поскольку в рекламе дозволено пользоваться любыми средствами, он и выбрал первое попавшееся. Позднее, правда, ему пришлось из-за этого пострадать, но это уж совсем другая история.

Любители собак испытывают друг к другу известную симпатию и родственные чувства. Поэтому, узнав об интересе профессора Финна к собакам, миссис Говард даже слегка похорошела от восторга.

— Как это великолепно! Все люди с добрым сердцем любят собак. Ну, скажите, доктор, не правда ли — милые малыши?

— Совершенные красавцы, — подтвердил Джерри, — прямо-таки безупречные. Если бы я искал себе собаку, я выбрал бы непременно спаниеля.

— Вы принадлежите к бруклинскому Спаниель-клубу?

— Нет... Ведь всего месяц, как я приехал в эту страну.

— Совершенно верно! И у вас еще даже нет спаниеля! Но, профессор, дело теперь отлично улаживается. Я подарю вам одного из этих щенков. Через месяц вы сможете сами выбрать того из них,

который будет вам больше по душе. И тогда вы, уж конечно, вступите в наш клуб. Я могу дать вам рекомендацию. Видите ли, профессор, членом нашего клуба можно стать только при наличии рекомендации.

Джерри пытался найти вежливый предлог, чтобы как-то уклониться от вступления в собачье общество, но все отговорки его лишь усиливали активность миссис Говард.

— Нет, нет, вам, безусловно, необходимо завести собаку. Я уверена, что и жена ваша тоже увлечется спаниелем. Чем больше мы узнаем людей, тем горячее начинаем любить собак. Надеюсь, вы теперь каждый день будете заходить, чтобы взглянуть на этих милых прелестных спаниельчиков?

Прежде чем уйти, Джерри был вынужден еще полюбоваться коллекцией премий, медалей и почетных грамот Лауры. И, наконец, ему пришлось высказать сердечную благодарность хозяйке, которая взвалила на его плечи новый крест.

Джерри поспешил обратно на работу. В своей приемной он встретил мистера Риверса. Исаак впервые за все время выглядел пессимистом.

— Я хочу поговорить с тобой серьезно, — сказал он почти с дрожью в голосе. — Твоя практика хиреет изо дня в день. Сколько больных ты принял сегодня?

— Девятнадцать, насколько помнится, — ответил Джерри.

— Я пропустил немногим более сорока. Из них — только двое первичных.

Исаак достал из кармана ножичек и стал чистить им ногти, как бы думая вслух:

— Доктор Попкин сыграл с нами скверную шутку. Я начинаю подозревать, что он подослан к нам союзом врачей. Доктора нас ненавидят, но бессильны повредить нам, так как и сами они такие же шарлатаны. Вот почему они стараются отнять у нас больных иным путем. Затем я хотел бы сказать тебе еще одну вещь...

— Я слушаю.

— Нельзя постоянно устраивать такие большие перерывы на еду.

— Сегодня было исключение. Я завтракал...

— И забыл, что человек должен также и работать.

Джерри не ответил ничего, ожидая продолжения, ибо его шеф, по-видимому, собирался говорить еще. Прием окончился, и теперь докторам представилась отличная возможность выслушать друг друга. Джерри не особенно спешил домой, где его ждали хлопоты по хозяйству и очаровательно капризная жена. Но едва Исаак успел солидно откашляться, точно духовный отец, приступающий к исполнению своей великой миссии, как им помешали. Это был тот вечерний час, когда домашний покой людей начинают тревожить многочисленные собиратели пожертвований. Первым постучал в

дверь какой-то молодой человек, собиравший старую и новую одежду для пострадавших от наводнения в долине Миссисипи. Второй явилась девочка-школьница с официальным разрешением собирать деньги на школьный духовой оркестр. Исаак пожертвовал доллар на такое благородное дело и осведомился:

— Большой у вас оркестр?

— Мы его только еще создаем, — ответила девочка с готовностью, как и подобает лицу, облеченному общественным доверием.

— Так деньги вам нужны на покупку труб?

— Нет, на форму для оркестрантов. Благодарю вас, сэр!

Девочка уступила место женщине средних лет, у которой тоже имелось официальное разрешение беспокоить граждан у домашнего очага. Женщина собирала пожертвования на санаторий для потерявших зрение и разум профессиональных боксеров. Исаак отказался жертвовать и приобрел лишнего врага. Затем явилась некая светловолосая Мэрилин, которая сразу же стала бить на патриотические чувства Исаака:

— Вы знаете, что в Корее идет война? — начала женщина.

— Действительно я кое-что слышал об этом, — ответил Исаак, загораживая дверь ногою, чтобы Мэрилин не могла ворваться в квартиру.

— И вы также слышали, что в Корее гибнут ежедневно миллионы американских парней?

— Этого я не слышал...

— И что каждый день оттуда прибывают миллионы инвалидов?

— Что-то уж больно много.

— Вы хотите, чтобы так продолжалось и впредь?

— Ни в коем случае. Боже сохрани!

— Хорошо, тогда поставьте ваше имя под этим подписным листом и пожертвуйте столько долларов, сколько вы в состоянии дать.

— Для какой цели?

— На развлечения для наших солдат. Из Голливуда в Корею направляется большая труппа кинозвезд — показывать солдатам ревю. А вы же знаете, чего стоят звезды.

Исаак бросил недоуменный взгляд на подошедшего Джерри и пробормотал:

— Мне все-таки не очень ясна цель сбора средств. Не понимаю, каким образом кинозвезды могут предотвратить гибель солдат? Наоборот, солдатам тогда двойная погибель.

Сборщица не стала продолжать объяснений. Она поставила в своей записной книжечке маленькую закорючку и произнесла с таким пафосом, какого хватило бы и на пять Мэрилин, следующие слова:

— Смерть людей для вас ничего не значит? Прощайте. Навсегда!

— Мисс! — воскликнул Исаак. — Вы когда-нибудь проверяли ваш позвоночник?

Разговор на этом закончился, ибо на сцене появился широкоплечий атлет, который не был согласен беседовать в дверях. Он попросту отстранил маленькую Мэрилин, втолкнул Исаака в переднюю и сам вошел за ним, закрыв за собой дверь.

Исаак и Джерри только переглядывались, но не могли сказать ни малейшего сопротивления.

— Мое имя Норд, — заявил вошедший. — Уолли Норд.

— Как пишется? Назовите по буквам, — поинтересовался Джерри, который хотел в Америке жить по-американски.

— Эн-о-эр-дэ — Норд.

— Что у вас болит? — в свою очередь поинтересовался Исаак.

— У меня? Ничего. Я пришел помочь вам. Я книгоноша. Продаю лучшие в мире книги за полцены.

Исаак тяжело вздохнул и сказал, обращаясь к Джерри:

— Я пошел на кухню готовить ужин. Ты, кажется, собирался домой? Как тебе известно, я не покупаю никаких книг, ни за какую цену.

Исаак удалился поспешными шагами, и Джерри тоже собрался уходить. Но мистер Норд был не из тех, кто легко уступает. Кроме терпения и выдержки коммивояжера, он обладал еще смелостью и энергией, достаточной, чтобы пробивать стены.

Он начал:

— Дорогой сэр! Судя по вашему виду, я осмелюсь утверждать, что вы увлекаетесь литературой, потому что интеллигентности скрыть невозможно. Вы, конечно, много читаете?

— Вообще-то да... — ответил Джерри, словно ощутивший приятное щекотание.

— Я сразу это понял, — воодушевился посетитель, начиная выкладывать на стол содержимое своего кожаного чемодана.

— Не утруждайте себя напрасно, — спохватился Джерри. — У меня в настоящий момент совершенно нет средств на покупку книг.

— Конечно, конечно! Потому-то мы и организовали продажу книг в рассрочку. Судя по вашему акценту, вы не уроженец Бруклина? Наверно, вы даже родились в Европе? Может быть, в Англии?

— Я не покупаю книг в рассрочку. Вообще, ненавижу покупать в долг.

— Европейцы обычно страстные любители чтения, — те, которые грамотны, конечно. Но, разумеется, в Америке читают гораздо больше, поскольку это ведущая культурная страна...

— Не трудитесь напрасно: я ни на каких условиях не покупаю книг.

Широкоплечий книгоноша как будто и не слышал замечания Джерри. Он разложил книги на столе и с увлечением продолжал:

— Вот лучший в мире энциклопедический словарь. Цена шесть долларов, с рассрочкой на двенадцать месяцев.

— Я ничего не покупаю в рассрочку.

— А вот роскошное произведение, в котором показана интимная жизнь киноактрисы Мэйми Гуггенхейм, стоит лишь пять долларов. Написал эту вещь популярнейший в мире кинодраматург Бен Снарик. Рассрочка на восемнадцать месяцев.

— Я ничего не покупаю в рассрочку.

— Или, например, вот это — лучшая в мире книга о животных! Ее авторы — самые выдающиеся в мире ученые...

— Вы слышите, что я сказал? Я ничего не покупаю в рассрочку!

На этот раз Джерри закричал так оглушительно, что испугался за свои часы — как бы они не остановились. Однако усердный сеятель на ниве просвещения привык и не к такому крику. Теперь он взял в руки маленькую книжечку, продолжая свои рекомендации:

— Вы, вероятно, увлекаетесь классиками? Именно — европейскими классиками? Так вот вам собрание сочинений Анатоля Франса в сокращенном издании, обработанном для американцев. Всего сто две страницы! И цена лишь 35 центов.

— Сокращено до ста двух страниц?

— Совершенно верно. Не правда ли, блестящая идея? И все-таки сюжет каждого романа сохранен в неприкосновенности.

— Собрание сочинений Анатоля Франса на ста двух страницах? — медленно проговорил Джерри, чувствуя легкое головокружение.

— Если это по-вашему слишком длинно, так вот вам весь Виктор Гюго, еще более ужатый: только восемьдесят страниц!

— Кто позволил их так сокращать?

— Издатель, конечно.

— Если бы Анатоль Франс и Виктор Гюго знали...

— Мы не спрашиваем их мнения и даже внимания не обращаем на таких мелких господ. Пускай радуются, что мы публикуем их выдумки.

Джерри стало грустно.

— Для чего же их произведения сокращать? — недоумевал он.

— Ну, разумеется, для того, чтобы их можно было читать в дороге. В наше время никто уже не читает книг дома, где имеются дела поважнее. В самом деле, разве не блестяще, что все написанное Франсом и Гюго можно прочесть за каких-нибудь два часа? А кроме того, люди теперь просто не хотят держать большие, громоздкие книги.

— Ну, а бестселлеры?

— Ах, простите, сэр! Я и не знал, что вас интересуют бестселлеры. Вот самый новейший. Безусловно, это произведение — самое ходкое в мире. «Звезды сверкают днем». Две тысячи шестьсот страниц — и цена лишь одиннадцать долларов. Это подлинный шедевр, в котором отображена какая-то история. Вероятно, история Америки во времена золотой лихорадки.

— Кто ее написал?

— Лоретта Плиц, молодая супруга одного из нефтяных королей и бывшая королева красоты. Взгляните: вот она, на последней странице обложки. Она действительно хороша! Разрешите, я вам пришлю эту книгу? Но бестселлеры мы не продаем в рассрочку.

— Не трудитесь.

— Или, может быть, вас привлечет эта подлинно сенсационная книга: «Величайший в мире преступник»? Ее автор — лучший писатель мира Вицент Дуррел.

— Это лучший писатель Америки?

— Больше! Я же сказал вам: лучший писатель мира.

— Ну, а что же тогда Стейнбек, Фолкнер, Хемингуэй?

— Судя по фамилиям, это какие-нибудь европейские болтуны, книги которых не стоит переводить на американский язык. Людей не интересует психологическая софистика. Их привлекает живая действительность: убийства и любовь. А что вы скажете об этой великолепной книге? Всемирная история в кармане! Девяносто страниц, при этом — обилие иллюстраций! Цена только 35 центов. И, если книга не удовлетворит вас, вы сможете получить свои деньги обратно. А это — история мировой литературы. Сюда входят, между прочим, и некоторые европейские писатели, а также широко представлены все крупнейшие лирики Южной Кореи. Это маленькая книжечка, но ее содержание колоссально. Тридцать две страницы, только 15 центов...

— Довольно! — закричал Джерри.

— Имеется также библия в новом переводе. Текст прямо-таки великолепный!

— Вы что, не слышите? Меня нисколько не интересуют ваши выжатые издания, ваши литературные брикеты.

— Что значит — выжатые?

— Это преступление — сокращать до нескольких страниц лучшие жемчужины мировой литературы.

— Но тогда-то они и становятся настоящими жемчужинами! Ведь наша задача — улучшить произведения, в которых одна беда: обилие слов. Вы что же, не любите исправленных изданий?

— Да, не люблю.

— Так вы хотите критиковать мой вкус?

— Да.

— В таком случае вы оскорбляете не только меня, но и всю Америку. Ни один разумный человек не станет читать «Божественную комедию» Данте в полном издании, если может получить ее в виде брошюрки на десяти страницах. Современному человеку приходится читать так много, что у него нет времени на болтливых классиков — тем более, что теперь чуть ли не каждый день появляются новые блестящие бестселлеры.

Чтобы сдержать свое негодование, Джерри закурил сигарету.

— Любезнейший, — сказал он, стиснув зубы, — забирайте ваши книги и скорей уходите!

Доблестный рыцарь литературного прогресса удивился.

— Вы и в самом деле ничего не купите?

— Нет.

— И даже в рассрочку? Ведь у нас чудесные условия выплаты...

— Довольно, довольно! Убирайтесь! К черту!

Исаак Риверс вышел из кухни в фартуке, с большим кухонным ножом в руке. Он мог не говорить ничего — настолько красноречив был его взгляд. Широкоплечий атлет-книгоноша собрал свои жемчужины и брикеты и поспешно ретировался. Но, прежде чем захлопнуть дверь, он еще крикнул:

— Болваны! Тупорылые свиньи!

Когда дверь защелкнулась, Исаак сказал Джерри с укоризной:

— Ведь у тебя же молоток!..

Он снова ушел на кухню, а Джерри некоторое время оставался наедине с самим собою. Наконец, собравшись с духом, он медленным шагом направился домой, туда, где все великие мужи становятся маленькими, а маленькие женщины — большими, где женские слезы кажутся самым могучим в мире потоком и где многие мужья заболевают особой мужской болезнью — тоской по дому.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

в которой Джерри Финн страхует свою жизнь на сумму в сто тысяч долларов, после чего впадает в меланхолию

Джерри шел домой. Погода резко переменилась, стало ветрено и довольно прохладно. По сентябрьскому небу проносились темно-серые тучи и ослепительные письмена световой рекламы. На улице царила обычная сутолока. Люди собирались вместе, чтобы сильнее ощутить одиночество. Многие магазины уже закрыли свои двери на ночь, предоставляя возможность многочисленным аптекам развернуть усиленную торговлю. Днем люди делали покупки преимущественно в магазинах уцененных товаров, а вечером — в аптеках. Рабочий день аптек начинался тогда, когда детей укладывали в кроватки плакать, а взрослые уходили провести вечер в кино или ресторане. В аптеках торговали прохладительными напитками, горячими сосисками, мороженым и солеными орешками, а также нейлоновыми чулками. Но были и такие аптеки, где можно было купить аспирин и касторку — с уценкой по случаю распродажи.

Джерри заметил несколько витрин, где товары предлагались бесплатно. Если вы купите десять пачек жевательного табаку, то получите десять бумажных носовых платков в виде бесплатного приложения. Людям нравилось приложение, и они покупали жевательный табак. Поэтому жизнь тысяч семей насквозь пропахла табаком.

Ветер крепчал, и прохожие ускоряли шаг. Приютившиеся в подъездах мелочные торговцы и попрошайки всякого рода потирали закоченевшие руки и набрасывались на прохожих с громкими выкриками. Наконец погода сделалась настолько несносной, что даже ветер жалобно взвыл и с плачем стал биться во все окна и двери, кидаясь под ноги прохожим, задирая тысячи подолов и гоняя по улице бумажный сор. Стал накрапывать дождь. Пешеходы искали укрытия в аптеках. Но Джерри Финн спешил к себе домой.

Прелестная Джоан встретила его поцелуем у самого порога.

— Милый, что же ты так поздно? — спросила она. — Я ждала тебя с таким нетерпением! У меня припасены для тебя два маленьких сюрприза.

Первым сюрпризом оказался ее брат Чарльз, который уже получил у старой нефтяной королевы официальный развод. Чарли сидел в кресле по-домашнему, положив ноги на курительный стол. В руке у него был стакан виски, шляпа небрежно держалась на затылке.

— Эй, приятель, — крикнул он вошедшему Джерри. — Много долларов ты сделал сегодня?

Джерри не отвечал, и Джоан поспешила представить ему второй сюрприз: несколько этюдов пастелью, которые она исполнила в порыве вдохновения час назад. Джерри тотчас убедился, что жене его гораздо больше удавалась живопись на ее лице, чем на холсте. Он, однако, не хотел оскорбить ее деликатные чувства и только тихо вздохнул:

— Действительно... Да, конечно. Хорошо, когда человек чем-нибудь увлекается.

— Увлекается? — переспросила Джоан. — По-твоему это только увлечение? Смотри: вот еще! Сюжет из Южной Америки. Я это скопировала из журнала «Лук», и Чарли говорит, что копия лучше оригинала.

— Действительно. Да, конечно...

— А это портрет Юджина. Я срисовала его с фотографии. Признайся, Джерри, что я умею рисовать! Теперь я вступлю в союз художников и стану знаменитостью. В больнице я писала масляными красками — но они так пачкаются! И, кроме того, пастель сейчас в моде.

— Да, конечно, — согласился Джерри, поглядывая мимоходом на жениного брата, который медленно потягивал виски, уставившись на своего «родича» твердым и презрительным взглядом и пребывая в состоянии мрачной задумчивости.

Джоан бережно собрала с дивана просмотренные этюды и перенесла их на стол.

— Неужели ты не гордишься своей женой? — спросила она с очаровательной улыбкой.

— Горжусь... Почему же не гордиться...

— А в Европе тоже увлекаются живописью?

— Постольку поскольку...

— О, им следовало бы приехать сюда поучиться. Я однажды видела в каком-то журнале европейские картины. О-ох! Это было так ужасно!

— Тебе надо бы посмотреть их побольше.

— Ах, Джерри, милый, я видала столько картин! В одной народной школе в Техасе было огромное собрание прекрасных картин. Но я еще не занималась тогда живописью...

Чарльз многозначительно кашлянул.

— Джоан, нет ли у тебя еще виски? И потом — я здорово проголодался.

Джоан, казалось, была обижена.

— Неужели ты не можешь говорить ни о чем другом?

Она снова наполнила стакан брата, а затем сказала мужу:

— Ты принес что-нибудь поесть?

— Нет...

— Не принес? Тогда ты должен сейчас же сходить в магазин.

Чарльз ехидно улыбнулся, видя неловкость и беспомощность своего противника. В самом деле, не пора ли сбить спесь с этого переселенца? Чарльз начал насвистывать какой-то разнузданный мотив, в котором отлично выразилось его второе, преступное «высшее» «я».

— Джерри, тебе надо немедленно идти за покупками, — повторила Джоан.

— Магазины уже закрыты, — робко отвечал уже сломленный супруг.

— Открыты аптеки. Иди сейчас же. Чарли голоден. В соседнем доме есть аптека.

— У меня нет денег, — отвечал Джерри мрачно.

— Денег? На что они тебе?

— Чтобы купить поесть... твоему брату...

Джоан положила руки на плечи Джерри, устремив на него прекрасный киновзгляд.

— Ах, милый Джерри, как ты очаровательно глуп! Неужели ты до сих пор не знаешь, что мы все покупаем в долг? Только уличные женщины требуют плату наличными...

— Не все, — заметил Чарли, попутно пригубив свой стаканчик.

— Ну конечно, бывают исключения, но я говорю вообще. У меня набрано в кредит по крайней мере в пятидесяти магазинах. А теперь, когда я замужем, я могу набирать еще больше. Джерри, милый!.. Ах, как я люблю тебя! И чем больше я тебя люблю, тем больше я тебя понимаю. Европейцы, наверно, потому и бедны, что за все покупки платят наличными. Они...

— Они нам должны, — перебил ее Чарльз. — Европа до черта задолжала нам.

— Ну да, разумеется! — ответила Джоан. — Но, наверно, они как-нибудь заплатят...

— Как бы не так! — презрительно ухмыльнулся Чарльз. — Дождешься от них!.. А ведь если бы они хоть годик не пили коньяку и прочей своей тухлятины, могли бы свободно уплатить нам долг.

На сердце у Джерри закипело, он не мог сдержаться:

— А если бы американцы посидели годик без еды, они могли бы расплатиться за свои автомобили и холодильники.

Чарльз надвинул шляпу на глаза и встал. Рука Джерри невольно скользнула в задний карман за молоточком, который был всегда наготове. Однако столкновения не произошло, так как Джоан вовремя бросилась их разнимать.

— Ну зачем вы обижаете друг друга? Чарли, сядь же! Джерри! Тебе надо идти. Купи всего побольше и повкуснее.

Джерри пошел, точно приговоренный к смерти. Второй день его супружеской жизни казался более многообещающим, нежели первый. На скуку нельзя было пожаловаться, ибо Джоан умела организовать постоянно меняющуюся программу. В супружеских делах Джоан имела также гораздо больше опыта, чем Джерри, который явился для влюбленной женщины третьим подопытным кроликом. Джерри сравнил свою жену (правда, лишь мысленно) с водкой: сначала согревает, а затем делает человека дураком. Очаровательно глупым дураком...

Чарльз остался со своей сестрой наедине.

— Я не могу терпеть эту рожу, — сказал он. — Этот еще противнее, чем Том и Эрол.

— Нет, право, в нем есть даже что-то милое, — возразила Джоан. — Он много учился и массу всего знает.

— Он доучился до одури. Вот и все.

— Во всяком случае, он культурен.

— На кой черт нам его культура? Только бизнес имеет значение.

— Он знает несколько языков.

— Ну и что? На свете нужен только американский язык. А имея доллары, можно объясниться в любой стране.

— Но, Чарли, деньги не всегда все решают...

Чарльз поднялся, подошел к сестре и посмотрел ей в глаза.

— Джоан, ты что — снова начинаешь сходить с ума? Ты говоришь так, как будто наш бизнес — это что-то второстепенное. Надеюсь, ты не влюбилась по крайней мере? Или ты собралась в монастырь?

— Я не могу это объяснить, но у Джерри есть какие-то хорошие стороны.

— Что мне до его хороших и плохих сторон! Нам нужно делать бизнес, а не переливать из пустого в порожнее. Готов он страховать свою жизнь?

— Нет еще. Я с ним говорила об этом, но...

— Говорила! Ты должна заставить его. И уж назначай сумму побольше, чем Тому и Эролу. Мне надоело работать по мелочам.

— Но если он начнет подозревать?

— Все равно. Как только страховка будет подписана, все станет ясным. Надо сегодня же все уладить. А тогда вы купите машину.

— Зачем?

— Это мое дело. Вы покупаете машину, и Джерри садится за руль. Об остальном позабочусь я.

На лице Джоан появилось тоскливое выражение.

— Я так боюсь...

— Пустая чувствительность. Ты боялась и с Томом, и с Эролом — а все уладилось отлично. Джоан, принеси же немного виски.

— Если меня начнут подозревать...

— Принеси каплю виски!

— Тогда я пропала...

— Ты что, оглохла? Принеси виски и не хнычь!

Джоан молчала. Непонятная сентиментальность вставала на пути ее расчетливости или, вернее, расчетливости ее брата. И она вдруг почувствовала романтическую потребность плакать.

Джерри, вернувшись из аптеки, прошел с покупками прямо на кухню, где стал готовить ужин. Итак, он уже испытал, какова жизнь человека до и после женитьбы. Пока он поджаривал колбасу, в мозгу его рождались афоризмы, ни в какой мере не связанные с приготовлением пищи. Джерри заметил в современном браке некоторые идеальные черты: например, жена не слишком часто приходит на кухню мешать мужу.

После ужина Джерри все-таки начал серьезно опасаться, что его брак не будет очень продолжительным. Его опасение укрепилось, когда Джоан снова заговорила о страховании жизни, а Чарльз оказался страховым агентом и заявил, что может оформить такое пустяковое дельце в два счета.

Джерри пытался упираться, как только мог, ибо знал, что страховка вынуждает человека жить в бедности ради того, чтобы умереть в богатстве.

— Джерри, милый, ты должен застраховать свою жизнь! — твердила Джоан. — Каждый человек, хоть немножечко любящий жену, страхует свою жизнь.

— У нас нет средств, — пробовал втолковать ей Джерри.

— Будем экономить, — настаивала Джоан. — Подумай: а вдруг ты случайно умрешь, и я...

— Ты снова выйдешь замуж, — докончил Джерри.

Чарльз, который уже успел разложить на столе страховые бумаги, услыхав последние слова, прикрикнул на Джерри:

— Ну, довольно трепаться, приятель! Довольно!

— Чарли! — вступилась Джоан. — Прошу тебя, успокойся! Джерри не хотел сказать ничего плохого. Просто он знает, что такая женщина, как я, когда угодно найдет себе нового мужа. Даже в больнице врачи — все поголовно — в меня влюбились. Они восхищались моими глазами, моей девичьей грудью, моими точеными ножками и...

— Перестань, Джоан! — оборвал ее брат. — Теперь надо делать бизнес — и баста. Ну, лекарь, во сколько косых ты оцениваешь свою душу?

— Пятьдесят, — сказала Джоан, прежде чем Джерри успел рот раскрыть.

— «Пятьдесят», — презрительно передразнил Чарли. — Кладем уже прямо сто! Сто тысяч.

— Кто же будет платить страховые взносы? — пролепетал Джерри.

— Ты, конечно, — ответил Чарльз. — Ну, так! Давай же — здесь нужны кое-какие сведения: место и время рождения, возраст родителей... Была ли у тебя в роду чахотка, кровяное давление, хронический понос и тому подобное?

Джерри ничего не отвечал.

— Милый, почему же ты молчишь? — проговорила Джоан. — Ведь Чарли думает лишь о нашей пользе.

— О твоей пользе, — уточнил Джерри. — У меня недостаточно средств, чтобы платить за такую большую страховку.

— Мы можем жить в кредит, а деньги на взносы брать взаймы, — успокаивала Джоан. — Так делают все мои знакомые.

Джерри молчал. Он теперь слишком хорошо понял, что попал в печь, в которую, чтобы она не остывала, все время подкладывали новых переселенцев. Каждый полноправный американец мог подбавлять огня и дуть при этом только на свою ложку. Молчание Джерри нисколько не смутило страхового агента, который весьма примитивным почерком заполнил бланки, а затем сунул авторучку в руку Джерри и скомандовал:

— Черкни свою подпись — вот здесь.

Он ткнул пальцем в пустую строчку.

— Я не подпишусь против воли, — резко ответил Джерри.

Но едва успел он закончить эту фразу, как Чарльз направил ему в грудь пистолет, спокойно говоря:

— Я жду не больше минуты. Очень жаль, что тебя приходится учить хорошим манерам. Ну, давай, давай, царапай! А то ведь я попорчу твою шкуру!

— Джерри, пиши, пиши скорей! — закричала Джоан. — Вот уже прошло полминуты! Разве ты не понимаешь, что Чарли думает только о нашей пользе? Джерри, милый, пиши скорее! Я так боюсь, когда стреляют!..

Гражданин вселенной Джерри Финн покорился воле своей жены и пистолета. Он собственноручно расписался под заявлением, в котором просил застраховать его жизнь на сумму в сто тысяч долларов, и свято клялся в том, что является здоровейшим человеком, все предки которого жили не менее чем до ста лет.

— Не надо ли Джерри пройти еще врачебное освидетельствование? — спросила Джоан, когда Чарльз начал собирать бумаги.

— Это не требуется, — ответил любезный братец. — Я это улажу.

Он спрятал бумаги во внутренний карман пиджака и сказал уже совсем спокойно:

— Страховка через пару дней будет утверждена. Джоан, дай-ка мне еще глоток виски на дорожку. — Сунув в карман пистолет, он бросился в кресло и, глядя на Джерри почти дружески, сказал: — Ну, вот так-то, приятель! Теперь можно побеседовать о чем-нибудь другом. Как тебе нравится в нашей Америке? Неплохая страна, не правда ли?

— Восхитительная, — ответил Джерри мрачно.

— Это хорошо, что тебе здесь нравится.

Чарльз получил рюмку виски, а Джерри — нежное признание:

— Ах, Джерри, милый, как я теперь люблю тебя!

Джоан обвила руками шею своего притихшего супруга и, засунув кончиком языка жевательную резинку за нижнюю губу, запечатлела на его устах такой горячий поцелуй, что Чарльзу игра показалась чересчур правдивой. Черствый страховой агент не понимал, что поцелуй — явление чисто анатомическое и что для соприкосно-

вения двух пар напряженных губ требуются лишь эластичные и чувствительные мышцы.

Хотя Джерри был в этом анатомическом спектакле всего лишь пассивным статистом, Чарльз осудил обоих, ибо и он понимал, что для поцелуя требуется две головы.

— Меня тошнит! — кричал он. — Перестаньте лизаться, черт побери! Джоан, ты совсем спятила? У меня из-за вас в животе швы разойдутся.

Дистанция между супругами увеличилась. Чарльз выпил виски и собрался уходить. В дверях он обернулся, чтобы еще раз сказать сестре:

— Помни же насчет машины. Не отступай!

Джоан утвердительно кивнула головой и пожелала дорогому брату самого наилучшего здоровья.

После ухода Чарльза наступила минута молчания, когда Джерри без сил опустился в кресло и задумался о значении сделанного им шага. Все произошло так быстро, слишком быстро! Он чувствовал себя победителем по милости господней. И вот у него уже нет своей воли. Человек, который исцелял спинные хребты людей, теперь сам оказался без хребта.

— Ох, как у нас тихо! — воскликнула наконец Джоан и включила радио. — Я терпеть не могу тишины. Джерри, ты все так же любишь меня?

Муж молчал. Джоан забралась к нему на колени и продолжала:

— Теперь, когда жизнь ты застраховал, нам необходимо купить машину.

— Чтобы твои родственнички смогли поскорее воспользоваться моей страховкой... — сказал Джерри с горечью. — Нет, Джоан. Эта игра заходит слишком далеко.

— Какая игра?

— Эта принудительная игра.

— О чем ты говоришь, Джерри? В нашем доме никакого принуждения не бывает. Все происходит добровольно, потому мы и любим свободу. Но автомобиль нам необходим. Передвигаться по улице безопаснее, когда сидишь в машине. Скажи, милый, мы купим машину завтра же?

— На какие деньги?

— Ну, Джерри, милый! Неужели ты до сих пор ничему не научился? Деньги не нужны, если ты можешь купить в кредит.

— А кто будет водить машину?

— Ты, конечно.

— Мне не дадут прав. У меня слишком плохое зрение.

— Это ровным счетом ничего не значит. Разумеется, Чарли все устроит. Он знаком со всей полицией. Чарли пользуется таким влиянием! Однажды в газетах был даже помещен его портрет.

— И много было обещано за его поимку? — ехидно пошутил Джерри, столкнув милую дурочку с колен.

Но Джоан уже не слышала его слов, потому что внимание ее привлекла радиопередача. Она прибавила громкость, снова уселась к мужу на колени и восторженно закричала ему прямо в уши:

— Джерри! Ну, помолчи минуточку! Я хочу послушать эту передачу. Это из Чикаго! Они уже закончили! Ах, как интересно! Они закончили!

— Кто они?!

— Что ты говоришь?

— Кто о н и и что они закончили?

— Конкурс красоты. Неужели ты не знаешь? Весь мир говорит об этом уже много дней. Прекрасно! Изу-ми-тель-но!..

Джерри снова стал побаиваться за свой бедный рассудок, который подвергался все новым и новым испытаниям. Джоан была настолько наэлектризована и напряжена, что Джерри почти не чувствовал ее веса. Рука ее конвульсивно сжимала руку мужа. Прочтя сначала внушительную пачку объявлений, диктор перешел наконец к сенсации дня. Джоан все сильнее сжимала руку мужа, возбужденно вскрикивая:

— Сейчас, сейчас начнется, слышишь? Ты слышишь?

Джерри слушал.

— Говорит УБСМ, студии Чикаго и Мильвоки. Дорогие радиослушатели и телезрители! Эта передача транслируется по всем станциям. Как известно каждому просвещенному и следящему за временем гражданину, сегодня в Чикаго состоялся Всемирный конкурс красоты. Поскольку всеми жителями нашего великого материка давно уже признано, что наши женщины все без исключения красавицы, то конкурс на этот раз проводился среди мужчин. И, как мы уже сказали, — конкурс международный. Следовало избрать самого красивого и самого мужественного мужчину в мире — так сказать, эталон мужчины этого года. Для победителя конкурса установлено специальное почетное звание: «Мистер Универсум». Участники прибыли отовсюду. Не было только представителя бушменов, живущих в центральной части Южной Африки. Дело в том, что бушмены, безусловно, считают себя красивейшим в мире народом, для которого участие в конкурсе просто излишне. Но перейдем к самому конкурсу.

Ни один участник не явился на этот благородный смотр добровольно, — нам ведь известна исключительная скромность мужчин. В силу этого их пришлось доставлять на арену принудительно и уже здесь освобождать от ручных и ножных кандалов — в присутствии авторитетного жюри. В течение более чем четырех часов жюри проделало громадную работу. Было исследовано физическое здоровье конкурентов, среди которых не оказалось ни одного с плоско-

стопием или с каким-нибудь опасным умопомешательством. Каждый умел ходить, читать и писать. Наконец жюри единодушно провозгласило самым красивым мужчиной в мире и увенчало титулом «Мистер Универсум» мистера Анастасиуса Антонио Джованни Стабутопулоса, единственного сына безвестного датского пивовара. Мистер Стабутопулос, которому недавно исполнилось девятнадцать лет, родился в семье датских греков, в Копенгагене, где его отец уже двадцать лет занимается приготовлением всемирно известного экспортного пива. Итак, мистер Универсум — это Анастасиус Стабутопулос. Его победа на конкурсе абсолютная и подавляющая, ибо авторитетное жюри присудило первую премию Дании, выразив признательность этой стране за ее политическую дальновидность, за высокое качество ее масла, за дешевизну сыра, за отличное экспортное пиво и за изумительные достижения ее врачей, которые сумели при помощи сложнейших операций и чудодейственных инъекций превратить молодых американских мужчин в юных, цветущих женщин.

Уважаемые слушатели! Вам, вероятно, не терпится узнать, что за человек мистер Универсум. Ради этого мы пригласили в нашу студию председательницу жюри конкурса, мисс Эвелин Сандерс, которую вы, наверно, знаете, так как она является главным редактором всемирно известного журнала «Только женщины», а также секретарем Национальной косметической комиссии. Мисс Сандерс, предоставляю вам слово.

— Спасибо, мистер Кройгер. Да, дорогие слушатели! Я имела изумительно приятную возможность поближе узнать мистера Универсума тотчас после окончания конкурса — на специальном обеде деловых людей в отеле «Николет». Мне довелось почти два часа сидеть рядом с этим прекраснейшим в мире мужчиной. Так и хотелось поцеловать его прелестно сочные губы, обрамленные невыразимо прекрасной, свежей порослью бороды и усов! Мистер Универсум весит без одежды 318 фунтов, и его лучистые глаза нежно оттенены чудесно изогнутыми густыми ресницами. Взгляд его подобен северному сиянию, он прямо-таки обжигает сердце женщины. Его лицо — точно волшебное зеркало, а волосы вьются от природы, как шерсть мериносовой овцы. Торс у него прекрасных пропорций. Объем груди — 68 дюймов. Когда я спросила это божественное существо, в чем секрет его мужской красоты, он ответил совершенно очаровательно: «Вероятно, в том, что я не дал нашим хирургам изменить мой пол». По такому ответу я сразу признала в нем редкий ум. Лишь очень редко приходится видеть, чтобы красота и ум шли рука об руку в таком согласии. Когда я поинтересовалась пищевым режимом мистера Универсума, он ответил скромно, как все великие люди: «Я съедаю много картошки и сыра и пью пиво изготовления моего отца».

В обширном саду, где растут розы Всемогущего, есть только один мистер Универсум. Теперь он получил более пяти тысяч брачных предложений, автомобиль стоимостью в шесть тысяч долларов, несколько сот золотых пивных кружек и...

— Довольно, довольно! — вскричал Джерри и, оттолкнув жену, бросился выключать радио. — Я больше не могу это терпеть.

Джоан была поражена.

— Джерри, милый, что с тобой? Ты так бледен...

— Надоело... Сыт по горло!..

— Тебе надоела я?

Нет, жизнь! Жизнь надоела...

Джерри стоял посреди комнаты, схватившись за голову.

— Ах, боже мой, — забеспокоилась Джоан. — Не болен ли ты? Ах, это ужасно... И страховка еще не утверждена! Иди, я уложу тебя отдохнуть. Ты не должен еще умирать! Подожди хоть пару дней... Скажи, что ты меня любишь.

С помощью жены Джерри доплелся до постели и устало сказал:

— Не спрашивай об этом так часто, а то наступит инфляция...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

в которой Джоан повреждает себе спину и прибегает к помощи специалиста

— Как прошла вторая ночь? — спросил мистер Риверс, когда Джерри явился следующим утром на прием, сонный и бледный.

— Спасибо, Исаак! Во всяком случае, я не могу пожаловаться на однообразие. Программы хватило до утра. Жена уснула только час назад.

Исаак не мог допустить, чтобы человек, столь недолго наслаждавшийся супружеским счастьем, уже стал циником. Он наивно полагал, что бледность его коллеги — живое свидетельство изнурительного счастья.

— Возможно, ты совершил как раз правильный выбор... — продолжал Исаак. — Я ведь не знаком с твоей женой. Слышал только, что говорят о ней... Разные слухи...

— Что о ней говорят? — насторожился Джерри.

— Да ничего... Не стоит обращать внимание.

— Пожалуйста, расскажи. Не беспокойся за меня.

Исаак сделал вид, будто старается что-то вспомнить, и затем медленно проговорил:

— Твоя жена — опытная женщина. Она умеет обращаться с мужчинами...

— Что о ней говорят? — закричал Джерри.

— Да ну, ничего особенного... Я не хочу мешаться в ваши дела.

— Исаак! Раз уж ты начал — говори до конца. Это нисколько не помешает моему счастью.

— Я знаю. Каждый влюбленный — слеп. Бессердечная женщина делает добросердечного человека безголовым.

Джерри вышел из терпения.

— Почему ты крутишь вокруг да около? Я еще раз спрашиваю: что о ней говорят?

Исаак посмотрел на него отеческим взглядом и сказал серьезно:

— Рассказывают, что прежние мужья твоей жены умерли при несколько странных обстоятельствах и что они незадолго до своей кончины успевали солидно застраховать свою жизнь. Впрочем, все это, конечно, скверные сплетни и праздные домыслы, которым не следует придавать никакого значения. Я, во всяком случае, рад, что вы подошли друг другу и что вы счастливы — это, между прочим,

большая редкость в наше время. Ну, Джерри! Что с тобой? Эй! Ты что, не слышишь меня?

Джерри точно окаменел. Он молча устремил взгляд прямо перед собой. Затем — словно ноги у него подкосились — опустился в кресло, тяжело вздохнув:

— Спасибо, Исаак... Ты оказал мне большую услугу, рассказав это...

Будучи прирожденным оптимистом, Исаак имел обыкновение утверждать, что черное — это белое. Но сейчас он видел действительно белым только лицо Джерри. Он встревожился.

— Да ты не принимай этого так близко к сердцу. Ты ведь, кажется, уже должен знать, что сплетни — это словно мелкие шпионы, которых хоть и боятся, но презирают. Сначала один сообщит другому какой-нибудь вздор по секрету, этот другой передаст третьему, и пойдут рассказывать, точно большую новость.

— Это была действительно славная новость, — промолвил Джерри мрачно. — А теперь я со своей стороны могу рассказать и продолжение этой истории. Исаак, я вчера вечером застраховал свою жизнь.

— Отлично! Так должен делать каждый.

— На большую сумму...

— Ты поступил разумно. Я тоже застраховался на три тысячи.

— Я — больше. Много больше.

— На сколько?

— На сто тысяч долларов.

Теперь наступила очередь Исаака побледнеть. Сначала он перекрестился, потом выругался и наконец спросил:

— Ты был трезв?

— Да.

— Невозможно. Если ты не пил, то не иначе, как жена выпила весь твой ум. Сто тысяч долларов! Ты знаешь, сколько это?

— Конечно. Это большая сумма. Двадцать три миллиона финских марок, если считать по официальному курсу.

— Больше, больше! Черт возьми, гораздо больше! Только миллионеры могут платить за такую страховку! Джерри, ты или глуп, или просто сумасшедший. Твоего годового заработка не хватит на страховые взносы!

— Я знаю.

— Знаешь! Так что же ты тогда думаешь делать?

— Занимать деньги и жить в кредит. Каждый человек может быть богатым, если только вообразит себя таким и станет жить в долг.

Исаак, казалось, был уже на грани отчаяния.

— Джерри, не будь сейчас время начинать прием, я бы пошел вместе с тобой и напился. Вином можно залить все, кроме правды, — а теперь я хочу знать, где же правда?

— Этот самый вопрос давным-давно задавал еще мистер Пилат.

— Но тогда еще не было долларов.

— Однако гангстеры были. Исаак, если со мною случится что-либо неожиданное, прикажи мое тело сжечь и перешли пепел в Финляндию...

Исаак попробовал было все свести к грубой шутке:

— Зачем пепел посылать в Финляндию? Они же там не разберутся и примут его за лекарство от рака...

Беседа на этом оборвалась, так как пришли на прием первые больные и хиропрактики снова открыли свой позвоночный театр. Джерри для начала досталась мисс Рэчел Симпсон, которая в течение одиннадцати лет была постоянной пациенткой мистера Риверса и которую Исаак называл «заждавшейся девицей», поскольку она уже была ближе к шестидесяти, чем к пятидесяти. Мисс Симпсон беспредельно любила птиц. Она всюду носила с собой клетку, в которой находились ее маленькие любимцы — Джек и Муриель.

— Я не могла бы и минуты прожить без канареек, — сказала мисс Симпсон, укладываясь на столе хиропрактика обнаженной спиной кверху.

— Птицы очень милы, — согласился Джерри, устанавливая электромассажер на пояснице мисс. — Так не беспокоит?

— Нет, ничего. Они больше чем милы. Это маленькие ангелы. Я слышала, что вы, доктор, женились?

— Да, на днях. Так не беспокоит?

— Я только сегодня узнала об этом. Не беспокоит; хотя здесь немножко беспокоит...

— А здесь?

— И здесь тоже. Вы впервые женитесь?

— Впервые.

— Ну, тогда в этом есть хоть какая-то новизна... И я было собиралась однажды выйти замуж. Но выяснилось, что жених мой не любит канареек, — и мы вовремя расстались. Всегда лучше разойтись до венчания. А в настоящее время мне мужчины не очень-то и нужны. Если бы вы знали, доктор, как мило бывает проснуться ранним утром от щебетания Джека и Муриеля! Совсем другое слышу я за стеной, у соседей. Каждое утро там раздается грубый мужской голос: «Где мои ботинки? Ну, вставай поживее, корова, заштопай мне носок!» Ох, это ужасно, доктор. Поистине ужасно! Когда Джек и Муриель получают свой завтрак, они благодарят меня приветливым взглядом и веселым пением, — а в это самое время за стеной слышится раздраженный мужской голос: «В какой лавке резиновых изделий ты купила эту ветчину? Когда ты научишься жарить яичницу!» О, это совершенно ужасно! Когда я ставлю в клетку чашечку с водой, то Джек и Муриель на-

чинают плескаться в ней, такие счастливые, и грациозно благодарят меня. А от соседей доносится отвратительное рычание: «Жена! Опять вода для бритья слишком горяча! Ты что, принимаешь меня за свинью, которую надо ошпарить? Принеси холодной воды! Да тише ты, не толкни — хочешь, чтобы я порезался!» О-ох, доктор! Такие возгласы я слышу за стеной каждое утро! Поэтому-то я и не хочу выходить замуж...

— Так не больно?

— Немножко. Для каждой женщины замужество — это страдание...

— Выпрямите руки и совсем расслабьте их, а подбородком упритесь в подушку. Беспокоит?

— Чуть-чуть, но это ничего... Причем, от мужчин ведь и не освободишься потом до самой смерти! Когда Джек и Муриель умрут, я велю набить их чучела, и они будут украшением на моем зеркале...

Джерри молча слушал. Он завидовал канарейкам и всем мужчинам, которым был дан развод до женитьбы. Мисс Симпсон, получив электромассаж и разминку спины на все три доллара, почувствовала себя счастливейшим человеком на свете. А Джерри мучился подозрениями. День до обеда тянулся долго, как агония паралитика. Для Джерри было очень слабым утешением то, что он умрет богатым. Когда он около полудня пришел домой готовить жене завтрак, Джоан еще лежала в постели, просматривая новый комикс. Джерри приготовил еду и позвал жену к столу, но она попросила подать ей завтрак в постель. Ее желание было исполнено.

Воцарившееся за едой тягостное молчание нарушила Джоан:

— Джерри, что ты имел в виду этой ночью, когда назвал меня веселой Магдалиной, а моего брата — инквизитором?

— Я хотел сказать именно то, что сказал.

— Ты хотел нас оскорбить?

— Нет, я сказал это в виде комплимента.

— Ах, какой ты милый! Ты используешь такие тонкие сравнения! Джерри, ты был на войне?

Хиропрактика удивил этот вопрос, который свалился на него совершенно неожиданно.

— Да. Даже на двух войнах.

— Наверно, это было увлекательно? Поразительно интересно?

— Ужасно. Безумно.

— Правда?

— Тебе надо было бы увидеть огромные кладбища Европы, чтобы...

— В Америке есть кладбища во много раз больше.

— Неужели и кладбища здесь величайшие в мире?

— Конечно... Что ты хочешь этим сказать?

— Ничего. Кушай, пожалуйста, пока не остыло.

Оставив жену одну, Джерри пошел на кухню. Он чувствовал усталость. Все ему надоело. Еда, купленная в кредит, казалась невкусной. Не съев и половины, он собрался уходить. Джоан нахмурилась. Она ждала десерта: маленьких супружеских ласк, слов, не имеющих значения, и поцелуев, которые надо поскорее разменять, как фальшивую монету. Она получила все это, но слишком мало, и только после того, как попросила.

— Ты еще ни разу не сказал, что любишь меня, — недовольно проговорила Джоан, удерживая мужа в дверях.

— Разве это так необходимо? — отвечал он деревянным голосом.

— Я думаю! Ты еще не знаешь женщин. Тебе следовало бы почаще ходить в кино.

Джерри заставил себя на минуту стать актером и попытался подражать кинообразцам. Джоан была счастлива. Но и теперь она выпустила мужа не сразу.

— Джерри, ты должен отнести мои картины в багетную мастерскую, чтобы их вставили в рамы. Надо заказать очень красивые рамы.

Джоан сунула мужу под мышку десяток своих пастельных работ. Проходя мимо соседнего дома, Джерри бросил их в открытое окно подвала и почувствовал, что сделал хорошее дело: оказал большую услугу мировому изобразительному искусству. Он стал пессимистом не на шутку.

Через три дня Джоан объявила мужу радостную новость:

— Милый, я так счастлива! Так ужасно счастлива!

— Уж не собираешься ли ты сказать, что ждешь ребенка? — спросил Джерри подозрительно, ибо ему ничто не казалось уже невозможным.

— Нет, конечно. Что ты! Это же, наоборот, было бы просто кошмаром! Ни одна современная женщина теперь больше не захочет рожать. Да в этом вовсе и нет надобности. Если вздумается иметь ребенка — их можно сколько угодно купить в Канаде, по тысяче долларов за штуку. Видишь ли, в Канаде рождается так много внебрачных детей, что их продают даже сюда, за границу. Чарли когда-то занимался этим бизнесом...

— Но ведь это незаконно, преступно!..

— Разве? Нет. Может быть, в Европе — но не здесь. В Америке можно покупать и продавать все что угодно... Но, милый, я же чуть-чуть не забыла рассказать, какое у нас счастье! Ты знаешь? Твоя страховка утверждена!

Джоан достала из-за пазухи страховой полис и подала его мужу.

— Первый взнос надо уплатить в течение сентября, — заметила она как бы между прочим.

Джерри даже не хотелось разворачивать документ. Он только спросил угрюмо:

— А сколько это — первый взнос?

— Не так уж много. Четыре тысячи долларов, с небольшим.

— Четыре тысячи! Ведь это больше моего жалованья за целый год! И я должен платить два раза в год по четыре тысячи! Джоан, тут вовсе нечему радоваться. Мы не в состоянии выплачивать такие суммы.

— Почему же не в состоянии?

— Нет денег.

— Да, но ведь ты можешь занять. Послушай, ты как-то говорил, что мистер Риверс богат. Займи у него.

— Невозможно, невозможно, Джоан.

— Потом ты говорил, что какой-то мистер Крез тоже богат. Нельзя ли занять у него?

— Нет. Он умер...

— Ах, какая досада! Как раз теперь, когда мы так нуждаемся в его помощи! Когда он умер?

— Примерно две тысячи четыреста лет назад.

— Джерри! Ты с ума сошел! Тогда же тебя и на свете не было. Тогда еще не было даже Америки.

— Но Лидия была...

— Джерри! Не смей говорить мне о своих знакомых женщинах! Я нисколько не ревную, но все-таки не выношу, когда мужчины говорят о своих прежних связях. Кстати, кто такая эта Лидия?

Джерри устремил взор далеко-далеко, в невозвратное прошлое, и заговорил, точно прорицатель в вещем сне:

— Древняя страна в западной части Малой Азии, независимое государство, которое простиралось вплоть до реки Халис на востоке. Ее последнего властителя Креза победил царь Персии Кир в 546 году до нашей эры... Крез был богат; он был богаче мистера Риверса... У него было больше имущества, чем у меня долгов... Действительно, если бы я был даже самим Крезом...

— Ты говоришь так сбивчиво, Джерри. Ты же знаешь, что в Америке есть миллионы людей, гораздо более богатых, чем мистер Крез. Зачем же ты говорить о такой старине?

— Затем, что у меня других богатых знакомых нет, — ответил Джерри уныло и сунул страховой полис к себе в карман.

— Отдай эту бумагу мне, — поспешно сказала Джоан. — Ты можешь потерять ее, и тогда я не...

Джоан проглотила последние слова этой фразы и старалась придумать взамен их какую-нибудь отговорку:

— Я хотела сказать... Лучше, если мы будем хранить этот документ дома...

Ложь — очень неполновесный заменитель правды, однако она все-таки имеет широкое хождение среди людей. Джерри теперь со-

вершенно ясно видел, что Джоан лгала. Ее глаза и уста лгали. Единственное, что она могла еще сделать, чтобы не осквернять своих уст ложью, — это говорить правду. Или — начать говорить носом, как советовали циники.

Джерри стоял как вкопанный и держал руку за пазухой, подобно Наполеону или человеку, который опасается за свой бумажник. Страховой полис оставался в его кармане. Он сказал с ледяным спокойствием:

— Джоан, игра сыграна.

— Какая игра? Кстати, Джерри, милый, я купила сегодня новые игральные карты. Тебе нравится покер?

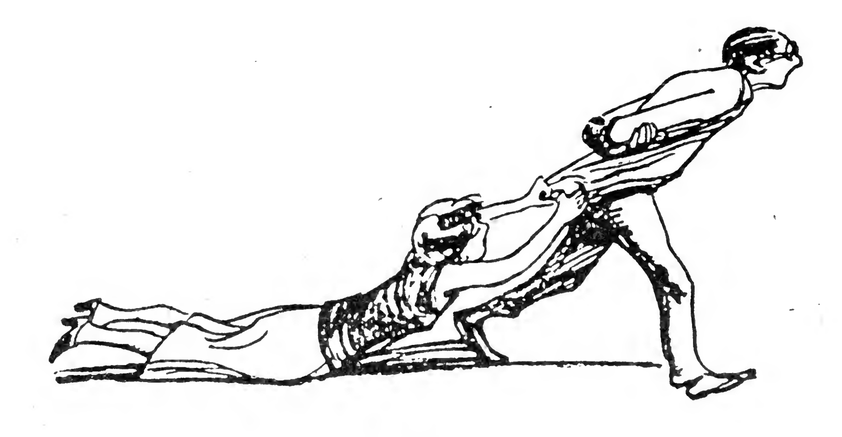
Джерри не ответил. Он продолжал держать руку на груди и чувствовал, что наступает момент его торжества, потому что — вот она, стотысячная страховка, у него в руках! Он держит ее крепко, всей пятерней и аннулирует сегодня же. Посмотрев на жену с некоторой жалостью и чуточку отчужденно, он сказал:

— Я намерен аннулировать страховку.

В глазах Джоан блеснул испуг:

— Ты не можешь! Не смеешь, Джерри!.. Джерри, милый, Чарли убьет нас обоих, если узнает об этом.

Джерри кинулся к дверям, забыв даже приготовить завтрак жене. Джоан последовала за мужем, и едва Джерри открыл дверь, она вцепилась ему в полы пиджака и повисла, рыдая. Но хиропрактик принял решение и не намерен был отступать. Он предоставил жене тащиться за ним хвостом до самой лестничной площадки, но здесь повернулся и сделал бешеный рывок. Джоан не удержалась и упала. И тут оправдалась старинная мудрость: вверх надо лезть и лезть, а вниз — только один шаг. Набрав разгон, Джоан покатилась со ступеньки на ступеньку и остановилась лишь у наружной двери. Руководимая женским инстинктом, она защитила руками лицо — это

удалось ей, но только в ущерб спине. На лице не оказалось ни единой царапины. Зато спина — и в особенности ее нижняя часть — соприкоснулась непосредственно с одиннадцатью железобетонными ступеньками. Джоан жалобно застонала и попыталась подняться, но ноги отказались служить разбитому телу, и она тут же, на месте, упала без чувств.

Джерри, смотревший этот спектакль с высоты одиннадцати ступенек, заметил, что Джоан была теперь, несомненно, самой собой. Она уже не играла — она действительно потеряла сознание. Джерри поспешил к жене, бережно поднял ее на руки и отнес в спальню. Джоан очень тихо простонала и чуть приоткрыла глаза. Затем она словно погрузилась в глубокий сон. Джерри бросился к телефонному справочнику и стал искать адреса врачей, живущих неподалеку. Он снял трубку и едва успел набрать три-четыре цифры, как Джоан устало спросила:

— Джерри, кому ты звонишь?

— Ты жива? — воскликнул он, положил на место трубку и подбежал к постели жены. — Джоан, ты очень ушиблась? Вызвать врача или скорую помощь?

— Не надо скорую помощь, — ответила Джоан слабым голосом, — она так ужасно орет!.. Хуже, чем пожарная машина.

— Что же мы будем делать?

— На той стороне улицы, недалеко, есть дом врачей... Отвези меня туда...

— На чем? На такси?

— Не знаю, — ответила Джоан страдальческим голосом. — Теперь ты видишь, как нужно было бы нам иметь собственную машину. Джерри, мы должны купить машину сегодня же...

Джерри вспомнил, что этажом выше жил некий ветеран первой мировой войны, у которого было современное кресло-коляска. Инвалид был ранен в руку, но, уезжая каждый вечер просить милостыню, он пользовался этим экипажем. Он имел законное разрешение нищенствовать в определенном месте и в определенные часы. Щадя свои ноги, он ездил в коляске, которая внушала уважение — дорогу ей уступали даже автомобили. Ни слова не говоря, Джерри оставил свою жену спокойно лежать в постели, а сам помчался наверх. Ветеран войны Конелли быстро согласился на предложение Джерри и сдал ему свою коляску напрокат на исключительно льготных условиях: полдоллара в час или доллар за три часа. Но необходимо было вернуть транспортное средство владельцу не позднеет шести часов вечера, когда в мире темнее, а на улицах становится светло. Коляска удобно помещалась в лифте. У нее было ручное и ножное управление, смена скоростей и замечательные тормоза. Развернувшись на площадке своего этажа, Джерри захотел опро-

бовать машину и въехал на ней прямо в спальню к жене. Больная сидела на краю постели, охая от боли.

— Джерри! — воскликнула она с ужасом. — Что ты задумал?

— Не спрашивай ни о чем. Я отвезу тебя к доктору.

Джоан смотрела то на коляску, то на своего супруга и наконец проговорила, не на шутку обеспокоившись:

— Мне это ничуть не нравится, ничуть. Один раз я могу поехать на этом, но потом ты должен купить машину... Пускай будет открытая — спортивная модель, но не из самых дешевых. Ты обещаешь?

Джерри не стал обещать. Вместо этого он лишь помог ей усесться получше в коляску, подложив для удобства пару подушек. Джоан печально посмотрела на мужа и спросила:

— Милый, что ты скажешь, если я умру? Спина у меня, наверно, сломана.

— Ты не умрешь, — постарался он утешить жену, хотя и знал прекрасно, что от смерти, так же как и от налогов, никуда не уйти.

Джерри готов был уже отправляться, но в последний момент Джоан вспомнила, что еще не сделала обычного грима.

— Джоан, теперь не до того, — резко сказал Джерри. — Уж врачи как-нибудь поймут, что с тобой случилось несчастье. Мы должны ехать немедленно.

— Я еще никуда не еду! — таков был непреклонный ответ. — Я-то знаю врачей. Они прежде всего смотрят, как больная выглядит, а потом уж начинают осматривать да выслушивать. Джерри, подай мне мою сумочку!

Супруг был вынужден подчиниться. Он стал наблюдать за тем, как женщина ловко, прямо на глазах, меняла свою внешность — быстрее, чем настроение. Он показался себе несчастным червяком, который ползал, извивался, ища убежища, — и наконец попал-таки... в клюв курицы.

— Джоан, я тебя не понимаю, — сказал он, начиная терять терпение, — если действительно у тебя сломана спина, то необходима спешная помощь.

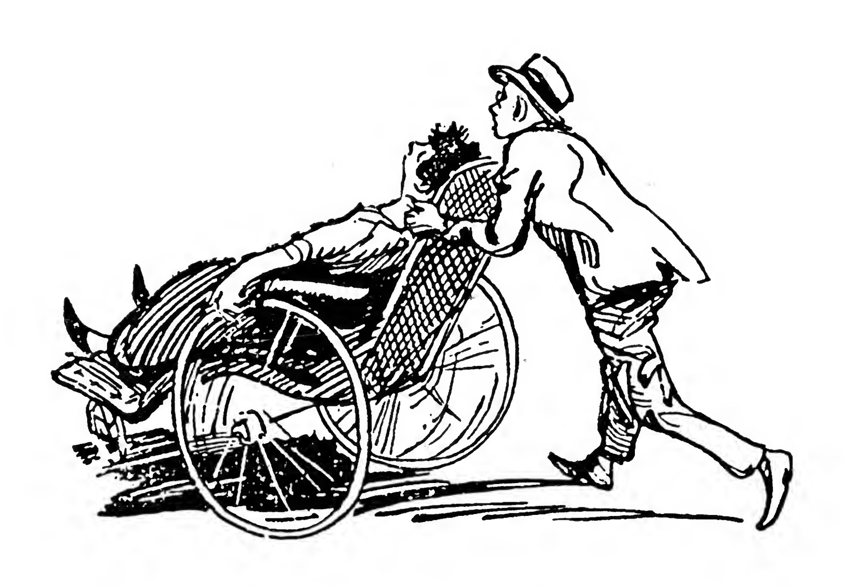
Джоан кончила прихорашиваться и недовольно захлопнула сумочку:

— Тебе не понять сердца женщины! Неужели в Европе все мужчины такие тираны?

— Нет, не все. Иные бьют своих жен по щекам. Лучшее лекарство от капризов и истерик — это крепкая пощечина.

— Джерри, Джерри! Ты ужасен. Ах, господи, как болит спина...

Джоан действительно побледнела, став белее, чем пудра на ее лице. Джерри пожалел о своей бестактности и смиренно попросил прощения. Затем ему было разрешено тронуться в путь, подталкивая кресло-коляску, в котором охала и стонала его прелестная, дев-

ственно юная жена. Они уже въехали в лифт, как вдруг Джоан снова что-то вспомнила и знаком велела остановиться:

— Вези меня обратно.

— Зачем?

— Вези, вези! Не могу же я в таком виде дать себя осматривать доктору! У меня ноги — просто ужас! — наверно, целых две недели не бриты. Поторопись! Ты мне поможешь.

Хиропрактик Джерри Финн испил свою чашу до дна. Он украсился смирением и покорностью и больше не перечил. Вот он намылил стройные голени своей жены, затем ловко поработал бритвой, вытер горячими полотенцами и хорошенько напудрил порозовевшую кожу. Он не возражал, желая сослужить жене последнюю службу — перед разводом. Как меняются времена! В дни юности Джерри благовоспитанные мужья застегивали и шнуровали своим женам высокие ботинки — а теперь они бреют женам ноги!

Джоан посвежела. На лице и шее у нее выступил румянец.

— Спасибо, милый, — сказала она, слабо улыбнувшись. — Не правда ли, теперь мои ноги выглядят совершенно иначе? А в Европе женщины тоже бреют ноги?

— Не знаю. Может быть...

— Может быть, у них и волосы на ногах не растут, раз они там вечно недоедают? У американских женщин — обильная волосатость. Это хороший признак: мы такие здоровые! Джерри, скажи, что ты меня любишь.

Джерри молчал и смотрел куда-то мимо жены. Наконец, он словно очнулся и сказал:

— Да, конечно. Теперь ты, наверно, уже можешь ходить?

Джоан ответила на вопрос дерзко: она встала с коляски. Но едва успела она сделать шаг-другой, как ноги ее подкосились и она с громким криком упала на пол. Маленький барабанщик раскаяния вторично забил дробь в голове Джерри. Прося прощения, он снова усадил жену в коляску. Затем они отправились в путь, как молодожены, позабыв о мелких размолвках, которые, как говорят, лишь укрепляют супружеские отношения.

На улице была обычная суматоха. Люди куда-то спешили, предоставляя слово своим локтям. Джерри только теперь понял по-настоящему ветерана войны Конелли: в самой дикой тесноте и давке люди расступались и давали дорогу коляске.

— Джерри, милый, не гони так быстро! — несколько раз замечала ему Джоан.

Но заботливый супруг не слушал этих предупреждений. Он гнал легко катившуюся колясочку бегом до самого перекрестка, где любезный полисмен остановил на минуту целую лавину автомобилей. Отчаянная скорость на повороте даже заставила Джоан закрыть глаза, и она имела вид больной, за жизнь которой врачи бы не поручились. Еще миг — и они въехали прямо в подъезд шестиэтажного дома врачей. Джерри остановил коляску у первой же двери, на которой была дощечка: «Доктор Дрэйк, специалист. Мировое первенство по операции аппендицита». Скользнув по этой надписи глазами, Джерри смело позвонил и стал ожидать. Вскоре дверь немного приоткрылась и светловолосая Мэрилин утомленно спросила:

— Что с вами?

— Моя жена повредила себе спину, — заговорил Джерри быстро, — она находится в очень тяжелом состоянии. Не может ли доктор принять ее сейчас же...

— Не может, — перебила сестра. — Доктор Дрэйк специалист. Он оперирует только аппендицит.

Дверь закрылась, как обычно закрываются двери перед просителями, нуждающимися в помощи. Джерри подошел к соседней двери и быстро прочел надпись: «Доктор Весс, специалист». Он снова нажал кнопку звонка, сказав несколько слов утешения стонущей от боли Джоан. Прошло добрых пять минут, пока из двери появилась Мэрилин номер два, с папироской во рту.

— Вы заранее записаны на это время? — спросила сестра, обдавая Джерри табачным дымом.

— Не успел... Несчастье случилось только что.

Лишь теперь миловидная привратница заметила сидевшую в коляске больную и проговорила, тряся головой:

— Доктор Весс не может вам помочь. Он оперирует исключительно миндалины. Разве вы не прочли на двери, что он специалист?

Дверь медленно закрылась, и Джерри представился случай дочитать вывеску до конца: «Только удаление миндалин. Бескровная и безболезненная операция. Восемь дипломов».

Джерри отер со лба холодный пот и покатил коляску к третьей двери, на которой значилось только: «Доктор Джеймс У. Д. Гёден, всемирно известный специалист. Записываться обязательно заранее».

Джерри взглянул на жену и спросил:

— Джоан, попробуем позвонить сюда?

— Делай, что хочешь, — ответила Джоан устало.

Дверь отворило существо с волосами цвета красной меди и с таким маленьким ротиком, для которого и земляничку пришлось бы разрезать пополам.

— Чем я могу помочь вам? — вежливо спросило существо.

— Не мне, а моей жене.

Сестра заметила Джоан, лежавшую неподвижно в коляске, подошла к ней и принялась рассматривать ее серьги.

— Да, но ведь у вас уже имеются дырочки в ушах.

— Это верно, но почему это вас беспокоит? — взорвалась Джоан. — Я сломала спину, и мне нужна помощь.

— Я очень сожалею, но доктор Гёден специалист. Он только прокалывает маленькие дырочки в дамских ушках, чтобы можно было носить серьги. И кроме того, вы хотя бы договорились предварительно о времени!

Джоан закрыла глаза и лишь вздохнула, а Джерри горячо воскликнул:

— Барышня! Вы, безусловно, самая красивая женщина в мире, скажите мне, есть ли в этом доме хоть один такой специалист, который сумел бы помочь моей жене?

— Ну, конечно, конечно! На шестом этаже, сэр. Пожалуйста, воспользуйтесь лифтом.

Джерри повез жену на шестой этаж и снова начал изучать психологию вывесок.

«Доктор Энрико Йенсей, специалист. Переломы берцовой кости».

«Доктор Уолт Бэрнет, специалист. Переломы челюсти и носа. Специальное лечение для боксеров».

«Доктор Лео Кейпхарт, специалист. Резаные раны».

«Доктор Дж. Г. Л. П. Брикер, специалист. Повреждения позвоночника...»

— Наконец-то! Наконец-то! — воскликнул Джерри и подкатил коляску поближе.

Джоан улыбнулась грустной улыбкой, но, когда отворилась дверь, она сразу застонала.

— Прежде чем я впущу вас, вы должны уплатить триста долларов, — сказала сестра, как две капли воды похожая на Джоан.

— У меня только десять, — ответил Джерри.

— В таком случае мы ничем не можем вам помочь. Доктор — специалист, и его минимальная такса — триста долларов за прием.

— Я постараюсь достать деньги попозже, — почти умолял Джерри.

— Доктор никого не лечит в рассрочку. Поищите врача подешевле. В Гарлеме есть врачи-эмигранты, бежавшие из Европы, которые лечат чуть ли не даром.

— Нет, мисс... Мы не можем ехать туда. Неужели вы не поговорите с доктором, чтобы он...

— Чтобы он повторил вам то же самое, что сказала я? — перебила женщина. И полупрезрительно добавила:

— Советую вам отвезти вашу жену в какую-нибудь больницу.

— А где здесь поблизости какая-нибудь общественная больница? То есть я имею в виду — такая, в которой лечение бесплатное.

— Бесплатное? О чем вы, собственно, говорите?

— Просто... Я говорю об общественной, государственной или городской больнице.

Сестра смерила взглядом несчастного супруга:

— Господин, я замечаю, что вы иностранец.

— Я Джерри Финн.

— Это не играет роли. Знаю я вашего брата. Будет умнее всего, если вы отвезете вашу жену в Англию, или в Швецию, или в какую-нибудь другую страну. Там вы, наверно, получите общественное лечение...

Дверь захлопнулась, и Джерри пришлось ухватиться за спинку кресла-коляски, чтобы устоять на ногах. Не говоря ни слова, он покатил свою карету в лифт и нажал кнопку. Когда они стали спускаться, Джоан открыла глаза и жалобно спросила:

— Джерри, откуда ты взял эти десять долларов? Мы ведь условились, что ты будешь отдавать мне все деньги. Ты не честен.

Джерри молчал. Он действительно утаил эти десять долларов на собственные расходы и сейчас чувствовал себя преступником, жизнь которого постепенно устремляется к электрическому стулу. Он потерял все, кроме разве лишь накапливаемого опыта.

Лифт опустился на первый этаж, и Джерри покатил коляску к выходу.

— Куда ты меня везешь? — спросила Джоан обеспокоенно.

— Не знаю. Может быть, в Англию или в Швецию...

— Нет, Джерри! Я не хочу покидать Америку!

Какой-то любезный господин помог им открыть двери и спросил на ломаном американском языке:

— Не могу ли я вам чем-нибудь помочь, господа?

— Пожалуйста, — сказал Джерри, — не укажете ли вы нам ближайшую больницу?

— Через две улицы отсюда, к северу, сэр.

— О'кэй, благодарю вас!

Кресло-коляска двинулось в путь. Прохожие сторонились, уступая дорогу, и быстро соображали: интеллигентный слуга везет богатую хозяйку за покупками. Можно было даже предположить, что слуга принадлежал к высшему сословию. Он вполне мог оказаться троюродным братом русского царя или членом бывшего королевского дома Румынии.

Джерри сбавил скорость и подкатил коляску к воротам госпиталя святой Марии. Пожилая монахиня открыла смотровое окошечко и спросила хриплым голосом:

— Что вам нужно?

— Случилось несчастье, — отвечал запыхавшийся Джерри. — Моя жена переломила себе спину и получила тяжелое сотрясение мозга.

Монахиня перекрестилась и начала расспрашивать:

— Вы из какого прихода?

— Мы из Свидетелей Иеговы, — брякнул Джерри, совершенно не думая.

— Не можем вас принять. В нашей больнице лечат только католиков. Разве вы не знаете, что это католический госпиталь?

— А имеются тут поблизости другие лечебницы?

— Вероятно, но нам о них не полагается ничего знать.

Монахиня захлопнула окошечко, и молодожены остались у закрытых врат размышлять о бренности быстротечной жизни и о величии папского престола. Джоан заплакала. Теперь все казалось напрасным и безнадежным. Для кого же она прихорашивалась, красила губы и ресницы? Для кого брила ноги?

— Для кого? Для кого?..— восклицала она в отчаянии, утирая бегущие по лицу слезы.

Джерри, видимо, не понял вопроса, и ответ его ушел несколько в сторону:

— Для папы римского...

Но именно в тот момент, когда их отчаяние достигло своего апогея, неожиданно явилась помощь. Какой-то мужчина средних лет, похожий на спирита, остановился и сочувственно спросил:

— Вы в больницу? Или только что оттуда?

— И то и другое, — ответил Джерри, которому все надоело. — Я уже битых два часа ищу врача для моей жены — но все напрасно.

Незнакомец поглядел на Джоан и спросил:

— Разбило параличом?

— Не совсем, — ответил Джерри. — Она сломала себе спину.

— Стало быть, повреждение спины. Для этого нужен специалист.

— Да, конечно. Особый врач!.. А особому врачу особая плата.

Незнакомец почесал подбородок и, казалось, старался что-то вспомнить. Вдруг его словно осенило:

— Кажется, я могу порекомендовать вам настоящего человека.

Физиономии Джоан и Джерри начали проясняться. Неизвестный самаритянин продолжал не торопясь:

— Повреждения спины, повреждения спины... Совершенно верно. Теперь я вспомнил. Отсюда налево, через несколько улиц. Я не помню номер дома, но это напротив аптеки Стива. Там живет всемирно известный хиропрактик. К нему еще недавно прибыл коллега из Европы...

— Риверс! — воскликнула Джоан.

— Совершенно верно, — обрадовался незнакомец. — Доктор Риверс. Он вам поможет, мадам. Но еще лучше, если бы вы попали на прием к его коллеге...

— Джерри! — воскликнула Джоан громче прежнего. — Ты можешь меня вылечить! Поедем скорее домой!

Коляска покатилась, развивая бешеную скорость. Незнакомец еще долго смотрел вслед забавному семейному выезду молодоженов, покачивая головой.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

в которой разыгрывается современная семейная драма, после чего Джерри Финн забирает чемодан и уходит

Начинающий профессор хиропрактики Джерри Финн после основательного исследования нашел, что главное повреждение было в четвертом позвонке. Считая снизу. Копчику, этому атавистическому напоминанию о стародревних временах, когда наши прародители жили еще на деревьях и ходили на четвереньках, тоже досталась небольшая контузия. Там и сям по спине Джоан были рассыпаны синяки и кровоподтеки, что напоминало сделанный на тонком пергаменте набросок географической карты.

Джерри помассировал хребет своей жены. Позвонки весело постреливали под его пальцами, как кофейные зерна на сковороде. Джоан, лежа на животе, тихонько стонала:

— Не впивайся так сильно, Джерри! Я умру...

Но Джерри продолжал суровую процедуру. Пересчитав позвонки раз двадцать и пройдясь по всему хребту маленькими щипочками, он положил в области четвертого позвонка согревающий компресс и укрыл больную стеганым одеялом. Затем закурил и присел на пуфик возле кровати. Наступило долгое молчание. Джоан задремала. Лицо ее приняло невинное детское выражение, вполне гармонировавшее с ее духовной незрелостью. Джерри почувствовал горячее желание видеть свою жену всегда спящей. Насколько спокойнее и счастливее был бы тогда их брачный союз! Ибо всякий человек хорош, когда спит. Даже законная супруга.

Убедившись в подлинности жениного сна, Джерри поспешил вернуть коляску. Мистер Конелли посмотрел на часы и заметил, что средство передвижения было в пользовании три часа и десять минут. Но у ветерана войны была все-таки широкая душа: он удовольствовался одним долларом, а десять минут подарил Джерри. Джерри дал десятидолларовую бумажку и получил сдачу — целую кучу мелочи, нищенских медяков.

— Что же доктора нашли у вашей супруги? — спросил мистер Конелли, когда Джерри собрался было уходить.

— Ничего страшного, — ответил уклончиво Джерри, а затем добавил почти свирепо: — А если и есть что-нибудь более серьезное, так выяснится при вскрытии трупа.

— Все-таки надо бы обратиться к какому-нибудь специалисту, — заметил герой войны, которому шел седьмой десяток и который не привык шутить со здоровьем.

— Я так и сделал. Мы обошли не один десяток специалистов.

— Очень хорошо. Я слышал, кстати, что вы недавно приехали из Европы.

— Да, немногим больше месяца.

Жена ветерана тоже вышла в переднюю и бросала на Джерри любопытные взгляды. Послушав несколько минут болтовню супругов, Джерри понял, что весь дом был в курсе его семейных дел.

— Я знаю вашу супругу очень хорошо, — сказала миссис Конелли. — Джоан уже более трех лет живет в этом доме. Я слышала от миссис Говард с шестого этажа, что вы хотите взять щенка.

— Я?

— Да. Миссис Говард сказала, что вы — бывший собачий доктор и скоро вступите в бруклинский Спаниель-клуб.

— Совершенно верно. Это правда, — ответил Джерри рассеянно.

— И у нас тоже была собака — такой славный пес, — сказал ветеран печально. — Но он умер...

— Убили, — поправила жена. — Какой-то бездушный человек накормил его крысиным ядом.

— Умный был пес... — вздохнул мистер Конелли.

— Его звали Фидо, — заметила жена.

— Совершенно верно. Фидо был умен. Однажды произошел очень интересный случай. Мы пошли в город за покупками. Это было три года назад...

— Да не три, а два, — поправила его жена. В августе исполнилось ровно два года.

— Ты права, — согласился муж. — Да, два года назад мы втроем: моя жена, я и Фидо — отправились на прогулку...

— Мы отправились за покупками.

— Вот именно. Мы пошли за покупками...

— В лавку мистера Кроникопелоса. Вы, наверно, его знаете. Он грек. Вы как-то купили у него маленький молоточек.

Джерри почувствовал, что краснеет, и пробормотал:

— Да, кажется, припоминаю... Действительно я, должно быть, купил...

Мистер Конелли продолжал свой рассказ, который, хотя и прерывался несколько раз, был тем не менее целой историей.

— Итак, мы направились в лавочку Кроникопелоса кое-что купить, так как у нас в кладовке завелись крысы...

— Мыши, — поправила жена.

— Совершенно верно. Поскольку в нашей кладовке были мыши и нужно было достать для них яду...

— Ты перепутал, Джон. Мы ходили не за ядом, а за мышеловкой. Хорошо. Можешь продолжать.

— Итак, мы купили мышеловку...

— Извини, Джон. Это же я купила!

— Да, купила ты. Значит, моя жена купила мышеловочку — такой маленький капканчик, — и мы вернулись домой. И как-то вдруг мы замечаем...

— Я же заметила!

— Моя жена заметила, что мышеловки-то и нет. Стали искать; искали, искали — и наконец находим...

— Я же и нашла!

— Значит, моя жена ее и нашла. Да, и угадайте, где? На хвосте у собаки. Мы не могли понять, когда и как она туда попала, во всяком случае, она висела на хвосте, и Фидо страшно визжал.

— Кстати, это было хорошим уроком, — снова перебила жена.

— Да, конечно. Это было для Фидо хорошим уроком, чтобы не совал свой хвост куда попало.

— Это было уроком для тебя, чтобы ты был осторожнее с опасными предметами.

— Ну да, действительно. Это было уроком для меня...

— И, конечно, для Фидо тоже.

— Но потом Фидо заболел...

— Через два месяца.

— И мы повезли его к доктору...

— Я его повезла. Ты тогда был занят — деньги зарабатывал.

— Именно так. Моя жена повезла собаку к доктору — но уже было поздно.

— Дело вовсе не во мне, — резко оборвала его жена. — Я сразу повезла Фидо к доктору.

— Да, так оно действительно и было. Но доктор установил, что собака съела...

— Что ее накормили!

— Что собаку накормили крысиным ядом. И это был конец Фидо. Мы очень горевали.

— Я горевала больше, — подчеркнула жена.

Джерри искренне посочувствовал их горю и сделал новую попытку откланяться. Он восхищался великой кротостью ветерана и высокоразвитой способностью его жены разрубать фразу, как морковку. Супружеская чета проводила Джерри до дверей, где его снова задержали.

— Только я надеюсь, мистер Финн, вы не англичанин? — спросила миссис Конелли.

— Нет, я не...

— Это хорошо. Я терпеть не могу англичан, и Джон тоже не слишком их любит.

— Вовсе не выношу, — подтвердил муж.

— Вы ведь не француз, мистер Финн?

— Нет, нет...

— Это еще лучше. Я ненавижу французов. И Джон точно так же.

— Да, конечно, — согласился кроткий муж.

Джерри сделал было еще шаг-другой, но чета следовала за ним.

— Простите, мистер Финн, но только вы ведь не немец и не русский? — спросила миссис Конелли с опаской.

— Нет. Я гражданин вселенной.

— О, это еще лучше. Я совершенно не перевариваю ни русских, ни немцев. И Джон их не слишком переваривает.

— Это правда, — поддержал мистер Конелли, — нисколечко не перевариваю. Америка была бы гораздо счастливее, если бы здесь жили одни ирландцы.

— Да, видите ли, мистер Финн, я ирландка, а Джон — стопроцентный американец.

— Прошу прощения, — вежливо сказал Джерри, — но меня ждет жена. Я должен идти. Вы были исключительно добры.

— Все ирландцы очень добры, — ответила миссис Конелли. — И если вам снова понадобится кресло-коляска, так вы приходите и берите. Джон пользуется им только по вечерам...

Джерри поспешил к своей больной, думая о том, что люди изредка бывают гуманными существами. Джоан уже проснулась и снова выглядела вполне здоровой.

— Где ты был? — осведомилась она настороженно.

— Отвез коляску хозяевам.

Джоан приняла сидячее положение и задала следующий вопрос:

— Джерри, теперь я желаю знать, для чего ты утаил от меня десять долларов? Пожалуйста, сейчас же давай их сюда!

— Теперь у меня уже только девять.

— Девять!

— Да. Один доллар я уплатил мистеру Конелли за прокат коляски.

— Это совершенно напрасно. Ты бы мог сказать, что заплатишь как-нибудь в другой раз. Положи те, оставшиеся девять долларов в мою сумочку, а потом сядь со мною рядом.

Джерри выполнил приказание. Из него уже начал постепенно вырабатываться кроткий Фидо семейства Финнов, который мог есть из рук и лежать, распластавшись на полу у ног хозяйки.

— Ты чувствуешь себя лучше? — спросил он.

— Да, лучше, но спина снова начинает болеть, как только я пытаюсь ходить. Поцелуй меня.

Это было как раз то, чего Джерри не надо было воровать. Он уже приобрел в этой области известный опыт, за который ему следовало быть благодарным своей учительнице. Джоан обладала несом-

ценными педагогическими способностями, с которыми она удачно сочетала современную технику. С какой ловкостью во время поцелуя ее маленькая ручка скользнула во внутренний карман его пиджака, извлекая оттуда страховой полис!

— Я спрячу это у себя, — сказала она затем совершенно спокойно. — Ты можешь потерять документы. Джерри, ты меня любишь?

— Отдай страховые бумаги мне! — заявил Джерри твердо. — Я хочу отказаться от страховки. Она идиотски велика. Мне такая страховка не нужна.

— Ты думаешь только о себе. Ты жесток.

По лицу Джерри забегали мрачные тени. Он устремил требовательный взгляд прямо в зеленоватые глаза Джоан и сказал решительно:

— Джоан, мне не до шуток. Если ты не отдашь мне бумаги, я сам возьму их.

— Тогда я закричу.

Джерри не стал дожидаться. Правой рукой он стиснул запястье Джоан, а левой ладонью закрыл ее рот. Документ выпал из руки любящей жены, которая и ахнуть не успела, и вновь укрылся в кармане мужа. Для верности Джерри включил радио, создавшее громогласный музыкальный фон для семейной драмы. Джоан и не пыталась перекричать радио, а бросилась на кровать и выразила свое чувство слезами. Но гидравлическая сила слез на этот раз нисколько не подействовала на мужа. Он был хладнокровен, точно химик, видящий в слезах лишь воду с известной примесью хлористого натрия, называемого в просторечии поваренной солью.

Джерри Финн не был садистом, хотя и повидал десятки кинофильмов, ведущей темой которых был прелестный садизм. Нет, он ненавидел садизм! Однако он тем не менее относился равнодушно к рыданиям Джоан и к раствору поваренной соли, который струился по лицу женщины, попадая в ямочки на щеках и на подбородке... Конечно, эта холодность имела свою причину: ведь они были женаты. Джерри теперь ясно увидел печальную истину: они должны разойтись. Сурово и решительно стал он укладывать свои вещи в небольшой чемодан, в то время как рыдания его жены стремились заглушить вой радио.

Гражданин вселенной никогда не вбивает колышки своей палатки слишком крепко, поскольку нигде, ни на каком градусе широты у него нет ни дома, ни родины. Джерри был готов к отъезду, готов сказать своей жене последнее «прости» и дать своей больной последние врачебные указания. Он вынес чемодан в прихожую, убавил громкость радио и подошел к постели Джоан как муж и хиропрактик.

— Тебе нужно дня два полежать и ставить на больные места согревающий компресс, — начал он спокойно. — Затем при-

обрести себе небольшой плотный шар — лучше всего теннисный мяч. Три раза в день будешь проделывать следующую процедуру: лечь навзничь на пол, чуть выгнув спину, подложить под поясничные позвонки мяч, затем, опираясь на него всей тяжестью, двигаться таким образом, чтобы мяч коснулся поочередно каждого позвонка...

Джоан слушала очень внимательно, но не Джерри, а радио. Наконец она воскликнула:

— Джерри! Тише! Это поет Бинг Кросби, разве ты не слышишь?

Джерри начал отступать к выходу. Бинг Кросби пел последнюю музыкальную новинку: «Любовь моя горит в ночи Арабистана...» Джерри вспомнил, что арабские женщины не имели права видеть своего супруга до свадьбы. В Америке наоборот: женщины очень редко видят своих мужей после свадьбы.

Бинг закончил песню и предусмотрительно уступил место диктору для рекламы лучших в мире телевизоров. Джерри услышал зачарованный голос Джоан:

— Ах, какой мужчина! Изумительный!..

В это время Джоан заметила Джерри, стоявшего в дверях в полной походной готовности.

— Куда это ты собрался? — спросила она удивленно. — Ты разве не думаешь готовить ужин?

Джерри не шелохнулся и не произнес ни звука. Джоан продолжала в упоении:

— Скажи, разве ты не влюблен в голос Бинга? Он мировой король пения. У него настоящий ирландский тенор. Ирландцы славятся на весь мир как лучшие певцы. О боже, как я люблю Бинга!

Джерри молчал. Он вновь обнаружил в своем образовании огромную брешь — целую пропасть, на дне которой пели ирландские теноры. Он медленно подошел к жене и сказал бесцветным голосом:

— Джоан, нам нужно с тобою разойтись.

— Разойтись! Из-за чего? — удивилась Джоан.

— Из-за того, что мы муж и жена. И потому, что мы совершенно не подходим друг другу. У меня страшно тяжелый характер.

Джоан забыла свою боль, вскочила с постели и бросилась на шею мужу. Джерри был теперь начеку, опасаясь, что рука жены невзначай опять скользнет в его карман.

— Нет, Джерри, ты вовсе не тяжелый, — говорила Джоан. — Том и Эрол были гораздо тяжелее тебя. Они не понимали меня совершенно, хотя и родились, как я, в Америке. Их, наверно, раздражало то, что я так умна. Хотя мой отец был только фермер, он постарался дать мне образование. И Чарльзу тоже.

Рука Джоан тихонечко направилась в карман мужа. Но Джерри помешал этому движению, схватив жену за оба запястья. Глядя ей прямо в глаза, он печально произнес:

— Джоан, ты слишком хороша для меня. Я просто очень низменная натура. Почти всю жизнь я сидел в тюрьме...

— Джерри, милый, это же ничего не значит! И Чарли тоже сидел в тюрьме два раза. Да и Эрол! Он тоже был в тюрьме. За какую-то аморальность, кажется, а может — за воровство. Я уже не помню точно. Ах, Джерри, как я сейчас люблю тебя!

— Я совершил тяжкие преступления, — продолжал Джерри мрачно. — Я гангстер.

— О-о, я обожаю гангстеров! Они такие смелые и сильные! Они не боятся даже смерти.

— Вот то-то и оно. А я боюсь...

— Тебе пока нечего бояться. Недели две по крайней мере. Мне нужно скорее поговорить с Чарльзом.

— О чем?

Джоан запнулась и не знала, что отвечать. Джерри почти грубо оттолкнул ее и сказал леденящим душу голосом:

— Актриса!

Джоан быстро обрела равновесие:

— В детстве я всегда мечтала стать актрисой. У меня находили способности, а кроме того я, похожа на Джоан Кроуфорд. Джерри, у тебя золотое сердце!

— Да, это так. Оно такое же твердое и желтое. Теперь его не возьмет и бриллиант. Ты сообщница в преступлениях своего брата. Сначала вы навязали мне чудовищно огромную страховку, а сейчас планируете несчастный случай и мою неожиданную гибель.

— Это неправда! — воскликнула Джоан. — Мы еще ничего не наметили. Ты просто выдумываешь. У тебя воображение... О, как ты жалок! Теперь я верю, что все европейские мужчины — трусы. Они хвастаются своей культурностью и не умеют драться.

— О чем идет речь? — раздался вдруг низкий голос Чарльза.

Он открыл дверь своим ключом и вошел, не замеченный обоими супругами. Джерри невольно коснулся заднего кармана. Молоток был на месте. Он проверил и внутренний карман пиджака. Страховые бумаги были при нем.

— Что это за чемодан там, у дверей? — спросил Чарльз. — Я чуть об него ноги не поломал. Джоан, глоток виски у тебя найдется?

Чарльз, зевая, уселся на тахту и сдвинул шляпу на затылок.

— А в самом деле, о чем это вы тут болтали? — спросил он снова, когда получил свое виски.

Джоан и Джерри молчали. Лениво хлебнув, Чарльз опять спросил:

— Что у вас, телефон испорчен? Я звонил весь день, и никто не подходил.

— Нас несколько часов не было дома, — проговорила Джоан как-то робко. — Джерри возил меня в больницу...

— Он что, бил тебя? — спросил Чарльз настороженно.

— Нет... Я упала на лестнице и сильно ушибла спину. Но теперь мне уже лучше, гораздо лучше. Только голова болит ужасно.

— Не надо так много курить, — посоветовал брат и перевел взгляд на Джерри.

— Ну, как твой бизнес? — спросил он молчаливого шурина. — Много сгреб сегодня чистенькими?

— Джерри немного устал, — поспешила объяснить Джоан. — У него сегодня был тяжелый день.

— Деньги никому легко не даются, — заметил Чарльз. — Кстати, я пришел сообщить, что страховка — о'кэй.

— Мы знаем это, — ответила Джоан, взглянув с опаской на мужа.

— Что творится с твоим супругом? — спросил Чарльз. — Ведь эти монголы такие болтуны! На другое-то они и не способны.

— Не обижай Джерри, — сказала Джоан.

Джерри стоял, не двигаясь с места, и смотрел на дверь, что звала на свободу. Джоан подошла к нему и спросила примирительно:

— Милый, ты хочешь виски?

— Нет, — коротко ответил он.

— Твой муж не понимает хороших вещей, — заметил Чарльз, встал и, потягиваясь, подошел к Джерри. — Ну, старина, что ты скажешь теперь, когда твоя жизнь застрахована? Я действовал быстро и...

— И глупо, — закончил Джерри, вспоминая афоризм мистера Риверса.

— А-а, вот ты как? — проговорил Чарльз, меняя тон. — Если ты начнешь слишком раскрывать рот, я тебя живо успокою. Здесь страна сильных людей. У нас делать бизнес и драться — всегда готовы. Давно у тебя последний раз брали кровь на анализ?

Джоан поспешила вмешаться.

— Чарли, что ты так петушишься? Сядь на место и оставь Джерри в покое.

— Я голоден, — ответил братец. — Пошли своего мужа на кухню.

Джерри стиснул зубы так, что хрустнули скулы; затем он решительно направился к дверям и взялся за чемодан.

— Не думаешь ли ты убраться назад, к себе на родину? — осведомился Чарльз.

Джерри в ответ на это только презрительно усмехнулся.

— Прощай, Джоан, — произнес он с горечью и стал отпирать дверь.

Но Чарльз в два прыжка оказался возле него и крикнул, загораживая дверь:

— Не вздумай только со мною шутить! Со мною и с моей сестрой! Если ты имеешь что-нибудь сказать — давай поговорим! Снимай пиджак и поговорим!

— Джерри, не уходи, — взмолилась Джоан, — я люблю тебя!.. Чарли, не дай ему уйти.

— Брось чемодан! — крикнул Чарльз. — Я готов.

— Я не дерусь с дураками, — ответил Джерри сухо.

— А я дерусь! — заревел Чарльз и выхватил чемодан у Джерри. — Я готов драться когда угодно с европейцами, а тем более с англичанами.

— Джерри не англичанин, он из Финляндии, — закричала Джоан, пытаясь помешать столкновению.

— Такой страны нет вообще! — ответил разгоряченный брат.

— Есть, есть, — уговаривала Джоан. — Это возле Кореи... Ах, боже мой, ну помиритесь как-нибудь! Как нехорошо, когда родные дерутся!.. Чарли, сядь, успокойся. А ты, Джерри, — пойдем на кухню. Я помогу тебе.

Решение Джерри было бесповоротно:

— Я ухожу!

Но едва лишь он нагнулся за чемоданом, как получил такой удар в подбородок, что отлетел на другой конец передней.

— Теперь ты, парень, больше не будешь фокусничать со своим молотком! — крикнул Чарльз ему вдогонку. — Я тебе покажу! Желтая рожа!

Джерри лежал ничком у стены. Одна его рука была согнута под животом, а другая, расслабленная, откинута в сторону. Он был в сознании, но не мог подняться. Закрыв глаза и насторожив уши, он решил притвориться, что лежит без чувств.

— Чарли! Что ты сделал? — закричала Джоан в ужасе.

— Не подходи к нему! Пусть отдохнет: его разморило.
— А вдруг он умрет?
— Ты дурочка, Джоан. Как же я мог его убить? Но что это за цирк тут у вас?
— Он хочет развестить со мною, — захныкала Джоан. — А я старалась быть с ним такой хорошей!..
— Ну, он получит развод — недолго ждать! — зло усмехнулся Чарльз.
— Нет, я не хочу расставаться с ним...
— Не хочешь?
— Да, Чарли. Ты должен понять меня. Он что-то чувствует, догадывается... И я не хочу, чтобы с ним случилось несчастье. Чарли, я... я люблю его...
— Это от тебя и требуется.
— Я люблю его на самом деле. Это совсем не спектакль, Чарли. Сегодня я убедилась, что люблю его. С Джерри ничего не должно случиться. Я хочу быть его женой всю жизнь. Чарли, это опасная игра. Если он вдруг умрет, я не смогу больше жить...
— Прекрати это нытье, Джоан! Ты опять сходишь с ума. Где страховые документы?
— Они у меня...
— Я хочу посмотреть на них.
— Нет, Чарли, я тебе их не дам.
— Я только посмотрю!
— Я не могу показать...
— Джоан, если ты сию минуту не покажешь мне страховку, я больше тебе не брат. Поняла? Я буду просто Чарльз Лоусон. Сейчас же подай бумаги сюда. А не то...
— Они не у меня... Они у Джерри в кармане...
Джерри показалось, что через него пропустили электрический ток. Он собрал всю свою силу воли и приготовился защищаться. Когда Чарльз подошел и толкнул его в бок ногой, он не подал никаких признаков жизни. Только на волосок приоткрыл глаз и позволил Чарльзу перевернуть его. При этом, незаметно для Чарль-

за, правая рука Джерри оказалась у заднего кармана. Когда затем страховой агент нагнулся, чтобы поинтересоваться его бумагами, Джерри вдруг рывком левой руки нахлобучил врагу на самые глаза его шляпу, а правой пустил в ход свой молоток, — но на этот раз он бил уже не по коленям, а по лбу противника. Все произошло настолько молниеносно, что Чарльз не успел даже уследить за ходом событий. Он пошатнулся от первого удара и сделал попытку поднять шляпу на лоб. Но Джерри натянул ее на голову Чарльзу до самого донышка, продолжая наносить удары. Плотный фетр шляпы, по счастью, их амортизировал. Наконец поверженный противник растянулся на полу во весь свой рост, со шляпой, надвинутой до самого подбородка. Во избежание всяких сюрпризов Джерри наскоро прошелся молоточком по коленям и локтям Чарльза. Затем поправил галстук, причесал растрепанные волосы и направился к выходу.

Джоан свернулась калачиком в углу дивана, закрыв лицо руками. Джерри испытывал к жене глубокое сочувствие и жалость, так как теперь он словно увидел за маской человека.

— Прощай, Джоан, — тихо произнес он.

Джоан спрыгнула с дивана, но подошла не к мужу, а к телефону.

— Я позову полицию, — крикнула она. — Тебя задержат, и ты попадешь в тюрьму.

Инстинкт самосохранения заставил Джерри действовать решительнее. Он поспешил к жене, схватил ее в свои объятия, на руках отнес в спальню и уложил на кровать.

— Негодяй, я ненавижу тебя... — шипела Джоан.

— Я больше не чувствую к тебе ненависти, — сказал Джерри спокойно, — но для верности...

С последними словами он проверил рефлексы своей жены и сковал ее по рукам и ногам. Джоан хотела было закричать, но Джерри прижался губами к ее губам и поцеловал так, что она онемела. Затем он чуть ли не бегом помчался в переднюю, схватил свой чемодан и вышел.

Короткая семейная сцена была окончена. Она отличалась от обычных семейных раздоров только тем, что в ней по ходу действия никто не бросал в противника сливочным тортом и не переворачивал мебель.

В спальне Нью-Йорка был вечер. На улицах загорались миллионы рекламных огней. Улица и ночью не знала покоя. Даже ветер уснул где-то на своем насесте, но улица бодрствовала. Прямо в окна квартиры молодоженов светила сказочная полная луна...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

в которой Джерри Финн становится безработным и заявляет о своем отъезде на Луну, а Джоан несчастна, так как не знает нового адреса мужа

Было бы ошибкой думать, что Джерри Финн вырвался на свободу, беззаботно насвистывая, — он скорее беззвучно рыдал. Когда он подошел к двери мистера Риверса, сердце его стучало почти так, как, бывало, стучал его неразлучный молоток. Отворив дверь, Исаак приветствовал своего коллегу следующими словами:

— Ага! Пришел-таки за расчетом? Заходи, заходи, мы сразу выясним все наши дела.

Чего-то в этом роде Джерри ожидал, ибо он уже раньше заметил, что Исаак был оптимистом лишь до известного предела. А затем он превращался в реалиста и тех, кто нарушает правила игры, готов был послать ко всем чертям на вечное поселение.

— Первые действительные невзгоды в моей жизни начались в тот самый момент, когда ты женился, — сказал Исаак серьезно.

— Так же, как и в моей, — тихо отозвался Джерри, словно эхо, и замолчал, ожидая продолжения.

Исаак продолжал:

— Я отдал восемьсот долларов на рекламу моей практики. В первые дни у нас был наплыв и мы заработали хорошо, и я и ты. А потом? Да, потом ты избрал своим флагом женскую юбку, за которой и маршируешь вот уже неделю. На работу являлся когда вздумается — и отвадил почти всех пациенток. Сегодня после обеда ты и вовсе не подумал прийти, — и вот мы лишились как новых, так и старых больных.

— Но Исаак... Сегодня у меня возникло непреодолимое препятствие... — пытался оправдаться Джерри. — Моя жена повредила себе спину...

— А ты — голову. А больные оказались настолько нечуткими, что даже не пообещали когда-либо впредь нас навестить. Сейчас я сделал подсчеты и установил, что после твоей женитьбы я потерял более двух тысяч долларов чистыми деньгами. Ты еще не понимаешь, что в наше время необходимо вести жесточайшую борьбу за клиента. Людей надо уметь обслуживать. Они могут

простоять полдня в очереди за билетами на бокс — но не на прием к хиропрактику.

Исаак достал из кармана пачку денег и отсчитал коллеге пять двадцатидолларовых билетов.

— Вот твое жалованье за девять дней и гонорар за привлечение больных.

Джерри сунул деньги в бумажник, но мир не стал от этого казаться ему менее мрачным. Он не находил жизнь поэтичной. Будущее представлялось гнетуще серым, в прошлом тоже не было слишком яркого света. Весь мир был полон счастливых браков, а кругом были несчастные супруги, чьи подушки стонали в бессонные ночи.

— Что же мне делать теперь? — спросил он беспомощно.

— Вот уж этого я не знаю, — ответил Исаак. — Спроси у своей жены.

— У меня больше нет жены...

— Кто же тобой тогда командует?

Подумав, Исаак даже подскочил:

— Что ты сказал? Нет жены? Разве твоя жена умерла?

— Нет, я оставил ее...

— Скверно. Очень скверно. Жену нельзя оставить — кроме как в том случае, когда ты застанешь ее в спальне с другим мужчиной и на последнем будет надета твоя пижама. Таков закон.

Лицо Джерри сделалось еще мрачнее. Он был бессилен, как старый псалом, допетый до конца.

— Исаак, ты должен дать мне совет, — сказал он с мольбой. — Я не могу жить с моей женой. Моя жизнь в опасности...

— Бей и ты ее, — гаркнул Исаак. — Только не по лицу. У меня когда-то был напарник — немец. Я работал тогда на шахте в Миннесоте. Так он регулярно два раза в неделю закатывал своей бабе трепку. Самую основательную. По голому заду. Ремнем, насколько я помню.

— Нет, Исаак... Это серьезно.

— Разумеется. Потому я и даю тебе совет. Я тоже пытался как-то задать жене трепку. Но пока я дошел до того, что оставалось лишь замахнуться, — у меня весь гнев пропал...

Джерри сделал нетерпеливый жест. Исаак снова превращался в оптимиста, который чужие беды видел в веселом свете.

— Должен ли я понять, что ты гонишь меня на улицу? — спросил Джерри подавленно.

— Нет, Джерри. Ты сам себя выгнал. Я устроил тебе блестящее будущее, но ты женился. Разумеется, в этом нет ничего плохого, но ты свою практику сменил на семейную жизнь, — это уж слишком. От этого страдает и моя репутация.

Джерри помолчал, словно припоминая что-то. Наконец он сказал:

— Ты ведь мой поручитель, и ты должен заботиться обо мне.

— Только в том случае, если будет установлена твоя нетрудоспособность. Я тебе скажу совершенно честно: теперь для двоих нам просто не хватит пациентов. А затевать сейчас новую рекламную атаку бесполезно.

— Что же со мною будет? — тяжело вздохнул Джерри.

— Эх, дорогой мой! Тут страна великих возможностей! Попробуй где-нибудь найти работу. Ну, а если уж нигде не найдешь — тогда приходи обратно.

Последняя фраза была рассчитана на прощание. Но Джерри не двигался с места. Он чувствовал, что по отношению к нему совершается непоправимая несправедливость. Понятливость Исаака была, по его мнению, ниже всякой критики. Исаак был из числа тех людей, которые пишут скверно, говорят кое-как, а думают только в крайнем случае.

— Можно мне все-таки хоть переночевать у тебя? — робко спросил Джерри.

— Почему тебе не пойти домой? — ответил Исаак.

— Не могу... больше.

— Ну что ж, ничего не поделаешь...

Исаак собирался сказать еще что-то, но в этот момент зазвонил телефон, и он поспешил снять трубку. Джерри услыхал ответы своего попечителя:

— Да, сэр. Так точно, сэр. В августе... Совершенно верно... Больше уже нет... Нет, он уволился сегодня. Получил полный расчет... Конечно, сэр... Сбежал?.. Нет, не видел... Ударил — чем?.. Молотком... Значит, по голове?.. Да, конечно, сэр... Сообщу немедленно, сэр... Конечно, ведь я же его поручитель... Спокойной ночи, сэр...

Исаак положил трубку на место.

— Кто-то спрашивал обо мне? — спросил Джерри встревоженно.

— Да. Полиция.

— Вот как! Что же им нужно?

— Побеседовать с тобой.

— Что еще? Говори!

— Ты как будто ударил одного гражданина этой страны молотком по голове...

— Верно, Исаак... Это правда... Но я оборонялся...

— Это уже частности.

— Он умер?

— Кто?

— Брат моей жены.

— Э, так вот кого ты ударил! Нет, он не умер.

— Так что же? Ну говори!

— Дело не стоит выеденного яйца! Парень заявил в полицию, а полиция желает знать, что это у тебя за молоток такой, который не оставил на голове жертвы никаких следов избиения...

Напряжение несколько разрядилось, и Джерри с облегчением опустился на тахту.

— Но это еще не все, — продолжал Исаак. — Полиция желает знать, почему ты убежал из дому. Я ведь говорил тебе, что жену нельзя бросать, пока не получен развод. И пока не начнешь платить алименты. Может быть, все-таки самое разумное ночевать тебе дома.

— Возможно, ты и прав, Исаак, — сказал Джерри мрачно. — А почему бы мне и не умереть для разнообразия?..

И вот Джерри Финн взял свой чемодан и ушел. Исаак проводил его на лестницу и здесь произнес следующее заключительное слово:

— Немножко дрянно это выглядит и с моей стороны, но я ничего не могу поделать. Ты не сердись. Заходи как-нибудь...

— Спасибо, Исаак. Мне очень жаль, что я разогнал твоих больных. Надо надеяться, ты все-таки проживешь как-нибудь.

Выйдя на улицу, Джерри инстинктивно проверил задний карман и убедился, что молоток при нем. Жизнь превращалась в правдивую повесть с плачевно банальным сюжетом: сбежавший муж возвращается домой и решает начать все сначала. Теперь, пожалуй, им надо спать, взявшись за руки, чтобы один не мог неожиданно ударить другого.

В воздухе было уже по-осеннему прохладно, так что дамы могли, не потея, носить свои новые модные меха. Лоточники, торговавшие в подъездах фруктами и сладостями, стали расходиться по домам. Постовые полицейские проверяли, все ли двери магазинов надежно заперты. Ночные профессионалы улицы начинали заниматься своим бизнесом. Со всех сторон вырывались на улицу ароматы вареных сосисок и свежеиспеченного хлеба. Моряки торговали швейцарскими часами и биноклями. Какой-то пожилой господин продавал веселые открытки и книжки с картинками для взрослых, изданные в Буэнос-Айресе. Какой-то несчастный, единственным богатством которого было свободное время, пытался торговать большим спасибо и нищенской улыбкой. С приближением полночи стоимость жизни повышалась, а честность падала.

Одна веселая Магдалина предложила Джерри свое общество, но окостеневший молодой супруг молча отверг ее предложение и направился к дому, на втором этаже которого была дверь с дощеч-

5 Зак. 11

кой: «Джоан & Джерри Финн». Их имена еще стояли рядом, на одном уровне, в трогательном согласии... Маленькая семейная вывеска гласила о святом союзе, приметным знаком которого были маленькие круглые кольца: у жены был окольцован безымянный палец левой руки, а у мужа — карман.

Из-за двери слышался обычный голос каждого дома — голос радио. Джоан хотелось тишины, поэтому она включила радио и затихла. Джерри выдержал долгую паузу раздумья: войти или не входить? В конце концов он, точно свидетель, который ничего не помнит, смело отворил дверь и вошел. Чарльза уже не было, ибо он также занимался бизнесом преимущественно по ночам, и Джоан была дома одна. Брошенная жена не заметила прихода своего мужа, так как была поглощена самодеятельной хиропрактикой, требовавшей большой сосредоточенности. Джерри сунул чемодан за кушетку и, войдя в спальню, остановился в дверях, наблюдая за самостоятельными упражнениями своей ученицы. Это было очаровательно дикое зрелище, описать которое невозможно ни на одном языке. Для передачи его потребовался бы по крайней мере саксофон или аккордеон. Джоан лежала на полу; весь костюм ее составляли нейлоновые трусики-«одуванчик»; она разминала спину о маленький мячик, похожий на медный шар — украшение от старинной кровати; ее малюсенькая грудь ритмично вздрагивала всякий раз, когда мяч попадал на больной позвонок. Удачное сопровождение для этого домашнего балета создавал купленный в рассрочку радиоприемник. Фрэнк Синатра сначала насвистывал известную пастушью мелодию, а потом запел последнюю рекламную новинку: «Любовь горит в груди у нас, как нефть компании «Техас», слова Уилли Уильямса, мелодия Франца Листа в обработке Боба Смита. Джоан продолжала массировать спину и пела, помогая Фрэнку Синатре:

Милый, милый, милый черноглазик...
Брось меня в огонь любви отныне!
Поцелуй меня еще хоть разик,
Пой о скорости и о бензине...

Джерри бросился к приемнику и свел Фрэнка Синатру на пианиссимо. Его грубый и немузыкальный поступок среди ночи пробудил Джоан к действительности. Женщина вскочила и возмущенно воскликнула:

— Джерри! Почему ты мешаешь петь Фрэнку Синатре? Я хочу выучить слова. Это прелестная песня, Джерри. И-зу-мительная!..

— Оденься, Джоан, — ответил муж бесцветным голосом. — Мне нужно поговорить с тобой.

Джоан надела туфли и жемчужное ожерелье и, перейдя к будничной прозе, начала извергать слова, которые невозможно было ни взвесить, ни сосчитать.

— Милый, моей спине теперь уже гораздо лучше. Я теперь поверила в твое лечение, хотя Чарльз и говорит, что это дрянь и ерунда сплошная. Кстати, Чарльз очень сердился на тебя. Он грозил тебя отделать, но тебе не нужно бояться. Не думаю, чтобы он стал стрелять. Насколько мне известно, он только два раза стрелял в человека и один раз — в полицейского. Но это было уже несколько лет назад. Джерри, ты меня любишь?

— Оденься, Джоан, — сухо ответил муж, отстранив ее.

— Зачем? Мне нисколько не холодно. Ой, кажется, я понимаю! Ты стесняешься. Ах, какая ты прелесть! Джерри, ну сознайся! Разве я не красива? Когда спина моя поправится, я начну заниматься танцами. У меня есть и к этому способности. Но прежде всего мне надо достать очки. Они теперь в моде. Особенно такие, у которых дужки украшены золотом. Все элегантные женщины ходят теперь в очках.

Джерри было совершенно непонятно, зачем он вернулся домой, а Джоан не могла понять, как это муж не начинает готовить ужин, хотя новые сутки начались уже несколько минут назад. Муж с мрачным видом уселся и достал пачку сигарет, об отличных качествах которых высказали свое авторитетное суждение десятки известных специалистов по сердцу и легким. Джоан набросила на плечи халатик, подсела к мужу и зажала его ногу своими голыми коленями. Джерри смотрел в пол, а мимоходом — на колени своей жены, которые были красивы, как яблоки.

— Почему ты такой мрачный? — спросила Джоан и положила ногу на ногу. — Ты сегодня должен быть счастлив.

Джерри оторвал глаза от пола и сказал печально:

— Я теперь безработный...

— Разве ты уже не лечишь людей?

— Нет. У меня пока нет никакой работы.

— Ах, как чудесно! Значит, ты целыми днями будешь со мной. Джерри, милый! Я всю жизнь мечтала об этом!

— Ты мечтала о безработице?

— Ну да. Тут ведь нет ничего плохого. Я однажды читала в какой-то газете, что безработица — это когда люди увольняются с работы. Надо же человеку иногда и отдохнуть и спокойно посмотреть телевизор. Я ненавижу работу, и потому я так счастлива, что ты можешь побыть дома. Теперь нам уже не надо будет отсылать белье в прачечную или нанимать уборщиц. Купим стиральную машину и пылесос — и ты сам сможешь стирать белье и убирать комнаты. Но прежде всего нам необходимо купить автомобиль. Ты должен понять, что элегантная женщина не может садиться в инвалидную коляску, когда ей надо поехать в больницу. Джерри,

ты знаешь, что я все-таки леди и знаю жизнь. О боже, как я теперь счастлива!

Джерри схватил жену за руки и, глядя ей прямо в глаза, сказал очень серьезно:

— Джоан, покажи язык и скажи: а-а-а...

Джоан оскорбилась. Она была леди, которая не терпит, чтобы ее чувствами играли, точно на бильярде. Она закрыла свои колени и отодвинулась от мужа на полметра. Тут же она вспомнила, что у них еще оставались кое-какие невыясненные вопросы.

— Почему ты вечером был так груб? — спросила она. — Я никогда бы не поверила, что ты способен ударить женщину. Да еще молотком.

— Я только проверил твои рефлексы, — ответил Джерри сухо.

— Так ты не по-настоящему бил меня? — удивилась Джоан. Она снова пододвинулась ближе к мужу и заговорила очень оживленно: — Значит, опять-таки я была права. Чарльз уверял, что это с твоей стороны подлая грубость, а я сказала, что это просто любовь. Ах, как это прекрасно, когда человек любит и любим. Чарльз — настоящий джентльмен и очень много повидал на свете, но мне кажется, он еще не знает любви. Джерри! Теперь ты должен меня поцеловать! Но постарайся быть джентльменом... И подольше! Как Грегори Пек или Алан Лэдд. Ох, если бы хоть раз поцеловаться с Аланом Лэддом!..

Несносная пассивность Джерри опять испортила все настроение. Ему до сих пор еще очень не хватало тонкой чуткости эстета и отточенной техники киноактера. Может быть, он слишком редко ходил в кино и читал слишком мало двадцатипятицентовых книг? Он не понимал, что между привлекательностью мужчины и пылкой страстью имеется та разница, что привлекательность часто остается еще долго после того, как страсть догорела дотла.

После очень вялого поцелуя (словно он исполнял повинность!) Джерри сказал с потрясающей безысходностью:

— Я не понимаю, на что мы будем жить!

— Ты обижаешь меня, — ответила Джоан. — Надо полагать, мы будем жить, как и все другие.

— Но я безработный.

— Опять ты о том же. Я ведь уже говорила тебе по крайней мере миллион раз, что можно жить в долг. Как будто ты не знаешь, что мы и за квартиру не платили уже больше пяти месяцев?!

Джерри схватился за голову и простонал:

— Нет, больше так продолжаться не может! Я должен получить работу. Какую угодно.

Лицо Джоан прояснилось. Она невольно посочувствовала мужу и попыталась его утешить:

— Может быть, Чарли тебя устроит?

— Ни в коем случае! Я не переношу его.

— Не говори так о моем брате. Он как раз сегодня вечером говорил мне, что затевает большой бизнес и ему нужен помощник. Джерри, я придумала: ты будешь помогать моему брату. Я уверена, что вы тогда станете добрыми друзьями.

Джерри помолчал и вдруг словно невзначай спросил:

— А чем занимается твой брат?

— Он говорил, что помогает школьникам.

— Помогает школьникам? — переспросил Джерри.

— Да, и студентам тоже.

— Разве твой брат — учитель?

— Джерри, ты просто глуп! Какой же порядочный человек станет учителем? Чарли помогает учащимся иначе.

Джерри немного оживился и попробовал выудить у жены дополнительные сведения. Джоан опять сделала современный жест: быстро перекинула ногу за ногу — и стала рассказывать:

— Европейцам очень трудно понять, что значит школа, потому что в Европе, говорят, школ очень мало. Но здесь другое дело. Во многих штатах обучение в школе является даже обязательным. Это совершенно ужасно! Даже маленькие дети вынуждены ходить в школу. Их заставляют учиться читать и писать, играть в мяч. Это действует на нервы. Я хорошо помню, каким нервным сделался Чарли, когда он ходил в школу и был в футбольной команде. Вот потому он теперь и старается помочь школьникам.

Джерри беспомощно замотал головой:

— Я не возьму в толк, что за пользу может им принести твой брат.

— Чарли достает им лекарства. Успокаивающие лекарства, которые делаются в Мексике. Они называются марихуана и гашиш...

Джерри вскочил с места.

— Ведь это преступное занятие! — воскликнул он в сильном возбуждении.

— Это ты так думаешь, — спокойно ответила Джоан. — А школьники очень благодарны.

Джерри зажмурил глаза и закричал не своим голосом:

— Джоан, Джоан... Ты сама не знаешь, что говоришь. Неужели ты не понимаешь, что твой брат — опасный преступник?

— Но ты ведь тоже сидел в тюрьме, — защищалась Джоан. — Когда я рассказала Чарльзу, что ты много лет просидел в кре-

пости, он даже в лице переменился и сказал, что ты вовсе не так глуп, как кажется с первого взгляда.

Джерри зажал уши и только безнадежно вздохнул. Он начал серьезно опасаться, что Джоан слишком рано выпустили из сумасшедшего дома, или же она так наивна, что не может отличить кино от действительности.

— Нет, я еще глупее, чем выгляжу, — сказал Джерри мрачно.

— По-моему, ты не глупее, — успокаивала Джоан. Я не заметила в тебе никаких умственных недостатков. Наоборот: для европейца ты очень умен.

— Оставь, наконец, в покое европейцев. Что ты знаешь о Европе и европейцах?

— Ну, я же читаю иногда газеты, а в них пишут, что Европа — нищая и больная страна, которая нуждается в помощи.

В словах Джоан был сильный привкус газетной краски.

Джерри начал томиться, как безбожник в церкви. Но у него не было ни малейшего желания пойти в спальню и броситься в постель. Он чувствовал себя сиротливо и одиноко. Ему хотелось убежать куда-нибудь подальше, хотя он и знал достаточно хорошо, что дорога «подальше» всегда слишком длинна. Человеку вообще бывает хорошо там, где его нет. Душевного ландшафта Джоан никогда не омрачали туманы глубоких раздумий. Поэтому у нее всегда было гораздо больше решительности и самоуверенности, чем у Джерри, который все еще тратил слишком много времени на честность и на различение добра и зла.

После короткого молчания супруг, пресыщенный самим собой и своей женою, сказал подавленно:

— Джоан, я уезжаю. Поеду искать работу.

— Когда?

— Сию минуту.

— Какой же ты ребенок!

— Да, конечно. Если бы я не рассуждал по-детски, меня бы теперь здесь не было.

Джоан положила руку на шею Джерри и ласково посмотрела на него.

— Поедем вместе, — сказала она. — Мне тоже надоело сидеть в Нью-Йорке. Поедем на запад.

Джерри почувствовал, как рука жены скользнула к нему в карман. Но ей пришлось возвратиться ни с чем, потому что страховые документы находились в чемодане.

— Хорошо, — сказал Джерри. — Тогда одевайся. А я схожу пока занять у доктора Риверса денег на дорогу.

— Нет, Джерри. Поедем утром. Мне нужно еще дождаться Чарльза. Он обещал вернуться к двум часам ночи.

Джерри вздрогнул. У него не было ни малейшего желания встречаться с человеком, чью тупую голову он сегодня вечером выстукивал, как медную кастрюлю. Он стал изобретать новые предлоги, чтобы поскорее выбраться на свободу. Он уже неплохо знал свою жену и слишком хорошо понимал, что Джоан не поверит заурядной отговорке. Поэтому он мгновенно сочинил историю, которая могла подействовать на эту женскую душу.

— Джоан, — прошептал он, как заговорщик. — У меня есть план: мы украдем автомобиль и на нем уедем.

— О-о, как увлекательно! — воскликнула Джоан. — Джерри, я люблю тебя!

— Сейчас самое время раздобыть машину. Уже половина второго и большинство людей спит. А полицейские как раз сейчас пьют кофе.

Джерри стал подвигаться к дверям и уже взялся за чемодан.

— Не бери чемодан с собою, — заметила Джоан.

— Он совершенно необходим. Если я буду что-нибудь нести, никто не обратит на меня внимания. Джоан, одевайся поскорей. Через час я вернусь за тобой.

Глаза жены засияли, как свечки рождественской елки. Она посмотрела на мужа с неподдельным восхищением, запечатлела на его губах долгий поцелуй и прошептала:

— Выбери хорошую машину...

— Возьму самую изящную в мире, — ответил Джерри, приласкал своего маленького вампира и поспешил выйти.

Когда Джерри ушел, Джоан вспомнила одну мелочь: у Джерри не было прав, и он даже не умел водить машину. К тому же он был очень близорук. Несмотря на эти соображения, Джоан стала собираться в дорогу. Она всегда жила немножко нереальной жизнью, в которой агентами грез служили кинозвезды и герои детективных

романов со стальными тросами вместо нервов. И, к великому счастью, она была чересчур поверхностна для того, чтобы быть глубоко несчастной.

Она надела кричаще красный выходной костюм и широкополую черную шляпу. В этом наряде Джоан вполне подошла бы на обложку любого журнала. Она нетерпеливо ждала Джерри и курила одну сигарету за другой. На лестнице послышались голоса и странный шум. Джоан открыла дверь и не могла удержаться от восклицания:

— Чарли! Чарли, как тебе не стыдно!

Ее любезный братец обметал животом ступени, стараясь добраться до площадки своего этажа.

— Ты опять нализался сверх всякой меры? — говорила сестра с упреком, помогая брату подняться на ноги.

Но они его не держали. Он вполз кое-как в переднюю и прорычал в бешенстве:

— «Нализался! Нализался!» Если бы я хоть нализался, а то, как назло, до того трезв, что если с меня портрет писать, так только акварелью...

— Что же с тобой стряслось? — забеспокоилась Джоан, помогая ему сесть в кресло.

— Дай глоток виски, — ответил Чарли, скрипнув зубами от злости.

Немного успокоившись, он начал рассказывать:

— Бизнес шел сегодня совсем ни к черту... А сейчас иду домой — в подъезде попадается мне навстречу твой милый муж, этот проклятый немец или, черт его знает, кто он там...

— Финн, — подсказала сестра.

— А, все равно — пропади он пропадом. Я хотел было показать ему где раки зимуют, так ведь он меня опередил! И подковал же меня — не хуже кузнеца, дьявол. Мало того, вытащил у меня из кармана пистолет, нахлобучил мне шляпу на глаза да как даст ногой в зад!.. Такого я в жизни еще не испытывал.

Чарльз едва не плакал от злости. Он осушил свою стопку и продолжал:

— Это страшный мерзавец. Но уж я его успокою! Клянусь, я выпущу из него кишки...

— Неужели он ничего не сказал? — спросила потрясенная Джоан.

— Сказал только: «Позаботься о своей сестре, я улетаю на Луну...»

Джоан сняла шляпу, упала на стул и точно окаменела. Через минуту она разрыдалась:

— Где же я раздобуду теперь его адрес?

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

несчастная уже потому, что она тринадцатая, в которой Джерри выслушивает лекцию о психологии смеха, а затем вступает в великое братство бездомных «хобо»

Джерри проснулся от не совсем приятных ощущений: ужасного грохота, крика, смеха и давки. Кто-то тряс его за плечи и пробовал щекотать под мышками. Джерри открыл глаза, но оставался некоторое время на той грани между сном и действительностью, когда все воспринимаемое представляется нереально туманным и наполовину бесплотным. Он был сонный, как лиса весной, веки его тянуло вниз, словно тяжелые крышки люков. Но тряска и толчки возобновились с еще большей силой. Казалось, будто кто-то шлепнул его раза два по щекам, а затем зарычал в самое ухо. Он начал просыпаться и постепенно осознавать обстановку. Тут он заметил, что сидит в битком набитом вагоне метро. Поле зрения было крайне ограниченно. Он смог увидеть лишь несколько прикрепленных к потолку вагона рекламных плакатов и какие-то лица. Лица, улыбающиеся и смеющиеся во весь рот, черные, желтые, коричневые, серые, синеватые и бледные. Вокруг этого пестрого сборища носилась и колыхалась невероятная смесь запахов, ароматов, благоуханий. Запахи чеснока, лука-порея, зубной пасты, туалетной воды, жевательной резинки, пудры, духов, мыла и сельдерея щекотали ноздри Джерри, вырывающегося из мира сновидений. Будничная действительность приветствовала его тысячей голосов и запахов. Это был поезд нью-йоркской подземки, которая описывает непрерывный круг — как воротная вена.

Рослый негр в форменной фуражке наклонился к Джерри и спросил, смеясь во весь рот:

— Сэр! Куда вы едете?

— Вперед! — ответил Джерри.

— Отлично, сэр. Но вы сидите в вагоне уже около семи часов и объехали вокруг Манхэттена много раз. Что это значит, сэр? Какая цель?

— Никакой цели, — ответил Джерри.

Поезд замедлил ход, и негр отошел к двери. Джерри видел вокруг себя десятки лиц. Смеющиеся лица. Они напоминали бесконечный поток, который постоянно меняется и постоянно остается тем же. Те же выражения лиц, те же запахи и те же голоса. Поезд

тронулся, и негр снова протискался к Джерри через толпу. Он не обвинял, а хотел помочь, так как ему за время работы в подземке приходилось видеть тысячи мужчин и женщин, спавших по ночам в беспокойно покачивающемся вагоне, в этой общей колыбели бездомных людей. Здесь можно было сидеть на жесткой скамейке, упершись локтями в колени — предварительно уплатив за это десять центов на станции отправления.

— Да, сэр, — снова заговорил человеколюбивый негр, — когда же вы думаете выходить?

— Сейчас вечер или утро? — спросил Джерри.

— Утро, сэр. Исключительно красивое утро. Скоро уже восемь часов.

— А где мы находимся?

— В Манхэттене, сэр. Точнее сказать, в Гарлеме. Следующая остановка — Сто двадцать пятая улица, дорогой сэр.

— Гаарлем, — произнес Джерри мечтательно, — и ему представилась Голландия, прекрасные поля тюльпанов, деревянные башмаки крестьян, сочные сыры, красиво раскрашенные дома с ослепительно белыми дверями и крылечками. — Гаарлем, — снова повторил он. — Так пожалуй, я выйду на следующей остановке.

— Отлично, сэр, — сказал негр с обворожительной улыбкой.

Джерри начал пробираться к двери. Тут он вспомнил о своем чемодане и бросился обратно к только что покинутому месту. Там сидел теперь желтоватый пуэрториканец и жевал сельдерей.

— Мой чемодан пропал, — крикнул Джерри чернокожему проводнику.

— Ничего удивительного, — дружелюбно ответил негр. — В мире всегда что-нибудь пропадает. Но теперь вам надо спешить, сэр. Поезд сию минуту остановится.

— Я не могу выйти без чемодана, — твердо сказал Джерри. — У меня украли чемодан.

— Это очень обычное дело. В мире ежедневно совершаются кражи. Заявите полиции. Но теперь, сэр...

Проводник схватил Джерри под руку, а нахлынувшая толпа приперла его к дверям. Поезд остановился, и человеческим потоком Джерри вынесло на платформу.

— Чемодан, мой чемодан пропал! — кричал Джерри громким голосом.

В ответ ему неслись веселые смешки, сияли бодрые улыбки, улыбки широкие, во весь рот, — всеобъемлющий социальный смех. Казалось, будто восемь миллионов жителей Нью-Йорка вдруг разом прыснули со смеху. Поток вынес Джерри из-под земли на улицу, из подземной сутолоки и давки — в надземную сутолоку и давку. Он заметил полицейского, регулирующего движение, и протискался к нему.

— У меня украли чемодан, — сказал он дрожащим голосом.

— Что вы говорите!.. — смеясь, посочувствовал полицейский. — Неприятное происшествие. Но — бывает! Такое случается каждый день. Кстати, сегодня прекрасная погода. Просто на редкость хорошая для конца сентября!

— Да, великолепная погода, — согласился Джерри, и по его лицу тоже расползлась улыбка, похожая на гримасу.

Он оставил полицейского заниматься служебными обязанностями, а сам отправился в дальнейший путь. Утро выдалось действительно красивое и ласково теплое. Но ловкий торговый агент страны грез, оказывается, всучил-таки нашему герою фальшивые представления. Прекрасные картины тюльпановых плантаций голландского Гаарлема отступили перед черной реальностью Гарлема Нью-Йорка.

Джерри находился теперь в самом сердце негритянского квартала, где все было черно. Подобно редкостному альбиносу, он появился на Пятой авеню, где на тротуарах сидели чернокожие любого возраста и роста. Казалось, они чувствовали себя хорошо среди набросанного бумажного сора, всевозможных огрызков и прочей дряни. Жирные мухи кружились в вихре свадебного танца, провозглашая вечную непрерывность жизни. Двое мальчишек кормили ручную крысу, которая, судя по округлым бокам и сосочкам тугого брюшка, ожидала прибавления семейства. Солнце посылало свое горячее благословение этой черной идиллии, которая вся так и сочилась жизнью, улыбающейся, веселой и беззаботной жизнью.

Джерри отовсюду приветствовали, и он отвечал на приветствия. Чарующие цветники Голландии скрывались в душах негров Гарлема. Душой они жили на цветущем лоне природы и мечтали о садах Эдема, окруженные шумным роем мух и лежащим повсюду высохшим на солнце собачьим пометом. Черный, бездонный смех. Живая, сверкающая улыбка. Буйная жизнь, пересаженная на чужую почву.

Гарлем улыбался, но Джерри тяготили мысль о пережитом и утрата единственного чемодана. У него не было больших надежд вернуть свое имущество, потому что здесь только вор мог задержать вора.

На углу Пятой авеню и Сто двадцать седьмой улицы было «Кафе Джо», предлагавшее каждому отведать «лучший в Гарлеме кофе». Джерри восхитило чувство меры черных предпринимателей, которые не предлагали чего-то лучшего в мире. Джерри зашел в маленький зал, откуда на него сразу хлынули веселая туча мух, пение Фрэнка Синатры из автоматического проигрывателя и густой чад подгоревшего жира. Десяток негров, сидя у длинного стола-прилавка, прихлебывали из чашечек кофе и жевали котлеты. На лице каждого светилась солнечная улыбка. Лысый хозяин, которого можно было ухватить за волосы только куском сапожного вара, вышел навстречу Джерри, разразился смехом и весело сказал:

— Здравствуйте, сэр! Красивое утро, не правда ли?

— Очень красивое...

— У вас мрачный вид.

— У меня украли чемодан.

Хозяин снова захохотал, и его веселое настроение внезапно распространилось по залу, как сплетня. Через минуту все негры покатывались от хохота. Джерри стало надоедать это по-птичьи беззаботное настроение, которое казалось модой, охватившей весь город. Он выжал из себя жалкую болезненную улыбку и заказал кофе.

— А чего-нибудь закусить? — осведомился хозяин. — Нашей специальностью являются вишневые пироги и рубленые котлеты. Конины мы не употребляем.

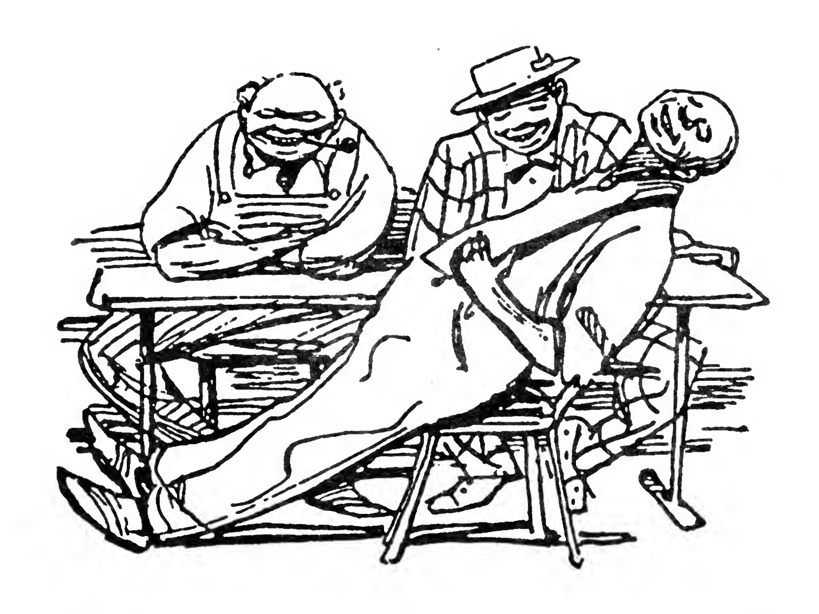
— Пожалуй, пирога, — сказал Джерри. — И черного кофе.

— Тридцать центов, — ответил хозяин. — Уплатить можете сразу.

Джерри сунул руку в карман и затрясся мелкой дрожью. Бумажника не было. Он начал нервно рыться в карманах и обнаружил, что и молоток, и захваченный у Чарльза пистолет тоже нашли себе нового владельца. Он извлек из карманов только грязный носовой платок и сломанную расческу.

— У меня украли все деньги, — пробормотал он.

Хозяин кафе теперь уже смеялся не только ртом и глазами — он смеялся всей своей широкой физиономией, животом и даже плечами. И смех его снова заразил всех клиентов.

— Старая история, слишком старая история, — проговорил он наконец. — Вот уж это сегодня не пройдет. Я очень сожалею, сэр, но я не могу подать вам ни кофе, ни пирога.

Последние слова он говорил, трясясь от хохота.

— Что вы нашли в этом смешного? — возмутился Джерри. Хозяин сдержал на миг свое веселье и спросил:

— Вы из Алабамы, из Миссисипи или из Виргинии?

— Я из Бруклина. Но какое это имеет отношение к делу?

— Разумеется, имеет. Вам бы все-таки следовало уметь читать. Посмотрите вокруг.

Джерри беглым взглядом окинул маленькое кафе, где на стенах, закрывая грязные, запятнанные обои, были повсюду налеплены большие плакаты. На каждом плакате были изображены смеющиеся лица и футовыми буквами один и тот же текст:

НАЦИОНАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ СМЕХА!

Словно солнце послало охапку своих лучей, чтобы просветить мозги Джерри. Теперь он понял, почему сегодня на каждом лице сияла улыбка.

— Ну, теперь вам понятно, почему мы смеемся? — проговорил владелец кафе. — Сегодня первый день Национальной недели смеха, проводимой под покровительством самого президента. Сейчас опасно быть серьезным. Особенно нашему брату — сразу попадешь на подозрение. Вы ведь понимаете, сэр, что долг каждого гражданина смеяться целую неделю.

— Почему же? — недоумевал Джерри.

— Потому что так установлено свыше.

Тут хозяин замолчал и поспешил обслуживать других клиентов, а Джерри тем временем стал просматривать лежавшую на столе газету. Первую полосу украшало смеющееся лицо мэра города. Текст и заголовки в газете были рождены под знаком Недели смеха. В шапке ярко выделялись призывы:

Продлим человеческую жизнь бодрым смехом!
Мы счастливы — и мы смеемся!
Мы смеемся в лицо всему миру!
В Корее война, но мы все равно смеемся!

Десятки врачей выступали с заявлениями о пользе смеха для здоровья. Министры и конгрессмены единодушно обещали смеяться целую неделю. Рекламные агентства прославляли смех в каждом объявлении.

Зубная паста «Погохондас» придает белизну вашим зубам и позволяет вам смеяться когда угодно и где угодно.

Специально для Национальной недели смеха: искусственные зубы за полцены!

Похоронное бюро «Гринбелт» выполняет все похоронные церемонии до смешного дешево.

Каждый смеющийся человек пьет виски «Кентукки»!

Большой праздник смеха в отеле «Астория». Шефствуют мэр нашего города и Боб Хоуп...

Джерри отложил газету и попытался улыбнуться. Хозяин кафе снова подошел к нему и, опасливо озираясь по сторонам, заговорил почти шепотом:

— У вас действительно совсем нет денег?

— Ни центика, — мрачно ответил Джерри.

— Ваш акцент... вы иностранец?

— Я недавно прибыл из Европы.

Хозяин оказался любопытным.

— Так вы из Европы? Ну, там, наверно, страшная нищета? Кстати, меня зовут Кокс. Джо Кокс. Ка-о-ка-эс.

— Мое имя Финн. Джерри Финн. Эф-и-эн-эн.

— У вас есть какая-нибудь специальность? А то помогите немного на кухне: жена моя в больнице, и я не справляюсь.

— Я по профессии врач, — ответил Джерри, не раздумывая. — Врач-специалист, моя область — повреждения спины.

— Повреждения спины! Тогда вы могли бы полечить меня?

— Все мои инструменты были в чемодане, который у меня украли этой ночью.

Джерри немножечко преувеличивал, так как на самом деле в чемодане были только маленький электромассажер и грелка.

— Может быть, вы бы все-таки осмотрели мою спину? — не терял надежды мистер Кокс. — Получите бесплатный обед. То есть жаркое. Могу поручиться за то, что оно не из конины.

Джерри принял предложение. Мистер Кокс подмигнул своим клиентам и со смехом обратился к улыбающемуся молодому человеку:

— Хэлло, Фред, займись бизнесом вместо меня.

— О'кэй, Джо, — ответил молодой человек и поспешил встать за прилавок.

Джерри последовал за хозяином в другую комнату, ощущая легкое головокружение. Комната была, говоря коротко, не убрана. К этому слову ничего нельзя было бы прибавить, даже кавычек. Мистер Кокс снял с себя рубаху и лег животом на скрипучую тахту. Черная спина его была шишковата и жирна. Джерри добросовестно исследовал каждый позвонок.

— Здесь больно?

— Да, очень... Ой... Тут уж не до смеха...

— Какой там смех! Вот здесь, например, очень скверный хрящ...

— Ой, чуточку полегче, — застонала жертва, когда Джерри начал разминать больные позвонки. — Всякие недели еще выдумывают, черт возьми... Вовсе нет ничего смешного.

Джерри опять отметил, что наиболее болезненное ощущение вызывает четвертый позвонок снизу, и дал больному блестящие наставления — те же самые, которые выполняла Джоан. Сразу же после первого сеанса лечения мистер Кокс почувствовал себя вполне

здоровым и, надев рубаху, отправился готовить жаркое. Джерри сразу понял, что это была конина, но тем не менее съел все до последней крошки.

— Милости просим и в другой раз, — весело сказал мистер Кокс, когда Джерри выходил на улицу. — И помните, сэр, что теперь каждый должен по крайней мере улыбаться.

Что правда, то правда: улыбка прилипчива. На устах Джерри витала легкая тень улыбки, и он снова начал верить, что находится в стране великих возможностей.

Пятая авеню спускалась в Гарлем, как сточная канава. Джерри тихонько побрел по этой всемирно известной улице в направлении к ее началу. Он словно попал в самую гущу великой беззаботности, где никто не печалился ни о вчерашнем, ни о завтрашнем дне. Несколько нищих попросили у Джерри монетку. Это показывало, что его внешний вид еще внушал известное уважение и создавал твердое положение в обществе. Нищее и оборванное окружение заставило его позабыть о собственных невзгодах. Он знал, что у жителей здешних мест не было недостатка в голоде — и все же они улыбались. Они уважали общественное мнение. Их черный смех был частью общественного мнения.

Джерри Финн опустился теперь на октаву ниже вчерашнего. Одинокий, бездомный, без гроша в кармане. Но пока он еще не замечал опасности падения. Ноги шагали легко, и сытый желудок направлял мысли на поиски новых возможностей.

Монотонные ряды домов вдруг прервались широким сквером. Джерри замедлил шаги и огляделся. Сотни босоногих негритянских детей топтали просторную пыльную площадку. Во всем безотрадном пейзаже не было ни одного светлого пятна, кроме сверкающих детских зубов да поблескивающих белков глаз. По краям площадки виднелись маленькие полоски пыльной зелени, на которых росли каштаны и вязы, низенькие тиссы и кусты бузины. Черный сад Гарлема назывался Парком поцелуев. На его прозаических скамейках начинались многие поэтические романы негритянского квартала. В сумерках

прохожий мог увидать здесь прекрасное вступление к браку: девушку и юношу, чьи черные лица сливаются друг с другом и растворяются в чернильно-черной ночи. Днем прохожий останавливался, чтобы поглядеть финал пьесы: стаи детворы, молодое поколение народа, уходившего корнями в далекую Африку.

Джерри расстался с улицей и свернул в сквер. Выгоревшая трава доживала свой век под целым слоем консервных банок, бумажек, бутылок и тряпья. Справа была небольшая скала, на покатом боку которой сидело несколько черных матерей с грудными детьми на руках. Джерри медленно прошел мимо них, отвечая на веселые приветствия. Вдруг он увидел белого человека, сидевшего на уединенной скамье. Джерри хотел было незаметно пройти мимо, но незнакомец поднял очки и весело сказал:

— Хорошее утро, сэр.

— Великолепное.

— А ведь скоро уже октябрь.

— Не говорите!

Незнакомец подвинулся на конец скамейки, освободив место для Джерри. Джерри сел и только теперь заметил, что в руке у незнакомца была книга, нужную страницу которой он держал пальцем вместо закладки. Джерри взглянул украдкой на обложку книги и вздрогнул от неожиданности: «Die Welt als Wille und Vorstellung» — «Мир, как воля и представление» Артура Шопенгауэра — здесь, в нищем царстве черных!

— Простите, уважаемый сэр, — спросил Джерри несмело, — вы читаете Шопенгауэра в подлиннике?

Незнакомец снова поднял выпуклые очки, проехал пятерней по огромной, нечесаной, дикой заросли волос и ответил со сдержанной усмешкой:

— В подлиннике он доставляет мне большее удовольствие.

— Ну разумеется, — согласился Джерри. — Но вы редкий американец, если вы умеете читать еще на каком-то языке, кроме английского.

Незнакомец рассмеялся, суховато, но все-таки рассмеялся:

— Я американский немец во втором поколении. Мои родители приехали сюда из Германии сорок четыре года назад. Я родился в Бостоне.

Джерри не имел природной склонности к математике, но все-таки он быстро решил арифметическую задачу. Его собесед-

нику не было, следовательно, еще и сорока четырех лет, хотя он казался на первый взгляд почти стариком. Волосы его были сплошь седые, а под глазами висели забавные кожаные кошелечки. По рукам незнакомца легко можно было заметить, что он никогда не работал в шахтах или на ферме.

— Судя по вашему произношению, вы не коренной житель Нью-Йорка, — проговорил незнакомец.

— Да, вы правы, — ответил Джерри. — Я в Америке всего лишь два месяца. Приехал сюда из Финляндии.

— Ах, вы из Финляндии! — весело воскликнул незнакомец. — Четырехмиллионное население, более шестидесяти тысяч озер, столица Хельсинки и президент республики Паа-паа-пасси...

— Паасикиви, — подсказал Джерри.

— Совершенно верно.

— Вы бывали в Финляндии? — полюбопытствовал Джерри.

— К сожалению, нет. Но я очень люблю географию. Меня зовут Борис Минвеген.

— А меня — Джерри Финн.

— Финн. Очень распространенная фамилия в Шотландии. Приятно познакомиться с вами, мистер Финн. Кстати, каково ваше занятие?

— В данный момент я безработный...

— И я тоже. Вот уже скоро десять месяцев гуляю без дела. Да, как раз со времени моего развода с женой. А вы женаты? Простите, что я задаю такой интимный вопрос.

— Да что вы, что за церемонии, мистер Минвеген! Я женат, но мы с женою живем врозь... Со вчерашнего дня...

Мистер Минвеген нисколько не удивился тому, что Джерри так недавно расстался с женой. Он лишь одобрительно кивнул, начал листать свою книгу, а потом сказал, как бы себе самому:

— Причина была во мне. Только во мне. Я обманул свою жену... Я оказался очень плохим психологом. Моим уязвимым местом всегда было плохое знание людей. А женщин я совершенно не понимаю.

Мистер Минвеген выдержал короткую паузу, после чего задумчиво продолжал:

— Мы были знакомы дня два, когда поженились. У моей жены это был третий, а у меня — первый брак. Она довольно красивая женщина, увлекалась живописью, немного музыкой, литературой и, насколько мне помнится, балетом. Ее прежние мужья погибли при несчастных случаях...

Джерри вздрогнул и спросил:

— Как ее имя?

Мистер Минвеген бросил на Джерри удивленный взгляд и ответил:

— Анни.

Невольный вздох облегчения вырвался у Джерри, и он сказал, чувствуя некоторую неловкость:

— Простите мой глупый вопрос. Я перебил вас...

— Ничего, что вы. Да, я был очень плохим психологом. Я не понимал по-настоящему своей жены. И, когда впоследствии мой обман обнаружился, она потребовала развода.

— Значит, у вас была другая женщина? — брякнул Джерри неделикатно.

— Нет, дорогой мой! Ничего подобного... Да это вовсе и не было бы никаким обманом: по нынешнему времени это такие пустяки... Мое преступление гораздо серьезнее. При нашем знакомстве я убедил Анни в том, что я каменщик. Вы же знаете, мистер Финн, как высоко оплачивается работа каменщика. Но Анни начала подозревать меня, поскольку мои недельные заработки были очень малы. Она наняла частного сыщика, который выследил, чем я занимаюсь, — и вот меня разоблачили. Поскольку я вовсе не был высокооплачиваемым каменщиком, суд сразу же утвердил развод. Да, я действительно был очень плохим психологом и плохо знал людей.

Мистер Минвеген снова начал листать свою книгу.

— Простите, мистер Минвеген, — сказал Джерри немного погодя. — Мне любопытно было бы узнать вашу настоящую профессию.

Мистер Минвеген поднял глаза и сказал чистосердечно:

— Я профессор университета.

— А что у вас за специальность? — спросил Джерри в некотором замешательстве.

— Психология. Но, несмотря на это, я оказался плохим знатоком людей. Меня сразу же уволили со службы за аморальность.

Снова возникла длительная пауза. Наконец Джерри нарушил молчание:

— Я тоже не хочу обвинять мою жену. Я тоже плохо знал людей. Часто я думал, что жена моя лишь какое-то редкое исключение, но теперь мне кажется, что и ваша жена точно такая же...Странно.

— Ничего странного в этом нет, — добродушно рассмеялся мистер Минвеген. — Таких исключений на свете имеется не один миллион. Разумнее всего, конечно, остерегаться их. Или же пойти в каменщики.

— Неужели вы не могли бы устроиться преподавателем в другой университет? — спросил Джерри.

— Не думаю. Университеты существуют главным образом на средства частных пожертвователей, и если нет связей с этими меценатами — значит, пути закрыты. А тем более, когда на тебе такое несмываемое пятно: грубый обман. Однако я не огорчаюсь, так как пять месяцев назад я сделался «хобо» и с тех пор веду жизнь, полную разнообразия...

Мистер Минвеген прервал свой рассказ и повернул голову в сторону улицы, где в это время как раз против сквера остановился радиоавтобус. Через несколько мгновений Гарлем узнал, что Гарри Трумэн был единодушно избран Первым улыбающимся Соединенных Штатов и что все сорок восемь штатов послали многочисленные представительства на выборы Национальной королевы улыбки. Диктор радиоавтобуса закончил это сообщение торжественным воззванием:

Каждый гражданин помнит о своем великом долге — улыбаться во время Национальной недели смеха. Улыбка ничего не стоит, но она оплачивается. Взгляните на портреты наших общественных деятелей: все они улыбаются или смеются. Почему? Потому что они не боятся обнажить свои зубы, сверкающая белизна которых достигнута благодаря зубной пасте «Хлорофилл». Улыбайтесь и смейтесь! Улыбайтесь всемирно известной «Хлорофилловой» улыбкой!..

Мистер Минвеген сдержанно рассмеялся, но Джерри был не в силах даже улыбнуться.

— В этой стране всегда что-нибудь проводится, — проговорил мистер Минвеген задумчиво. — Порою кажется, что люди живут исключительно ради проведения чего-то. Что проводить — это уж не так важно. Лишь бы проводить. Проведение различных месяцев, недель, дней теперь уже глубоко укоренилось в нашей национальной жизни. Проводятся месяцы безопасности

и самообороны; недели шелка, хлопка или шерсти; дни консервов, автопокрышек, нефтепродуктов, помощи Пакистану, стиральных машин и даже дни «ешь больше мороженого и сыра». Короче говоря, все месяцы, недели и дни отведены для прославления различных событий, товаров и выдающихся личностей. Поэтому люди вечно так спешат. И за всей этой суетой — хитроумный механизм коммерции: продать как можно больше и увеличить долговое бремя на плечах людей, потому что все покупают в долг. К тому же во время всех этих кампаний от двери к двери ходят сборщики пожертвований — каждый из них собирает на какое-нибудь доброе дело.

Тут, легкая на помине, появилась негритянская девочка с подписным листом. Сначала она протянула листок Джерри (вероятно, потому, что его костюм выглядел лучше и внушал больше почтения, чем изрядно потертый костюм мистера Минвегена) и с улыбкой произнесла:

— Сбор средств по случаю Национальной недели смеха, сэр.

— В пользу кого? — спросил Джерри.

— В пользу бездомных негритянских детей.

— Ничем не могу помочь, милая барышня...

Тогда маленькая мисс предъявила свой листок на другом конце скамейки. Но мистер Минвеген сказал тоном выговора:

— Разве в вашем комитете тебе не говорили, что ты не должна просить у белых?

— Конечно, конечно, говорили. Но я подумала, что вы тоже жители Гарлема. Простите, сэр. Пожалуйста, не говорите никому об этом, сэр.

Девочка оставила в покое сидевших на скамейке и подошла к скале, на которой собралась большая группа чернокожих мужчин и женщин, наслаждавшихся ласковым солнечным днем, возможно, последним в этом году. Джерри проводил девочку взглядом, и в мозгу его стали рисоваться сюрреалистические образы.

— Вы очень серьезны, мистер Финн, — сказал его сосед. — Национальная неделя смеха — это вообще неплохая выдумка, если бы сюда не примешивалось так много зубной пасты, искусственных зубов и спиртных напитков. Кстати, темой моей докторской диссертации был смех и его причины. По этому вопросу я опубликовал полдюжины трудов.

— Это должно быть интересно, — заметил Джерри.

Правда, он сказал это лишь из вежливости, но мистер Минвеген, который по собственному признанию, делал время от времени психологические ошибки, принял восклицание Джерри за чистую монету. Джерри был наказан за свою вежливость, так как профессор психологии отложил теперь своего карман-

ного Шопенгауэра на скамейку, рядом с собою, скрестил руки на груди, устремил взгляд на верхушку ближайшего вяза и начал неторопливо читать лекцию:

— Дорогой мой друг! Вы, несомненно, знаете, что наш смех — как ваш, так и мой, как смех мэра города Нью-Йорка, так и смех изображаемых на мыле и сигаретах кинозвезд, — всегда является отражением определенной душевной деятельности. Смех имеет важное биологическое значение. В силу этого человек может смеяться в каком угодно состоянии духа: ненависть, ревность, голод, возбуждение, огорчение, беспомощность, любовь и даже глубокое отчаяние могут порождать смех. Наиболее сердечный и подлинный смех — это, разумеется, смех злорадный. Легко убедиться в этом можно в цирке, когда воздушный гимнаст срывается с трапеции и ломает себе шею. Люди при этом смеются. Отсюда и происходит, между прочим, известная поговорка, что цирк — первый соперник нашего конгресса.

Итак, биологически значение смеха состоит в освобождении психики от внутренней напряженности, от состояния торможения. Каждый нормальный человек смеется и в смехе обнажает свое внутреннее «я», а также, конечно, и свои зубы. Особенно в тех случаях, когда последние ровны, без дефектов и во всех отношениях приличны. Людей, по их смеху, можно разделить на несколько категорий. Встречаются некоторые типы, как Мона Лиза, которые смеются одними губами. Другие же смеются глазами, щеками, мышцами носа и плечами. Некоторые смеются во все горло, так, что мускулы груди и живота приходят в движение и ноги стучат об пол. Психология смеха может обнажить человека, раскрыть его хорошие и дурные стороны. Смейся, говорят психологи, и я скажу тебе, кто ты.

Над чем же мы смеемся? Поводом для смеха может служить все. Но именно этим самым — где и над чем человек смеется — он и обнажает себя. И пессимисты тоже смеются, ибо, по их мнению, жизнь — это лишь смешная лотерея. К современному стилю жизни относится привычка смеяться при любых обстоятельствах. Когда священник, отпевая покойника, говорит разные небылицы, слушатели, конечно, смеются. Если родственники или друзья покойного — люди среднего достатка, они смеются весело, или scherzo, но если они хоть немного выше обычного среднего уровня, их смех превращается в чувствительное улыбчатое мурлыкание, или adagio con sentimento.

Мелкие несчастья бывают отличным поводом для смеха. Если преступного негритянского парня вешают общими силами на фонарный столб или если у какой-нибудь переходящей улицу женщины отстегнутся резинки и чулок съедет, закрутившись вокруг ноги, тогда можно наблюдать, как смешливые люди — между прочим,

моя жена тоже относилась к их числу — смеются: «хи-хи-хи-хи». Такую манеру смеха современная наука называет беглым хроматическим смехом, или passagio chromatico. Шумливый тип — как, например, сенатор Маккарти и миллионы американских школьников — смеется так, что при этом его голос звучит очень широко: «Хах-хах-хах-хах!» Это так называемые громкие хохотуны, смех которых мы, ученые, называем fortissimo vivacissimo. Злорадный человек — иначе говоря, большинство людей — смеется злобно: «хе-хе-хе», явно испытывая удовольствие оттого, что жертва, или объект несчастья, получает то, что ей положено: суд Линча или что-нибудь в этом роде.

Мистер Минвеген сделал короткую паузу, достал из кармана курительную бумагу и щепотку рассыпанного табаку, мастерски свернул самокрутку и закурил.

— Простите мою бесцеремонность, — робко сказал Джерри, — но не можете ли вы сделать сигаретку и мне?

— С удовольствием, дорогой друг, — ответил пионер современной науки о смехе.

Он наскреб со дна кармана еще щепоть табаку, в котором были хлебные крошки, шерстяные ворсинки и обрывки ниток, и уложив эту смесь на бумажку, одним ловким движением свернул аккуратную сигаретку.

— Могу я побеспокоить вас, мистер Финн? Извольте слегка лизнуть краешек. Вот так.

Джерри лизнул и получил сигаретку. Она имела странный сладковатый привкус и пахла бедностью. Это была сигарета бедняка, скромная самоделка, за которую не надо было платить ни налога на готовые изделия, ни рекламных издержек.

— Как вам нравится? — осведомился психолог.

— Отличная сигарета...

— А аромат?

— Чудесный...

Джерри снова сказал это из вежливости. Сигарета сильно отдавала трущобной сыростью, но тем не менее он делал вид, что курит с наслаждением.

— Если желаете, я сделаю вам и вторую, — сердечно сказал мистер Минвеген, доставая из кармана пачку грязной курительной бумаги.

— Спасибо, одной вполне достаточно, — отказался Джерри, не желая окончательно разорять ближнего своего.

— Вас, очевидно, интересует психология? — заметил мистер Минвеген немного погодя.

— Конечно, и особенно область ваших исследований, — ответил Джерри.

— Стало быть, психология смеха?

— Вот именно, сэр.

— Превосходно! В таком случае я могу продолжить. Современная психология сосредоточила внимание на изучении внешних, поверхностных проявлений жизни. Это и естественно — вся наша жизнь так поверхностна! Что же касается моей специальной области, то она может иногда невзначай вторгаться гораздо глубже. Истоки смеха, видите ли, зачастую находятся очень глубоко, иногда даже в желудке. Психология смеха научно классифицирует смеющихся людей. Основную группу составляют форте- и пиано-смеющиеся со всеми их промежуточными градациями. Кроме того, мы выделяем престо-, граве-, легато-, стаккато-, маэстозо- и каприччиозо-смеющихся. Я называю лишь некоторые основные категории. И каждая из них образует свою самостоятельную группу в громадном смехо-хоре нашей великой демократии. То, что у одного человека вызывает слезы, другого может смешить. Как я уже сказал, причина смеха обнаруживает уровень развития человека. Одни смеются тогда, когда у них щекочут под мышками, другие же — когда видят кровь и убийство. Американцы очень легко, от души смеются над немецкой воинственностью, когда немцы сидят в лагере военнопленных. Но если они снова окажутся на фронте противниками немцев — тогда они будут смеяться над самими собой, чтобы в смехе почерпнуть силу и храбрость.

Итак, стало быть, у каждого человека имеется свой характерный смех. Это заметно лучше всего тогда, когда этот смех вовсе не соответствует обстоятельствам.

Общительный, открытый тип смеется естественно, свободно и честно, тогда как замкнутый посмеивается про себя и как бы внутрь себя. Особую группу составляют люди, которые умеют и осмеливаются также смеяться над самими собой. К этой категории относятся многие большие писатели, философы и художники. Их смех раскрывает очень многое — вечный комизм всемирного цирка. Мне думается, мистер Финн, что и вы принадлежите к этой, последней категории.

Джерри вздрогнул от неожиданности.

— Кто знает, — сказал он уклончиво. — Хотя в настоящий момент у меня нет ни малейшего желания смеяться. Я еще не рассказал вам, что у меня сегодня ночью украли чемодан и все деньги?

Мистер Минвеген рассмеялся от всего сердца.

— Вы счастливчик! У меня вот уже десять месяцев абсолютно нечего красть. Кстати, кто вы по специальности?

— Учитель, — ответил Джерри стыдливо. — И журналист. И еще помощник хиропрактика...

Теперь психолог сделался серьезным, ибо он втайне надеялся, что Джерри может оказаться каменщиком или по крайней мере плотником. Мистер Минвеген подумал о будущем, которое ждет его собеседника.

— Мистер Финн, а нет ли у вас еще каких-нибудь других специальностей?

— К сожалению, нет, — ответил Джерри печально.

— Может быть, вы играете на каком-нибудь инструменте?

— Нет.

— Может быть, умеете танцевать модные танцы, свистеть, боксировать или играть в футбол?

— Нет...

— А петь, ходить на руках, делать фальшивые деньги, чревовещать или плясать на проволоке?

— Нет, нет...

Мистер Минвеген грустно покачал головой.

— Тогда у вас нет иного выхода, как спуститься в шахту или сделаться «хобо». Если вы пойдете на шахту — всегда будут только две возможности: или снова стать безработным, или погибнуть при несчастном случае. Если же вы сделаетесь «хобо» — перед вами откроются десятки возможностей.

Мистер Минвеген ждал ответа Джерри, но наш герой устремил свой отсутствующий взгляд в беспредельную даль.

— Я уже ни во что теперь не верю, — наконец ответил он мрачно.

— Ну вот еще! — воскликнул психолог. — Вы только стали критичны. А верят все. Каждый человек верит. Даже скептики. Миллионы людей верят, что земля круглая, потому что им когда-то случилось увидать глобус. Американские «хобо» верят в преимущество

вечного странствования, потому что дорога всегда куда-нибудь да выведет. Каждый американец верит, что умрет миллионером, и поэтому живет улыбаясь, участвует в общественных мероприятиях и выполняет свои гражданские обязанности. Каждый имеет право принимать участие в чем-нибудь. Правда, в общей массе есть очень много людей, у которых осталось лишь право участвовать в собственных похоронах, но и это вовсе не снимает моего утверждения, что мы живем силой веры.

Джерри вздохнул. Ему недостаточно было веры. Ему нужна была уверенность, хоть немного уверенности. Он всегда старался быть верным своим мечтам, но они все же обманывали его. Мистер Минвеген рисовал перед ним увлекательную перспективу бродяжничества и говорил о мечте, воплощенной в действительность.

— Америка во многих отношениях является страной идущих впереди, — говорил психолог. — Нигде в мире вы не найдете так хорошо организованных бродяг, как у нас. Американские «хобо» никогда не бывают бездомными, потому что они всегда находятся в пути. Это не пустая теория, мистер Финн, у меня десятимесячный опыт.

Солнце протягивало к сидящим на скамейке свои лучи. Ночная роса тончайшим паром поднялась в воздух. Немного погодя жара стала гнетущей. Мистер Минвеген длинными тонкими пальцами психолога проборороздил пышную ниву своих волос и сказал:

— Теперь самое разумное перейти в тень. Кстати, что вы собираетесь делать сегодня?

Джерри беспомощно пожал плечами.

— Ничего не приходит в голову. Вероятно, надо искать какуюнибудь работу.

— В Гарлеме возможности чрезвычайно ограниченны. А есть у вас постоянное жилище — я имею в виду ночлег, место, где можно спать, протянув ноги?

— Нет... пока что нет...

— В таком случае я могу вам помочь.

— Вы очень добры, мистер Минвеген.

— Ну, что вы! Хотите, я сверну вам еще сигарету?

— Спасибо, с удовольствием.

— Это неплохой табак. Мне дал его вчера Писатель. Он курит только этот сорт. Извольте лизнуть! Получайте! А вот вам огоньку.

— Премного благодарен. Кто такой Писатель?

— Один мой друг. Вы сегодня же с ним познакомитесь. Пошли?

— Я буду очень рад.

— Кстати, меня зовут Бобо.

— А меня — Джерри.

— О'кэй, Джерри. Ты что-нибудь ел сегодня?

— О да! По дороге сюда я побывал в «Кафе Джо».

— А я еще росинки в рот не брал. Если у тебя нет возражений, заглянем по пути в «Оазис»?

— Отлично, меня это устраивает.

Неторопливыми шагами они пошли вдоль Пятой авеню. У Сто шестнадцатой улицы Бобо повел товарища в какой-то лабиринт черных дворов, из глубины которых доносилось зловоние.

— Это место называют «Оазисом», — заметил Бобо. — Сюда пускают только белых. Владелец дома ненавидит цветных.

В «Оазисе» стояло с десяток железных бочек, в метр высоты каждая, куда жильцы дома сваливали объедки. Бобо и Джерри явились слишком поздно, потому что ранние пташки — бродяги — уже унесли лучшие куски. Какой-то шустрый старичок накладывал в свою большую матерчатую котомку калории, оставленные другими клиентами «Оазиса».

— Хэлло, доброе утро, Дипси! — воскликнул Бобо. — Ты когда приехал в Нью-Йорк?

Оторвавшись от своего занятия, старичок ответил:

— Вчера. Из Бостона ехал бесплатно на машине.

— Этого братишку зовут Джерри, — радостно сказал Бобо. — Он только что прибыл из Европы.

Седобородый Дипси поглядел на Джерри и проговорил:

— Прямо из Европы!.. Ну, скажи пожалуйста! Я родился в Европе. В Милане.

Джерри кивнул головой, бросив беглый взгляд на чрезвычайно потертую одежонку старика, первоначальный цвет которой угадать было невозможно.

— Я слышал, в Европе теперь страшная нищета, — сказал Дипси.

— Да, может быть... После войны все время чего-нибудь не хватает...

— Рассказывают, что там миллионы людей до сих пор умирают от голода.

— Возможно. Мне не приходилось слышать...

— Мрут, мрут — это точно. Я слежу за газетами. Тебе повезло, что ты оттуда выбрался. Хотя и у нас теперь тоже не очень хорошо стало. Вот — из десяти бочек не наберешь порядочного завтрака. Это все оттого, видишь ли, что мы помогаем так много другим странам.

Джерри отвечал с улыбкой:

— Да, конечно. Именно поэтому. Совершенно верно...

Дипси вытащил из бочки пожелтевший листик сельдерея, сунул его в котомку и вздохнул:

— Бедная Европа...

Затем, поглядев на Бобо, сказал:

— В понедельник беру курс на Чикаго.

— Ты думаешь, там лучше, чем здесь? — спросил Бобо.

— Наверняка. Там-то, конечно, есть возможности.

Дипси завязал свою котомку и уступил Бобо место у бочки.

— Может, еще встретимся, — весело сказал старик и пошел со двора.

Джерри инстинктивно отшатнулся, пытаясь укрыться от целой тучи агрессивно настроенных мух. Когда профессор психологии закончил свой завтрак, они покинули «Оазис» и зашагали в направлении Радио Сити. Постепенно улицы становились чище, а движение — оживленнее. Вдали виднелись вершины величайших в мире небоскребов. У Джерри в ушах еще отдавался черный смех Гарлема. Внезапно грудь его стеснило, и он почувствовал, что скучает о жене. Как-то Джоан теперь сумеет обойтись без него? Кто приготовит ей завтрак и позаботится о ее четвертом позвонке? Кто поцелует ее красные губки и будет слушать ее милое щебетанье? Так или иначе, Джоан была очаровательна. Она могла целыми днями жить без пищи и целыми годами — без мыслей. Если бы она говорила только то, что думает, она почти всегда молчала бы.

Бобо показывал товарищу достопримечательности Пятой авеню. Чем ближе становился деловой центр, тем выше поднималась стоимость жизни. Даже по ярлычкам цен на витринах прохожие видели, что жизнь стоила того, чтобы жить. Национальная неделя

смеха подняла цены до уровня небоскребов. Единственное, что еще опускалось, — это плотная пыль.

Джерри казалось, что он поднимается в гору, и у него даже появились симптомы горной болезни. Бобо то и дело хватал его под руку, не давая ему попасть под машину или потеряться в человеческой сутолоке. Артерия большого города пульсировала беспокойно и лихорадочно. Все спешили убежать от спешки. Доллар работал неустанно. А газетчики раскуривали каждый скандал с обоих концов.

Пятая авеню — скользкая дорога осуществленных и разбитых мечтаний, небесная тропа торговли и рекламы, спускающаяся в черный Гарлем.

Автомобили, автомобили, автомобили.

— Куда мы идем? — спросил Джерри товарища, который уже заразился вирусом спешки. — У меня болят ноги. Они, как глаза Греты Гарбо: такие же усталые и влажные.

— Зайдем в какой-нибудь кинотеатр, отдохнем, — предложил Бобо.

— У меня нет денег.

— И у меня тоже.

Они продолжали свой кросс. Огромная шевелюра Бобо развевалась, а заплата на его штанах, трепещущая, точно клапан кузнечного меха, подмигивала Джерри, как веселый огонь маяка.

— Я не выдержу такой скорости, — воскликнул наконец Джерри.

Бобо замедлил шаги и посмотрел на запыхавшегося товарища.

— Скоро мы будем на месте, — спокойно сказал он. — Тут близко: еще каких-нибудь два блошиных скачка.

Бобо остановился у шикарного кинотеатра и вежливым жестом пригласил:

— Входите, пожалуйста.

Дверь автоматически отворилась, и друзья вошли в просторное фойе, где у стен стояли удобные мягкие диваны.

— Отдохнем минуточку здесь и пойдем дальше, — беспечно сказал Бобо, бросаясь на диван.

Джерри последовал его примеру и закрыл на мгновение глаза. Ему показалось, что он куда-то проваливается, но тут Бобо толкнул его легонько в бок и весело сказал:

— Ну-ка, лизни!

По лицу Джерри расползлась блаженная улыбка. Он лизнул склейку самокрутки и радостно воскликнул:

— Какой аромат!

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

в которой Джерри попадает в интеллигентное общество и ему выделяют собственную постель

Несколько лет назад в Хантерском университете был профессор литературоведения Уолтер Эрвин Пекк, большой слабостью которого было писать стихи и помогать бедным писателям. Он опубликовал поэму «Озимандиада», в награду за которую ему достались десять долларов и прозвище «Американский Шелли». Уолтер Эрвин Пекк стремился ввысь, к неземным высотам, но в конце концов незаметно опустился вниз. Рюмка за рюмкой. Университет был источником знаний, у которого жаждущие учились пить. Американский Шелли потерял свою кафедру и пробудился к действительности в Бауэри. Те, кто любил его, дали ему новое прозвище: «Бродяга из Бауэри».

В те времена, когда мир завоевывали короткие юбки и стрижка «под мальчика», Максуэлл Боденхейм занимал господствующее положение в литературной жизни благодаря своим заумным стихам и обличительным романам. Ему присудили большую литературную премию и прозвали американским Золя. Он тоже стремился к неописуемым высотам, а оказался в самом низу. Рюмка за рюмкой. Он пел в сточных канавах на улицах Гринвич Вилэджа о нетленности жизни и просил на водку у милосердных людей, нося на рукаве желтую повязку: «Я слепой». Из артистической трущобы Гринвич Вилэдж он переселился в трущобу Бауэри. Те, кто его любил, дали ему прозвище «Писатель».

Выдающийся характерный актер немого кино Джон Фицджеральд был мастером мимики, у которого малейший трепет мускулов лица говорил больше, чем длинная реплика. В двадцать пятом году ему дали прозвище: «Человек, у которого тысяча лиц». Он стремился ввысь, но нечаянно сорвался вниз. Его слабый, немного сипловатый голос плохо ложился на пленку. И началось падение. Рюмка за рюмкой. Он вернулся из Голливуда в родной город Нью-Йорк, заблудился в артистических трущобах Гринвич Вилэджа, а отсюда в один прекрасный день переехал в Бауэри, где познакомился с Бродягой и Писателем. Те, кто любил его, дали ему прозвище «Змея».

Американский немец Борис Минвеген тридцати пяти лет стал профессором психологии в К-ском университете. За серебристо-

седую шевелюру он получил прозвище «Серебряная Голова». У него была слабость — брать пример с выдающихся фигур общественной жизни: конгрессменов, сенаторов, кинозвезд. Его изречение: «И животные тоже смеются, поскольку человек постоянно дает им для этого повод» — привлекло большое внимание в сорок девятом году, и он попал в черные списки. Через год он опубликовал в психологическом журнале статью, в которой полемизировал с известными биологами, сказав между прочим: «Формулировка биологов: «человек и стоящие ниже его животные» — не объективна, поскольку классификацию производил человек». За эту статью его из черного списка перевели в список подлежащих увольнению с волчьим билетом. Десять месяцев назад обнаружилось, что он чудовищно обманул свою жену, выдав себя за высокооплачиваемого каменщика. За такой аморальный поступок его тотчас уволили как человека, недостойного быть воспитателем юношества, и он начал шаг за шагом спускаться по наклонной плоскости. Алкоголь не сыграл никакой роли в том, что он докатился до трущобы Бауэри, где случайно познакомился с жителями подвала двухэтажной деревянной халупы — Бродягой, Писателем и Змеей, которые приютили его и дали возможность ночевать лежа. Те, кто любил его, дали ему прозвище «Бобо».

* * *

Джек Лондон создал когда-то образ лондонского Ист-Энда. Если бы он пожил года два в нью-йоркском Бауэри, он не поехал бы в Лондон искать материал.

Бауэри — величайшая в мире трущоба!

Последние лучи заходящего солнца еще отражались в тихо струящейся воде реки Гарлем. Воздух внезапно стал холодным. Зябкие старики, сидевшие в переулках, искали убежища под крышей. Но ребятишки продолжали свою беспечную возню на черных дворах и на берегу. Тихий прибой Национальной недели смеха немного стыдливо ударялся о берега Бауэри. С реки поднимался запах ила, гнилых водорослей и сточных вод. Несколько удильщиков сидели на лодочной пристани, поджидая, не клюнет ли рыбешка. Какой-то молодой человек, вернувшийся к естественной бедности, сидел на перевернутом ящике, пристально глядя на бегущую воду. Время от времени он наклонялся над записной книжкой и пытался заставить жизнь течь по бумаге. Он бежал от действительности в обманчивый мир поэзии.

Полицейская радиофицированная машина крейсировала по узеньким переулочкам и призывала жителей трущобы уважать законность. Затем она направилась к площади Ривер Авеню, где местный комитет содействия Национальной неделе смеха бесплатно

раздавал сосиски с булочками. Благородным делом руководил пожилой католический священник, ему ассистировали четыре молоденькие монахини. Какой-то коренастый детина не захотел стоять в очереди, протискался прямо к котлу, из которого шел ароматный пар сосисок, и крикнул священнику:

— Эй, приятель! Мне надо поскорей. У меня жена при смерти.

В очереди послышались недовольные возгласы.

— А ты к нам в церковь ходишь? — спросил священник, запихивая разваренную сосиску в зияющий разрез булочки.

— Сейчас нет, но вообще когда-то я, конечно, ходил. Моя жена и сейчас, наверно, ходит.

— А молитву «Отче наш» знаешь? — осведомился ревностный брат во Христе.

Детина почесал давно не бритый подбородок и сказал:

— Я ее позабыл, но жена наверняка знает.

Священник, все еще не отдавая булочку с сосиской, сказал отеческим тоном:

— Если ты повторишь теперь за мною «Отче наш», я дам еду тебе и больной жене твоей. Ну, говори: «Отче наш»...

Детина ошарашенно посмотрел на священника:

— Это означает то же самое, что «наш отец»?

— Да, конечно...

— То есть мой и твой? Наш общий отец?

— Именно так. Наш отец.

Щетинистый подбородок верзилы весело затрясся.

Парень оглянулся на своих соседей по очереди, подмигнул кротко улыбающимся монахиням и наконец, поглядев опять на доброго священника, воскликнул в совершенном восторге:

— Черт побери! Так мы же с тобой, выходит, братья!

Он выхватил у священника булку и весело зашагал к реке, где вечернее солнце гасило в воде свои последние замирающие отблески.

Над Бауэри, как черное покрывало, опустился вечер. По узким закоулкам брели, пошатываясь, пьяные, стремясь уйти подальше от действительности в мир воображения и иллюзий. Откуда-то доносился отчаянный плач ребенка и вопли женщины, за счет которой натерпевшийся унижений глава семьи пытался повысить свой авторитет.

Далеко в небе пламенели огни Бродвея и Радио Сити.

* * *

Писатель затопил чугунную печурку, которую интеллигентное общество подвала называло Жадным Попом, и засвидетельствовал, что обществу необходимо срочно раздобыть уголь. Бродяга ничего не сказал на это, а Змея прошипел:

— Лучше переселиться в другое место.

Они жили в доме, который не принадлежал никому. Он даже не значился на планах Бауэри. Его хозяин был типичным босяком, о наследстве которого никогда не будут спорить. Он гордо носил прозвище «Ангел», пока наконец не переселился к ангелам восемь лет назад. Впоследствии его домом завладели другие босяки. Жильцы приходили и уходили, героически воевали с клопами, тараканами и крысами и оставляли отпечаток своей индивидуальности на кухне и на стенах имевшейся против дома уборной.

Подвальное помещение с самого начала было отведено под мастерскую по ремонту обуви. Но так как для работы комната оказалась слишком холодной, то ее использовали под жилье. Змея нашел ее совершенно случайно в прошлом году, и с тех пор она дала приют бывшему профессору, бывшему писателю и бывшей кинозвезде. Полгода назад интеллигентное общество пополнилось Борисом Минвегеном, так что для пополнения мебели пришлось раздобыть несколько пустых упаковочных ящиков, дополнительно к имевшимся ранее.

Комната не была похожа на те красивые жилища «средних американцев», цветные фотографии которых помещали журналы. Это было обычное жилище в Бауэри, отапливаемое чугунной печуркой. Железная дымовая труба была выведена наружу сквозь стену, а в качестве склада угля служил ящик для перевозки пианино, притащенный откуда-то и установленный у самого входа. Жильцы не имели ни автомобиля, ни холодильника, ни телевизора, ни электрического утюга, ни облагаемых налогами доходов. Они не пользовались также кредитом или рассрочкой в магазинах Пятой авеню и не носили золотых искусственных зубов. Они не увеличивали национальный доход и не уменьшали безработицу. Кроме своих гражданских прав, они сообща имели один длинный стол, немножко постельного белья и сковороду, а каждый в отдельности — свои личные мнения, увлечения и мечты.

В комнате была жилая атмосфера. Бродяга перелистывал толстый журнал, найденный им где-то в мусорном ящике, Писатель разжигал печурку, а Змея сидел в своем углу и штопал носки. Из топки вырывалась едкая горечь антрацита и облака сажи. Три бежавшие от действительности человеческие души стремились укрыться каждая в своей оболочке. Наконец молчание нарушил Бродяга. Он нашел в журнале подходящую тему для разговора:

— Здесь интересная статистика, ребята. В Америке за истекший год было избрано более семнадцати тысяч королев красоты. Кто еще посмеет утверждать, что в наших жилах не течет голубая кровь?

Писатель презрительно усмехнулся, а Змея прошипел:

— Это значит, что миром правят женщины. Что думает Писатель по этому поводу?

Писатель, отойдя от печки, пересел на скрипучее плетеное кресло, вытер слезившиеся от дыма глаза и ответил тихим голосом:

— Я не вижу в этом ничего дурного. Это только указывает на тоску людей по прекрасному. Моя первая жена тоже была королевой красоты...

— И ты скрывал это от нас, — заметил Бродяга.

Змея состроил гримасу, и тут взоры друзей обратились к двери. Вошел Бобо в сопровождении Джерри и соответствующим образом представил его.

— Джерри только что прибыл из Европы, — заметил психолог, бросая на стол бумажный кулек, в котором находилось святое причастие для всего интеллигентного общества.

Писатель и Бродяга спешно стали исследовать содержимое кулька, но Змея не двинулся с места. Окинув Джерри подозрительным взглядом, он спросил немного насмешливо:

— Ты тоже из тех стипендиатов, что приезжают сюда пялить глаза на небоскребы и восхищаться парадностью актовых залов университетов?

— Джерри прибыл как переселенец, — ответил Бобо.
— И прямо в Бауэри? — засмеялся Змея.
— Не совсем прямо, — проговорил Джерри.
— Ты сносно говоришь по-английски. Где ты учился?
— В школе. И в Англии.
— Неужели ты англичанин?
— Нет, я финн...
— Трам-тарарам! Я знал в Голливуде одну финку: Марион Никсон.
— А я познакомился однажды с финским литератором, — сказал Писатель. — Я его встретил в Новой Англии. В кабаке, разумеется. Имя его было Конрад Лехтимяки. Но поскольку он не знал языка этой страны, то нам пришлось пить.
— Для чего же пить? — спросил Бобо.
— Это было единственное средство, чтобы оказаться на одном уровне. Некоторые имеют привычку жаловаться на несчастную семейную жизнь и пить с горя, другие пьют и без этого. Человек всегда стремится подняться повыше. И если алкоголь предлагает тебе лестницу на небо, почему не воспользоваться ею?
Писатель вопросительно посмотрел на Бобо и прошептал:
— Получил что-нибудь?
Бобо покачал головой.
— Не везет. Сколько я ни ходил с твоей желтой повязкой на рукаве, люди посылали мне только улыбки. В эту неделю нищих на улице поднимают насмех.
Бобо достал из кармана желтую повязку и отдал ее Писателю. Тот молча сел к столу и тихо начал жевать принесенные Бобо хлеб и копченую селедку, которые психолог достал у одного лавочника после долгих объяснений, оставив в залог свою авторучку. Другие тоже сели за стол с довольно грустными лицами. Змея, все еще косо поглядывая на нового жильца, спросил:

— Что ты собираешься делать на новой родине?
— Еще не знаю, — смиренно ответил Джерри. — Надо бы найти какую-нибудь работу.

— Джерри по профессии учитель, — заметил Бобо.

— Очень жаль! — воскликнул Бродяга.

Писатель сказал, внимательно вглядываясь в лицо Джерри и оценивая его довольно приличный внешний вид:

— Наша страна испытывает острую нужду в учителях. В настоящий момент требуются сто пятьдесят тысяч новых учителей Я верю, что у тебя имеются возможности.

Змея выразил свою мысль мимикой и словами:

— Исключительно большие возможности!

Джерри вздрогнул, и его лицо приняло натянутое выражение.

— Пусть тебя не смущают его слова, — сказал Бобо беспечно, похлопав Джерри по плечу. — Он ведь не назывался бы Змеей, если бы язык его не был так ядовит. А сейчас он просто зол, потому что на столе копченая селедка, которую он ненавидит. Пища вызывает у него слишком сильные эмоции. По аналогии чувств отвращение к селедке порождает у него тошнотворное ощущение...

— Ну, начинается очередная лекция! — перебил его Змея. — Немножко эстетики, немножко поэзии и немножко психологии — так и нищета покажется блаженством, и ад — раем.

— Ты прав, Джон, — сказал Бобо. — У горбатого — все горбатое. Но, по счастью, не все люди горбаты. Твоя злоба и горечь исходят от ощущения неполноценности. Ты ненавидишь звуковое кино, которое отняло у тебя хлеб, а теперь ты ненавидишь хлеб, который кто-то другой принес на стол. Ты видишь вокруг себя одну только нищету, и все равно ты испытываешь страстное желание убежать от нее. Твои мысли образуют нападающие и оборонительные механизмы. И все-таки ты мог бы спастись бегством.

— Куда?

— В мир воображения. Каждый человек, страдающий чувством неполноценности, создает себе новый мир, в котором нищета прекрасна и ад становится раем.

— Ты прав, Бобо, — сказал Писатель. — Я всегда был того мнения, что прекрасная иллюзия лучше жестокой действительности. Мечтатели всегда равноправны.

Змея рассмеялся леденящим хохотом.

— Равенство бывает только на кладбище — в стране умерших, или в саду тления, как выражаются поэты. Я прожил пятьдесят шесть лет и никогда еще не видел равенства между живыми. Вздор все это!

Бывший киноактер подкрепил свои слова и мимикой, и жестом. Затем он устремил свой впивающийся взгляд на Джерри, но тот молчал. Психолог продолжал свой процесс рассечения и анализа:

— Слушай, Джон. Мы знаем, что ты зол на все и вся, поскольку звуковое кино прекратило как твое, так и Джона Джильберта хоро-

шо обеспеченное существование. Ты и должен быть злым, ибо по учению о типах ты представляешь собою злонаправленный тип астеника. Мой учитель Юнг сразу же сказал бы, что ты интроверсивный тип, вечно недовольный существующими условиями и всегда готовый к нападению. Если я скажу, что эту неделю каждому американцу следует улыбаться, ты немедленно займешь противоположную позицию и начнешь отзываться презрительно об общественном мнении и о чувстве стадности. Если бы, допустим, завтра умер Бинг Кросби и Америка объявила национальный траур, ты первый наверняка весело засмеялся бы: мол, наконец-то прекратил свое мяуканье голливудский кот!

Бродяга и Писатель прыснули со смеху, а Змея стиснул зубы. Кожа вокруг его глаз стянулась тысячей мелких складочек, и он попытался перейти в контрнаступление:

— Я ни одного дня не занимался психологией. Я боюсь книг, потому что тысячи людей заучились до глупости. Единственная книжка, которая доставляла мне удовольствие, была чековая книжка, но ее я не держал в руках уже одиннадцать лет. Хотя я и не набрался книжной мудрости, осмелюсь, однако, утверждать, что Национальная неделя смеха — это ловкий рекламный трюк торговых палат и коммерческих предприятий нашей страны, придуманный для того, чтобы драть деньги с бедняков да и порастрясти банковские счета богатых. Я не имею ни малейшей причины для смеха. Если же какой-нибудь парень, поющий песенки, отправится на тот свет, не стоит проливать слезы, потому что через минуту на его могиле будут плясать два миллиона таких же парней, поющих песенки. Ты совершенно напрасно стараешься втиснуть меня в рамки какого-то типа. Я всего лишь обыкновенный безработный актер, который пытается найти выход из трудных обстоятельств жизни при помощи пробочника и держится за бутылку мертвой хваткой. Вы все трое — этого нового товарища я еще не знаю — слепы, безнадежно слепы. Вы не видите собственного унижения и живете в лунном сиянии фантазии. Вы глупцы, величайшие в Бауэри глупцы! У вас нет ни капли достоинства!

— Довольно, Джон! — воскликнул Бродяга. — Мы вовсе не хотим с тобою спорить. Ты повсюду видишь только врагов, ненавистных и презренных врагов. А тебе следовало бы знать, что и врагов надо любить, потому что они указывают на твои слабости честнее и вернее, чем друзья.

Бродяга встал из-за стола и многозначительно посмотрел на Писателя.

— Мы с Максуэллом отправляемся в Радио Сити, — сказал он кротко. — Впереди долгая ночь, а у нас нечем настроить наши струны.

Писатель Максуэлл Боденхейм достал из кармана повязку слепого, которую Бродяга тут же надел ему на руку. Затем Писатель

закрыл глаза черными очками, взял в руку выкрашенную белой краской палку и вышел, опираясь на руку Бродяги. Когда дверь закрылась, Змея с горечью произнес:

— Можно ли всему этому улыбаться, Бобо? Писатель и бывший профессор-литературовед идут в Радио Сити просить милостыню... Тысяча чертей!

— Не бери ты чертей тысячами, — сказал Бобо спокойно. — С психологической точки зрения в этом нет ничего особенного. Писатель и Бродяга лишь подчиняются известным влечениям. Они думают не столько о смысле и последствиях пьянства, сколько о том минутном удовольствии, которое дает алкоголь в ближайший момент.

— Хорошенькое объяснение пьянства! — воскликнул Змея. — Нет, я вам скажу, ребята, что скорее буду воровать, чем побираться.

— И в один прекрасный день попадешься, — ответил Бобо. — За тобою уже следят.

Змея ничего не ответил. Он не спеша надел свое пальто и старую дырявую шляпу и вышел.

— Я пойду повидать одного знакомого, — сказал он не очень определенно. — Приятеля выпустили на днях из Синг-Синга...

Джерри и Бобо остались вдвоем. Хиропрактик оглядел комнату и почувствовал, как по спине у него побежали мурашки.

— Джон Фицджеральд — очень тонкий тип, — сказал немного погодя Бобо. — С первого взгляда он производит впечатление сварливого кверулянта, но в глубине души он добрый человек. Внутренняя неуверенность делает его агрессивным.

— Неужели у него нет возможности получить хоть какую-нибудь работу?

— Кто знает, но он хочет работать только по своей специальности. По его мнению, даже эпизодическая роль лучше постоянного куска хлеба. Он не понимает, что цель умственного и физического труда одна и та же: приспособление к внешней среде. Но он не единственный представитель этого типа... В артистической трущобе Гринвич Вилэдж имеются тысячи артистов, жизнь которых основана на таком же противоречии. Один за другим они впоследствии переселяются в Бауэри, где становятся босяками или бродягами-«хобо». Человек опускается постепенно.

Джерри быстро взглянул на своего собеседника. Действительно, человек скатывается постепенно. Профессор Минвеген не замечал, что и сам он уже скатился. И все же до дна был только один шаг — длинный, скользящий по наклону, — но лишь один шаг. Джерри захотелось обратно, в Бруклин. Он принял молчаливое решение: «Если не сумею завтра же найти работу, вернусь к жене...»

На лестнице послышались шаги, дверь медленно отворилась, и в комнату вошел господин средних лет, с треугольным лицом и тонкими пальцами пианиста. Он извинился за позднее вторжение и гладко без запинки заговорил:

— Если не ошибаюсь, вы постоянные жильцы этого дома, господа, не так ли? Мое имя Харрис Клейн. Вы, наверное, знаете меня? Меня хорошо знают все жители Бауэри. Вы также, я полагаю, знаете, в чем дело, не правда ли, господа?

— К сожалению, мы не знаем, — ответил Бобо. — Если вы рассчитываете найти здесь ночлег, то ошибаетесь...

— О нет, сэр, дело совсем не в этом. У меня есть собственное жилище. Но я нуждаюсь в вашей поддержке, господа, иначе говоря — в ваших голосах.

— Вы говорите безукоризненно правильным языком, — сказал Бобо, — и все-таки я не понимаю, что вы имеете в виду.

Господин подошел поближе, и лицо его засияло откровенностью и великим оптимизмом.

— Прошу прощения, господа! Я был действительно убежден, что вы меня знаете. Вам ведь известно, что все общественные должности у нас выборные и что при выборах имеет место всеобщее голосование? Ведь у нас демократия, не так ли, господа? Если вы слушали радио — простите, у вас, по-видимому, нет даже радио! — или читали газеты, или хотя бы взглянули на большие предвыборные плакаты, вы должны были заметить мое имя, поскольку я являюсь кандидатом. Да, господа. Честь моя безупречна, репутация незапятнанна, и я обещаю делать все, что только в моих силах, чтобы послужить на благо общества. Итак, вы можете без всяких колебаний отдать ваши голоса мне.

— Вы баллотируетесь в конгресс или в сенат? — поинтересовался Бобо.

— На данном этапе пока еще нет, сэр. Возможно, впоследствии...

— На какую же должность вы теперь претендуете?

— О, сэр, неужели вы действительно не знаете, в чем дело? В третьем районе Бауэри открылась вакансия дворника народной школы и выборы состоятся послезавтра. Я являюсь кандидатом от демократической партии, а репутация моя, господа, действительно без единого пятнышка, как я уже имел честь вам сообщить. Если вы проголосуете за меня, я обещаю поддерживать чистоту на участке вокруг школы и не дам ученикам курить в коридорах. Моим конкурентом является выдвинутый республиканцами Герберт С. Бромли. Мне не хотелось бы отзываться дурно о своих противниках, скажу только, что у мистера Бромли дурная слава, хоть он и бывший профессор университета.

— Профессор Бромли, — медленно повторил Бобо. — Помнится, я слышал это имя и раньше.

— Конечно вы о нем слышали. Его исключили из государственного метеорологического института полгода назад. Он брал взятки. Большие взятки. А теперь он стремится к общественной деятельности!

— Как же мог метеоролог брать взятки? — спросил в свою очередь Джерри.

Мистер Клейн развел руками и сказал:

— Взятки можно брать на любой должности. Это ведь совершенно обычное дело. Но профессор Бромли зашел чересчур далеко. В мае он два раза подряд объявил, что ожидаются страшные ливни, настоящий потоп, и что дождливая погода продержится три недели без перерыва. А что же оказалось? Как раз наоборот! Четыре недели над Нью-Йорком стояла жара, в небе ни облачка, и сушь такая, что городские власти стали ограничивать потребление воды. Не удивительно, что профессора Бромли уволили с работы и приговорили к штрафу.

Бобо покачал головой.

— Мистер Клейн, я все-таки не понимаю, какая связь между жарой в Нью-Йорке и взятками профессора Бромли?

Мистер Клейн сочувственно усмехнулся:

— Дело в том, господа, что склады фирм, производящих зонтики и калоши, были завалены готовыми изделиями. Фирмы обратились к профессору Бромли и попросили его предсказать длительный период дождей. Хотя профессор Бромли отлично знал, что впереди много солнечных дней, он предсказал дожди. Деловые люди воспользовались его прогнозом, и за полдня в Нью-Йорке были распроданы все без остатка зонты, плащи и калоши. Таким образом, людей обманули, а за этот обман фирмы и компании заплатили профессору Бромли десять тысяч долларов. Вы только подумайте, господа, десять тысяч долларов чистоганом! И теперь этот аморальный ученый добивается места дворника народной школы третьего района Бауэри. Но это ему не удастся! Ни в коем случае. Если все жители Бауэри на выборах отдадут свои голоса мне.

Мистер Клейн сделал маленькую передышку, а затем подвел итог:

— Уважаемые господа! Не пренебрегайте вашим правом голоса. Боритесь за демократию и отдайте голоса мне. И заодно скажите своим друзьям и знакомым, что Харрис Клейн — единственный достойный кандидат на место дворника народной школы третьего района. А вот это, господа, это вам две маленькие листовочки, в которых говорится о моих деловых качествах. Я сам издал эти листовки. Прочтите, проштудируйте, и вам сразу станет

ясно, что демократическая партия имеет все шансы на победу. Благодарю вас, господа! Если у вас имеются какие-нибудь вопросы, я готов ответить на них.

Бобо отрицательно покачал головой.

— У нас нет никаких вопросов, мистер Клейн. Или, погодите: какая у вас профессия?

— Раньше или сейчас?

— И то и другое.

— Я был коммивояжером, а в настоящее время я женат.

— Хорошо, мистер Клейн. Желаем вам счастья и успеха.

— Тысячу раз спасибо, господа! Вы можете на меня положиться. Благодарю вас, благодарю...

Мистер Клейн, пятясь, вышел из комнаты и в дверях еще воскликнул:

— Итак, до послезавтра, господа! Пусть ваши голоса решают!

Когда дверь закрылась, Бобо вздохнул с облегчением:

— Счастье, что Змеи не было дома. Ему всегда становится дурно при слове «демократия».

* * *

Беспечно заброшенный в сердце Нью-Йорка, Бауэри дремал в объятиях полуночи. По узким улочкам и переулкам бродило несколько веселых Магдалин с очень тяжелой походкой и безрадостными лицами. Откуда-то издалека послышался стук копыт. Это проехал отряд конной полиции. Ночь шла, прихрамывая и тяжело дыша.

Сон Джерри был беспокоен и прерывист. Он спал возле психолога на расстеленном на полу тюфяке, и в голове его галопом проносились образы бессвязных сновидений. В этой сумятице снов четко выделялся лишь один, центральный образ: лицо Джоан. Все, что было по краям, тонуло в неясном тумане. То и дело он просыпался, вздрагивая и выкрикивая какие-то непонятные слова. Но Бобо спал спокойно. Его душевного равновесия не нарушали путаные шизофренические галлюцинации. Он и в трущобе Бауэри был так же счастлив, как некогда в своей комфортабельной профессорской квартире. Он приспособился к внешней среде и во всем видел относительно светлые и теневые стороны. Если, например, спишь на полу, то не приходится бояться, что упадешь с кровати. Десять месяцев он спал, не раздеваясь и не укрываясь, положив под голову какой-нибудь замусоленный печатный труд, был далек от физического порога раздражительности и вообще, по-видимому, не ощущал никаких неудобств.

Под утро Джерри и Бобо проснулись от громких криков. Писатель и Бродяга прибыли в общее жилище, совершая обычный широкий вираж. Им привалило счастье. Какой-то пьяный господин

бросил в протянутую шапку Писателя десятидолларовую бумажку. Бродяга тут же повел своего «слепого» товарища в кабак покупать лестницу на небо. Как люди доброго сердца, они не позабыли и о своих друзьях и принесли домой запечатанную бутылку райской атмосферы.

Джерри не имел ни малейшего желания вставать ни свет ни заря для такой утренней зарядки, но не мог не подчиниться правилам интеллигентного общества. Он выпил и опьянел, а опьянев, позабыл о своем несчастье. Писатель говорил что-то, но так невнятно, словно кто-то наступил или сел ему на язык. Он вновь ощущал свое величие и неограниченное влияние своего таланта. Уступив настойчивым просьбам Бродяги, он достал из кармана кипу мятых, засаленных листков, испещренных каракулями, — плодами его вдохновения.

— Правда, Максуэлл! Прочти нам что-нибудь из своих стихов, — поддержал Бобо.

Дрожащие, давно не мытые пальцы Писателя перебирали бумажки, а его кровоточащие глаза отыскивали слова.

— Вот одно маленькое раздумье, которое не подошло для журнала Генри Люса, — сказал Писатель с горечью. — Оно показалось несколько темным...

Все замолкли. Максуэлл Боденхейм, великий певец Бауэри и американский Золя, расправил скомканный листок и стал читать благодарной аудитории одно из последних творений гаснущего таланта:

Горы так малы пред лицом небес.
Горы так огромны в глазах людей.
Горные вершины встречаются
На великом поприще равенства.
А река течет медленно-медленно,
Бесконечною мутною лентой.
Рвется вдаль река, чтоб очиститься.
Вдаль уносится облако странное —
Словно тень человека, что все потерял,
Кроме бессмертной мечты...

Голос Писателя задрожал, и вдруг он расплакался навзрыд. Он встал, пошатываясь, скомкал бумагу и швырнул свои стихи в печку.

— Максуэлл! — закричал Бродяга. — Зачем ты сжигаешь стихи?

Писатель горько засмеялся:

— Они лучше согреют нашу комнату, чем журнал миллионера Генри Люса. Больше я не напишу ни строчки, ни строчки... Бобо, налей мне стакан, пожалуйста! Я погиб. Как поэт...

Писатель залпом выпил целый стакан и бросился на свою скрипучую железную кровать. Через минуту он уже спал и во сне громко

храпел с раскрытым ртом. Бродяга подошел к изголовью постели Писателя, снял у него с волос таракана и бросил в печку.

Стало светать, и друзья заметили, что постель Змеи пуста. Бродяга встревожился, но психолог пытался, как всегда, найти благополучное объяснение:

— У Змеи большой круг знакомств. И спешить ему некуда.

В начале дня друзья узнали, что бывший актер Джон Фицджеральд ночью был арестован. Он пытался совершить кражу со взломом в продовольственном магазине на Сорок третьей улице и был задержан на месте преступления. В коротеньком газетном сообщении упоминалось, что знаменитый во времена немого кино «Человек, у которого тысяча лиц» последние годы жил в большой нужде в пользующемся дурной славой трущобном квартале Бауэри. Новость породила долгое гнетущее молчание. Наконец Бобо сказал подавленно:

— Он был слишком горд. Он не хотел просить милостыню и не желал браться за любую работу.

— Джерри может теперь занять его постель, — сказал Писатель, растирая с похмелья виски. — Хорошо, когда у человека есть постоянное место. Это усиливает чувство социальной обеспеченности и любви к обществу.

Джерри поблагодарил товарищей за внимание и доверие, хотя в душе решил: так больше продолжаться не может.

Около полудня Бобо и Джерри отправились на поиски еды для всего интеллигентного общества. Джерри предложил пойти в «Кафе Джо», где он имел возможность получить завтрак с помощью хиропрактики. Но Бобо не согласился на это предложение:

— Слишком далекий путь. Пошли лучше в «Оазис», там и выбор больше...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

рассказывающая о том, как Джерри и Бобо покидают Нью-Йорк и втягиваются в водоворот политической борьбы и религиозной реформации.

Был конец октября, время жарких идейных боев. Приближались выборы главы государства. Овощеводы смогли опять вывезти на рынок гнилые помидоры, а птицеводы распродали запасы старых тухлых яиц.

Число акционеров интеллигентного общества уменьшилось до трех человек, потому что Максуэлл Боденхейм переехал обратно к своей жене в артистическую трущобу, где какой-то литературный агент обещал платить ему за каждое стихотворение по три глотка виски. Змея не вернулся. Ему дали шесть лет каторги за преднамеренное покушение на кражу со взломом и за неуважение к суду. Суд присяжных единогласно признал его закоренелым преступником, который нашел свое призвание в том, чтобы смущать окружающих анархическими идеями и ужасными гримасами. Услыхав приговор, Змея вежливо произнес:

— Великолепно, господа! Не все бывшие актеры получают такую пенсию!

Переезд Змеи на новое место жительства потрясающе подействовал на Бродягу, и он был особенно несчастен оттого, что не все люди были несчастны. Бобо тоже несколько дней ходил довольно подавленный. Что до Джерри, то он не видел основания горевать. Ему казалось вполне справедливым, что преступники находились в местах заключения, а фабриканты оружия — на дипломатических постах.

Джерри ходил регулярно, раз в день, в бюро по найму рабочей силы и — в «Оазис». Новому переселенцу советовали поехать в северные штаты Среднего Запада, где возможности трудоустройства были лучше, а зима — холоднее. Его внешний вид за последний месяц значительно переменился: никто уже не пытался просить у него милостыню. Он похудел, осунулся, и его бледное лицо теперь напоминало мысли безработного: оно было таким же серым и безнадежным. Много раз он был так близок к отчаянию, что еще чуть-чуть — и вернулся бы к жене, но какая-то непостижимая сила удерживала его от переезда из Манхэттена в Бруклин.

Попросту говоря, у него не было десяти центов на проезд. Он устал от своего окружения, которое напоминало воду горной реки: она вечно куда-то бежит и никогда не согревается. Бродяга давно уже созрел для отправки в больницу алкоголиков. Его психика находилась в состоянии распада. А Бобо надоедал своими вечными лекциями.

В начале ноября горизонты стали проясняться. Предвыборная кампания пробудила все слои общества. Король государства «хобо» с неделю назад приказал долго жить, и на его место необходимо было срочно избрать нового. Из Чикаго пришло сообщение, что выборы короля бродяг состоятся в середине декабря в какой-то трущобе Чикаго. Детройт, Бостон, Нью-Йорк, Балтимор, Миннеаполис и Канзас-Сити заявили резкий протест, поскольку у них имелись свои кандидатуры. По этой причине представители всех центров созывались в Чикаго. Делегатом от «хобо» Бауэри был избран бывший профессор психологии Борис Минвеген, которого также уполномочили представительствовать и на церемонии коронации. Бобо сразу же начал готовиться в путь: он ходил по букинистам и выпрашивал книги, чтобы запастись на дорогу чтением.

— Зачем ты собираешься ехать так рано? — спросил его Джерри. — Ведь до выборов еще полтора месяца.

— Нужно добраться до Чикаго.

— Поезд идет туда не больше суток.

Бобо ласково улыбнулся:

— Нашему брату нельзя ездить на поезде. По экономическим соображениям, видишь ли. И, кроме того, профессиональная организация «хобо» не одобрила бы такого способа передвижения. Разве что сумеешь проехать зайцем.

В мозгу Джерри блеснула замечательная идея. Он предложил себя в попутчики Бобо. Ему хотелось вырваться на Средний Запад, в прерии, где летом волны бегут по маисовым нивам, а зимою бушуют снежные бураны, где фермеры жалуются то на засуху, то на разливы Миссисипи, — в прерии, где люди живут, получая дары щедрой земли и государственную дотацию. От Чикаго останется каких-нибудь шестьсот миль до берегов Миссисипи.

Бродяга пытался удержать Джерри, расписывая трудности чудовищно длинного пути.

— Я ходил однажды в Детройт. Путешествие заняло полтора года, — сказал бывший профессор литературоведения. — Как-то в пути я чуть было не умер от жажды: три дня не имел ни глотка виски. Я видел миражи, познал голод и, когда наконец вернулся обратно в Бауэри, свято решил не двигаться больше никуда за пределы Нью-Йорка.

— Джерри надо увидеть свет, — заметил Бобо. — Если мы сейчас отправимся в путь, то в первых числах декабря будем в Чикаго.

Так случилось, что гражданин вселенной Джерри Финн сделался попутчиком профессора Бориса Минвегена. Он стал учеником большой дороги, у которого вместо котомки с провизией были только легкие. Полный надежд, он поступил в самую большую школу на свете, в просторном классе которой было более шестисот тысяч учеников — вечных странников, руководимых беспокойством о завтрашнем дне и поощряемых неутомимой жаждой странствий.

Бродяга не остался один, так как после ухода Бобо и Джерри на их место сразу явились два новых жильца. Один был итальянский скрипач, который теперь играл на губной гармошке, другой же был настоящим босяком, ибо никогда не знал никаких занятий. Так или иначе, оба они умели читать и писать и обещали обслуживать Бродягу, который теперь волею обстоятельств оказался старостой общежития. В первый же вечер новые жильцы принесли домой пятьдесят фунтов угля для печки, шесть кувшинов пива и купленный в рассрочку телевизор. Событие было настолько из ряда вон выходящим, что Бродяга расплакался обыкновенными пьяными слезами. Теперь будущее казалось ему гораздо более светлым. Счастье все-таки, что Писатель, Бобо и Джерри съехали с квартиры. Эти ученые господа ни на что не годились: они были слишком образованны, чтобы просить милостыню, и слишком честны, чтобы воровать.

* * *

Если бродяга имеет здоровый большой палец, он может поберечь свои ноги. В Америке самый дешевый способ путешествия — это поднять большой палец, и тебя подвезут на попутной

машине. Поэтому все те, у кого большой палец растет не посередине ладони, пользуются этим блестящим средством передвижения. Средство это помогло Бобо и Джерри настолько, что они за три дня из штата Нью-Йорк добрались до Пенсильвании. Затем их сбросили на обочину дороги и пожелали счастливого продолжения пути.

Бледное ноябрьское солнце лениво сгоняло ночной иней с ветвей придорожных деревьев и кустов. Желтоватое жнивье кукурузных полей блестело, как латунь. У дороги каркали вороны, музыкальные критики птичьего мира. Они собирали на асфальте обильный ночной урожай: задавленных машинами дикобразов и зайцев.

Путники обнаружили, что они высажены на какой-то побочной дороге, потому что не было видно ни одной рекламы. Они выехали до восхода солнца из маленького городка, где ночевали в каком-то гараже. Теперь, судя по солнцу, было уже часов десять. Пройдя с полчаса, они вышли на магистральную дорогу, обрамленную гигантскими щитами реклам: пиво, паста для бритья, бензин, пудра и запальные свечи. Почувствовав себя в безопасности, друзья зашагали по широкой рекламной аллее, которая проходила через центр населенного пункта. На фронтоне одного торгового здания висел плакат:

ХОТИТЕ ЛИ ВЫ ЛЕГКО ЗАРАБОТАТЬ ДЕНЬГИ?

Разумеется, Джерри и Бобо хотели, так как они соскучились по завтраку и с тоской вспоминали объемистые железные бочки «Оазиса». Приободренные и полные надежд, они заглянули в маленькое помещение, стены которого были украшены предвыборными плакатами. За конторским столом сидели, покуривая сигары, двое мужчин средних лет. Они довольно сухо ответили на приветствие бродяг, в голосе которых слышались робость и смущение.

— Чем можем вам служить? — поинтересовался один из куривших, закидывая ноги на стол.

— Мы готовы заработать деньги, — сказал Бобо.

Мужчина схватил карандаш и бумагу и начал расспрашивать:

— Имя?

— Борис Минвеген.

— Профессия?

— Профессор университета.

Задававший вопросы бросил карандаш на стол и переглянулся с товарищем. Тот утвердительно кивнул головой. Тогда первый задал те же самые вопросы Джерри и, выслушав его, встал, покусал сигару и вдруг спросил:

— Вы оба члены нашей партии?

— Ну разумеется, — ответил Бобо без запинки.

— Хорошо. Вы можете приступить к работе немедленно?

— А какого рода работа? — поинтересовался Бобо.

— Работа очень простая, но открывающая широкую дорогу.

Человек с сигарой взял стоявший у стены двойной щит-рекламу и, ловко надев его на плечи Бобо, удовлетворенно проговорил:

— Вот так!

Затем он и Джерри запряг таким же образом, так что у обоих друзей на груди и на спине оказались довольно большие, достающие до середины голени картонные щиты, на которых яркими футовыми буквами значилось:

ОТТО РОТА — ШЕРИФОМ!

Наши странники и ахнуть не успели, как человек с сигарой начал их выпроваживать, подталкивая к двери и попутно давая деловые указания:

— Уже одиннадцать часов. Если вы немедленно двинетесь в путь, то к часу дня будете в Новом Париже. Там вы погуляете часа два по центральным улицам и тем же путем вернетесь обратно; все это займет у вас шесть часов. Мы платим по доллару за час, но если вы пожелаете подарить свое вознаграждение в выборный фонд нашей партии, то мы в свою очередь премируем вас маленьким нагрудным значком.

— Уважаемые господа! — вежливо начал Бобо ответное слово. — Мы полностью согласны с вашим мнением: это задача очень простая, но открывающая широкую дорогу. Как ученые, мы, однако, должны принять во внимание психологическую сторону задания. Речь ведь идет об известном рефлекторном процессе. Еще бывший мой учитель, профессор Джон Б. Уотсон, основоположник бихевиоризма, отбросил все старые методы исследования, поскольку мы ведь не можем ничем доказать объективно существование сознательности, и, стало быть, последняя отнюдь не может быть объектом психологического исследования. Во-вторых, интроспекция в качестве метода исследования совершенно бесперспективна и не может иметь положительного значения, поскольку она всегда непременно полностью субъективна. Поэтому нам необходимо взять в качестве предмета исследования объективно наблюдаемые жизненные явления: поведение людей, их внешние проявления, жесты, сознательные и неосознаваемые рефлексы и выражения...

— Сэр, я не понимаю, о чем вы говорите! — воскликнул человек с сигарой.

— Прошу прощения, — продолжал Бобо с легким поклоном. — Я имел в виду лишь то, что, поскольку наша задача психологически чрезвычайно значительна, мы должны получить хотя бы некоторое небольшое признание — один или два доллара. Когда мы

понесем эти воззвания, наша деятельность будет состоять из последовательно включающихся рефлексов на определенные внешние раздражения. Например, вот эта веревка, на которой подвешены эти превосходные таблицы, натирает мое плечо. Таким образом, психологическое поле исследования становится своего рода физиологическим...

— Я все еще не понимаю! — воскликнул человек с сигарой, начиная раздражаться.

Джерри, робко извинившись, предложил свои услуги в качестве переводчика:

— Профессор Минвеген говорит о том, что, коль скоро мы понесем эти плакаты, нам следовало бы получить и вознаграждение.

— Совершенно верно, — подтвердил Бобо. — Именно это я имел в виду. И мы ведь не ограничимся одним лишь ношением плакатов, мы хотим также объяснять людям, насколько важно для наших мест получить нового шерифа. Итак, если мы снова коснемся психологии...

— Не надо ее касаться! — закричал чиновник, доставая из кармана два доллара и протягивая их Бобо.

— А теперь, господа, — добавил он, выпроваживая путешественников, — ступайте в Новый Париж. Через два часа мы проверим по телефону, добрались ли вы туда. И помните: «Отто Рота — шерифом!»

— Отто — шерифом! — разом ответили Бобо и Джерри и двинулись со своими вывесками по главной улице городка в поисках завтрака.

Негнущиеся картонные щиты делали ходьбу затруднительной.

— Знаешь, это занятие мне совсем не нравится, — сказал Джерри.

— И мне тоже, — ответил Бобо, — но привередничать не приходится. Надо браться за то, что представляется. И потом: человек постепенно может всему научиться. Конечно, если обучение конкретно. Когда я занимался преподаванием, я не полагался целиком на моторный и слуховой компонент, а — чче-ерт!..

Из-за угла какой-то полуразваленной хибарки вылетел гнилой помидор и шлепнулся о щит Бобо, испачкав весь выборный лозунг. Бобо вытирал с лица вонючие кислые брызги, моргал недоуменно глазами и бормотал:

— Такова политическая борьба... Да, о чем это я начал говорить? Совершенно верно: конкретное обучение требует прежде всего, чтобы учитывалась и зрительная память, а также...

Тут оба друга попали под жестокий обстрел. Со всех сторон в них летели помидоры и тухлые яйца. Несчастные попытались укрыться в каком-то продовольственном магазине, но хозяин не пустил их даже на порог и проводил криком:

— Я не поддерживаю республиканцев! Я не прихвостень Рота!..

— И мы тоже не... — попытался объясниться Бобо, но политически сознательный лавочник маленького городка не одобрял поспешной лжи и уверток.

— Убирайтесь вон отсюда! — заревел он. — Катитесь в Новый Париж! Там вы найдете сторонников Рота.

Подхваченные водоворотом политики, двое бедных бродяг вернулись обратно на шоссе не солоно хлебавши и вымученной рысью поспешили на запад. Когда городишко скрылся из виду, Джерри снял с себя картонные латы и отшвырнул их подальше.

— Моя политическая деятельность на этом окончена, — сказал он.

Бобо стоял в замешательстве:

— Нам заплатили...

— Все равно. Сбрасывай с себя эту собачью будку! Бобо колебался:

— Они могут потребовать с нас деньги назад.

— На два доллара мы уже натерпелись.

— Но это может принести нам пользу. Договоримся так: мы будем нести по очереди мои щиты.

Джерри пожал плечами. И путешествие продолжалось. Из проносившихся мимо автомобилей люди оглядывались на плакаты Бобо, красочный эффект которых усиливался за счет оранжевого тона яичных желтков и красного — помидоров. Профессор Минвеген был из тех людей, которые стараются сохранять верность даже в мелочах. Поэтому он никогда бы не смог подняться высоко на политическом поприще. Он как раз годился для того, чтобы носить плакаты за доллар в час.

Понемногу воздух становился теплее. Был ясный осенний день, от мягкости которого сидевшим на телефонных проводах скворцам хотелось петь. Окрестные пейзажи были, по счастью, прикрыты от глаз колоссальными щитами реклам. Тут и там у обочины дороги виднелись туристские достопримечательности: огромные стрелы с

давящей надписью: «Историческое место». На «месте» стоял хорошенький столик со скамейками и рядом была укреплена мемориальная доска:

ЗДЕСЬ ОДНАЖДЫ ЗАВТРАКАЛ
ПЛЕМЯННИК ПРЕЗИДЕНТА ТРУМЭНА

Туристы тоже завтракали здесь и оставляли после себя груды консервных банок, бумаги и пивных бутылок. А кое-где оставались и более заметные визитные карточки туристов: следы лесных пожаров.

— У нас еще нет истории, — заметил Бобо, — и потому ее приходится создавать. Каждая гостиница, пляж или кабак, в которые мимоходом заглянул Бинг Кросби, официально объявляются историческими местами. Автомобиль, в котором ездил Рудольфо Валентино, олицетворяет наше средневековье, сапоги президента Линкольна — древнюю историю, а песочные часы, которыми пользовался Колумб, — эпоху раннего палеолита. Таким образом, наша история оказывается такой же древней, как и европейская. Все, видишь ли, очень относительно. Мы за одну неделю наставим больше исторических памятников, чем старый материк успел за тысячу лет. Европейцы могут гордиться римским Форумом, средневековыми замками, старинными рукописями и античными статуями, но и у нас есть свои собственные исторические козыри: первый автомобиль Форда, кинжал Аль Капоне, первые рисунки Уолта Диснея и подвязки Глории Суонсон, которые она надевала, снимаясь в своей первой картине. У каждого подростка — и то есть своя история. Правда, вся она очень коротка, ее можно охватить полностью, лишь разок оглянувшись назад. Но, так или иначе, это история...

— Я испытываю лютый голод, — перебил Джерри. — Со времени последнего принятия пищи прошел исторический период.

— Ты прав: наш мускульный механизм нуждается в калориях. Ощущение голода на этот раз не может повергнуть нас в отчаяние, коль скоро у меня в кармане имеются две бумажки, каждая в один доллар. Они порождают известное чувство удовольствия, становятся теоретической основой хорошего настроения, сущностью достоинства, если позволено будет мне употребить такой термин.

Джерри слушал его, как свинья гром, и ничего не отвечал. В этот момент их глазам открылось гигантское рекламное панно:

ЛУЧШИЕ В МИРЕ КОТЛЕТЫ

Зрительное восприятие мгновенно отправило депешу органам вкуса. Слюнные железы начали отплясывать веселую польку, заставляя ноги двигаться поживее. Джерри забыл о чувстве

солидарности: он мчался вперед, оставив Бобо далеко позади. Он оглянулся всего раза два. Бобо шел под парусами своих плакатов, издали напоминавших торжественное облачение католического епископа.

У подножия гигантского панно был беспечно брошен кузов старинного автобуса, переоборудованный под ресторанное предприятие современного типа. Посетители получали порции пищи через окно, ибо в автобусе помещался только маленький стол, бачок для мытья посуды, переносная кухня, а также греческого происхождения хозяин со своей дочерью, которые теперь с любопытством взирали на двух бродяг.

— Четыре котлеты и кофе! — крикнул Джерри.

Ресторанщик сразу принялся хлопотать, а его дочь, которая служила фирменной вывеской торгового предприятия отца, высунула голову из открытого окошка и стала развлекать клиента. У нее были исключительно красивые глаза, полученные ею в подарок к первому дню рождения и впоследствии вставленные в рамку модных очков. Она была в том возрасте, когда ежеминутно восклицают «ах» и «ой» и когда жизнь «ужасно хороша» и «чертовски романтична». Она была красива, но, по мнению Джерри, была бы еще прекраснее, если бы молчала.

— Куда ты держишь путь? — спросила девушка у Джерри и обнажила свои ровные искусственные зубы.

— На запад...

— А где же твоя машина?

— В ремонте...

— Ужас! До запада ведь так далеко! Меня зовут Ира. А тебя как?

— Гарри Купер... Пойдешь за меня замуж?

Длинные ресницы девушки, словно маленькие венички, быстро подмели изнутри стекла очков.

Взглянув украдкой на отца, она ответила шепотом:

— Я не могу бросить папу. Я должна помогать ему. Это глупо, конечно. Я ненавижу работу. Когда ты получишь свою машину?

— Завтра.

—Ой! Конечно, я бы уехала с радостью! У тебя много денег?

— Никогда не считал.

Джерри готов был продолжать, но в это время под окном появился Бобо, пыхтевший, как паровоз, под тяжестью рекламных щитов.

— Девочка! Сколько отсюда до Нового Парижа?

— Не знаю. Я должна спросить у отца.

— Шесть с половиной миль, — ответил греческий кулинар, вытирая жирный пот с лысины.

Коротенький, совершенно лысый хозяин ресторана подал путникам мастерские произведения своего искусства и поклялся бого-

родицей, что в его котлетах никогда не бывает ни конины, ни свиной печени. Он остался наблюдать за трапезой клиентов, поглядывая, между прочим, на запятнанное облачение Бобо.

— Господа, вы, вероятно, республиканцы?

— Вы угадали, — ответил Бобо.

— В этих местах живут преимущественно демократы. Однако Новый Париж всегда был оплотом республиканцев.

— А вы демократ? — спросил Джерри в свою очередь.

Ресторанщик развел руками и ответил с хитринкой:

— Я только коммерсант. Хочу со всеми быть в хороших отношениях. Демократ для меня такой же клиент, как и республиканец, а республиканец такой же, как и демократ.

Котлеты были вкусны, но, узнав их цену, Бобо чуть не заболел. Он повертел-повертел в руках счет и наконец с трудом выговорил:

— Как это возможно? Три доллара!

— Господа, — ответил хозяин, — я охотно вам объясню. Во-первых, я использую только чистое, доброкачественное сырье. Будь я нечестным торговцем, как все другие трактирщики на этой дороге, я бы хитрил: собирал по утрам у обочины шоссе задавленных зайцев, барсуков, сурков, собак и фазанов и пускал бы их в котлеты. Тогда бы я мог продавать еду не дороже, чем мои конкуренты. Но я не могу унизиться до такой степени. Во-вторых, это место историческое. Как раз вот тут у автомобиля Мэри Пикфорд спустила шина, и ей пришлось целых три часа дожидаться приезда мастера. Это произошло третьего сентября тысяча девятьсот девятнадцатого года. И, в-третьих, самый автобус, из которого сделан мой ресторан, тоже исторический. Именно в этом автобусе был пойман всемирно известный гангстер Диллингер. Принимая во внимание все названные обстоятельства, три доллара за четыре котлеты и два кофе — просто до смешного дешево.

— У меня только два доллара, — ответил Бобо покорно.

— У Гарри есть деньги, — заметила девушка.

— У какого Гарри? — спросил отец.

— У Гарри Купера, папочка.

— Конечно, я тоже полагаю, что у него есть, — сказал Бобо, — но у нас, к сожалению, больше нет.

После короткого совещания они все же пришли к замечательному соглашению. Бобо обязался нести на переднем щите, поверх избирательного плаката, скромную афишу трактирщика:«Котлеты Грегори Каллимахоса известны во всем мире». Избирательный лозунг, начертанный у него на спине, был настолько густо залит томатным соком, что уже никто не смог бы разобрать текста. Отойдя на десять бросков камня от исторического автобуса Каллимахоса, Бобо снял свой картонный футляр и предложил Джерри понести его. Но хиропрактик решительно отказался вмешиваться в политическую борьбу.

— Веревка сильно натерла мне плечо, — сказал Бобо. — Я ощущаю боль, а так как боль теоретически является основанием дурного настроения, меня чрезвычайно злит, что ты не помогаешь мне. Понеси хотя бы пять минут.

Джерри поставил рекламное сооружение на парапет, ограждающий дорогу, оглянулся кругом и спихнул ненавистную обузу вниз, в неглубокий овраг. Затем он схватил Бобо за руку и сказал с облегчением:

— Колумб решил бы эту проблему точно так же.

Лицо психолога просветлело, и он почти закричал:

— Джерри! Ты великолепен! Ты освободил меня от давящего чувства. По правде говоря, я испытывал адские муки, волоча на себе эти тяжелые доспехи. Это была не первичная биологическая реакция, но сознательно благоприобретенная и очень осложненная эмоция, которая находилась в тесной связи с вытесненной деятельной тенденцией моей умственной жизни.

Джерри молчал, придумывая ответ. Широкая дорога влекла вперед. Время от времени они выставляли большие пальцы, но автомобили проносились мимо. Наконец одна старинная легковая машина, того же года рождения, что и Бобо, затормозила и остановилась, поравнявшись с ними. Из машины вышел плечистый мужчина средних лет, лицо которого покрывала борода золотоискателя.

— Куда вы направляетесь? — спросил он бродяг.

— В Новый Париж, а то и дальше, если вам по пути, — ответил Бобо.

— Дальше не по пути, — сказал проезжий. — Откуда вы идете?

— Из Нью-Йорка.

Мужчина оглядел одежонку Бобо и Джерри, сунул руку за пазуху и, внезапно выхватив пистолет, проговорил сквозь зубы:

— Если вы задумали грабеж, то ошиблись, голубчики.

— Нет, что вы, сэр, — ответил Бобо с дрожью, — мы честные люди. Мы никому не делаем зла. Если вам будет угодно подвезти нас, всевышний вас благословит.

— Значит, у вас нет денег?

— Ни цента, сэр.

— А есть у вас какая-нибудь специальность?

— Мы профессора, сэр.

Мужчина спрятал пистолет за пазуху и сказал:

— Это объясняет все. Садитесь на заднее сиденье. Доедете до Нового Парижа.

Машина со стуком и скрипом покатила. Джерри то и дело подскакивал от острых уколов в седалище, потому что пружины заднего сиденья были поломаны и сквозь протертую ткань обшивки высовывались их концы, точно острые стальные шилья.

— Сегодня в Новом Париже большой день, — проговорил водитель машины.

— Да, разумеется, — отозвался Бобо, готовый через минуту увидеть оживленную избирательную рекламу и толпы демонстрантов.

— Новый Париж — хороший город, — продолжал хозяин, — его жители — благочестивые люди.

— Республиканцы, не так ли?

— Да, конечно, и богобоязненные. В городе имеется шестнадцать церквей.

— А сколько жителей? — поинтересовался странствующий рыцарь психологии.

— Около шестисот человек. Немного меньше. Мы не терпим неправды.

Возникла минутная пауза, плодотворная, творческая пауза. Затем с переднего сиденья было передано важное сообщение:

— Все окрестные фермеры сегодня прибудут в Новый Париж. Это для нас большой день.

— Счастье, что сегодня такая прекрасная погода, — заметил Джерри.

— Погода не имеет никакого значения, — ответил водитель. — Только дух, дух Живого Бога.

— Ну, это несомненно! — сказал Бобо и совсем уже перестал бояться пистолета, спрятанного за пазухой у фермера. — Без духа невозможна никакая жизнь.

— Да, невозможна, — подтвердил водитель и, убавив немного скорость, продолжал: — Я слышал, в Нью-Йорке живут теперь очень грешно?

— Да...

— И там богу подносят кошачьи хвосты?

— Да...

— И люди служат только диаволу?

— Может быть...

— Значит, конец демократическому правительству! Ну, мы приехали. Я поставлю мою машину здесь. Митинг будет в центре города. Отсюда надо свернуть и — прямо на юг.

Джерри и Бобо вышли из машины и поблагодарили серьезного фермера, застраховавшегося от пожаров в будущей жизни.

Новый Париж был идеальный маленький городок, где люди больше слышали, чем видели, где никогда не принимали необеспеченных векселей и не меняли мнений, где богобоязненность была написана на бородах мужчин и на подолах женщин, которые не смели быть выше колен. Дамские чулки были изобретены во Франции в XII веке, но в Новом Париже их существование было замечено только тридцать лет назад. Новый Париж славился благочестием и хорошими сырами, которые жители городка, голландцы по происхождению, готовили для продажи на приходских благотворительных базарах и для дорожных завтраков своему духовному пас-

тырю, постоянно разъезжающему по всей округе. В городе было только четыре кабака, которые закрывались в дни церковных праздников и во время выборов.

Наши бродяги пошли к центру города и были поражены царившей повсюду могильной тишиной. Ни уличных шествий, ни радиоавтомобилей, ни продавцов кока-колы. Немногочисленные магазины были закрыты, хотя день еще только начинал клониться к вечеру.

— Это мало похоже на Париж, — заметил Джерри.

— Потому-то город и называется Новый Париж, — ответил Бобо. — Жители, наверно, на митинге избирателей. Так и есть! Смотри!

На большой центральной площади собралось с полтысячи человек. Там были и молодые и постарше, и бородатые и безбородые, и красивые и обделенные красотой, здоровые и дышащие на ладан, зажиточные и неимущие, честные и рожденные стать юристами, почти неграмотные и малограмотные, а также множество людей с другими достойными свойствами. Но все они обладали одним общим качеством: они были благочестивы, боялись бога, и еще больше боялись нового времени. Их автомобили несли с собою бодрый привет первых лет двадцатого столетия, а их серьезные лица напоминали о существовании катехизиса.

Джерри и Бобо подошли поближе. Какой-то мужчина указал им на большую груду книг в центре площади и сказал:

— Несите туда!

— Что мы должны туда нести? — спросил Бобо.

— Искажение библии, — сказал мужчина басом, и борода его затряслась.

Привыкшие к зигзагообразному ходу жизни, бродяги прошли на середину площади, куда все время подносили новые и новые экземпляры книги, которая была безусловным бестселлером мировой литературы. Богатые приносили по нескольку корешков, а те, кто кое-как сводит концы с концами, — по одному или по два. Наши бродяги заметили, что величайшая в мире груда книг содержала в себе не что иное, как недавно вышедший новый перевод библии, который, очевидно, глубоко потряс душевный покой местных жителей.

Когда книжная гора достигла высоты тридцати шести футов, на нее были направлены несколько струй бензина и керосина, после чего публику попросили немного раздаться.

— Вандализм, — прошептал Бобо на ухо Джерри. — Если рассматривать психологически, это извращение на чувственной почве.

Почетный старейшина города, Питер Цвиккер, который на прошлогодних выборах получил 88 процентов всех поданных голосов, поднялся на трибуну, украшенную звездными флагами.

Под мышкой у него было две библии: одна — изданная в 1794, и вторая — в 1952 году. После бурной овации мистер Цвиккер заговорил:

— Граждане! Вот у меня две библии. Смотрите! Одна из них — святая библия, а другая — искажение библии, изданное при правительстве Трумэна. Эту фальшивку теперь продают издевательски дешево, как и всякую другую низменную и безнравственную литературу. Издатель искаженной библии в своем предисловии коварно заявляет, что цель его — дать народу Америки библию, которая по языку была бы современной, а по внешнему виду — безупречной. Что касается внешности, то переплет книги — это всего лишь имитирующий кожу пластик, а не настоящая козлиная кожа, как было обещано в рекламе. Но эту подделку мы могли бы еще стерпеть, так как в ней нет ничего нового. Ведь демократическая партия всегда меняла свою кожу. Но текст книги! Это уже не язык Священного писания, а современный американский язык, который даже не является никаким языком. Нам не нужен в этой стране какой-то новый язык. Поэтому я и говорю, дорогие сограждане, что лучше бы он сгорел, этот современный язык! Пастор нашего прихода убежден, что новый перевод библии ведет человечество прямо в ад.

Мистер Цвиккер вынужден был прервать свою речь, потому что его мысли превратились внезапно во всеобщее мнение, которое проявило свою жизненную силу в ропоте толпы. Газетные фоторепортеры обступили трибуну, а магнитофоны последних известий жадно глотали общественное мнение. Мистер Цвиккер продолжал:

— Дорогие мои слушатели, мы не должны никого судить, не разобравшись. Поэтому я предлагаю вам исследовать и сравнить эти две книги. Напрягите ваш слух! Я прочту вам отрывок из настоящей библии, а затем продемонстрирую то же место в новом, грубо искаженном варианте. Итак, слушайте! Передо мною Песнь Соломонова, в которой Жених аллегорически восхваляет красоту причастия. Это читается так:

«...Се еси добра, ближняя моя, се еси добра; очи твои голубине, кроме замолчания твоего; власи твои яко стада козиц, яже открышася от Галаада. Зубы твои яко стада остриженных, яже изыдоша из купели, вся двоеплодны, и неродящия несть в них...»

Мистер Цвиккер закрыл книгу и открыл другую.

— Вы слышали, друзья мои, слова подлинного Святого писания. Можем ли мы отступиться, отречься от них? Но вот как говорят исказители:

«...Взгляни, моя любимая! Как ты прекрасна! Глаза твои, точно блестящие глаза газели, а мягкая коса — точно первая шерсть ягнят на склонах горы Галаадской. Белоснежный строй зубов твоих напоминает девственную чистоту новорожденных ягнят. Ни одного нет меж ними с изъяном...»

Мистер Цвиккер захлопнул книгу и возвысил голос:

— Не довольно ли? Вы слышали, как грубо правительство Трумэна исказило слово божие. А если я скажу еще, что, говоря о пресвятой деве, там используют слово «женщина», то, я полагаю, этого достаточно, чтобы засвидетельствовать, что искажение совершено. Однако, чтобы все-таки не случилось ошибки, я спрашиваю вас, жители Нового Парижа и окрестностей, найдется ли среди вас хоть один, кто с готовностью не предал бы огню всю эту омерзительную груду скверны?

Толпа молчала. «Вандализм», — шептал Бобо, но голос его не доносился дальше уха Джерри. Мистер Цвиккер оглядел толпу и воскликнул громче прежнего:

— Кто хочет служить диаволу, пусть выйдет и скажет: «Я»!

Желающих не было. Мистер Цвиккер попытался еще более повысить голос:

— Кто хочет служить Всемогущему на Его собственном языке, пусть скажет: «Огонь!»

Полтысячи ртов закричали что есть мочи:

— Огонь!

Мистер Цвиккер сошел неторопливыми шагами с трибуны, вынул из кармана зажигалку и пустил огонек. Политая керосином и бензином книжная груда вспыхнула и заполыхала, выбрасывая огромные языки пламени. Горожане стали расступаться, передние пятились, наступая на задних, и кольцо становилось шире, раздвигаемое грозной силой выпущенного на волю, дико пляшущего огня.

В это время на трибуну взбежал разгоряченный молодой человек, назвавший себя представителем Национального комитета по проверке библиотек. Он зачитал по бумаге следующую речь:

— Как представитель Комитета по проверке, я предлагаю, чтобы жители нашего уважаемого города сожгли заодно и всю остальную негодную литературу. Все произведения, переведенные с французского, немецкого, итальянского и русского языков, можно безотлагательно сжигать. Наша здоровая культура не нуждается в разных Моравиях, Анатолях Франсах, де Мопассанах, Львах Толстых, Гейне и тому подобных развратителях народа. Долой переводную литературу! Очистим наши дома и библиотеки нашей страны! Это будет лучшим протестом против той безнравственности, в которой правительство демократов упражнялось у нас вот уже два десятка лет.

Молодой человек сунул в карман свою бумажку и спустился с трибуны. Горожане начали расходиться. Одни пошли проверять свои книжные полки, другие переместились в бар Фрэнка или в кабак «Три Короля». Но те, кто не имел ни домашней библиотеки, ни денег, чтобы подкрепиться глотком виски, остались наслаждаться общественным фейерверком. В числе последних оказался и гражданин вселенной Джерри Финн и бывший профессор психологии Борис Минвеген. Вскоре обнаружилось, что здесь были и демократы и либералы. Кто-то осмелился высказать свои мысли вслух:

— История повторяется. Новый Париж возвращается к средневековью.

Все обернулись, чтобы взглянуть на говорившего. Это оказался высокий бледный молодой человек, которому было, судя по виду, ближе к двадцати, чем к тридцати годам. Бобо подошел к нему и сказал, как знакомый:

— Психологически движущей силой всяких подобных действий являются влечения и привычки людей. Человеческие мнения складываются под воздействием иррациональных подсознательных факторов.

— Я верю в справедливость вашей точки зрения, — сказал молодой человек. — Моя фамилия Вейнберг. Доктор Эрнст Вейнберг.

— Я профессор Борис Минвеген. Приятно с вами познакомиться, доктор.

— Судя по фамилии, вы, должно быть, немецкого происхождения?

— Вы совершенно правы. Мои родители приехали в Америку из Гамбурга.

— А мои родители прибыли из Берлина. Мне было тогда полгода. Разрешите угостить вас бутылкой пива?

— Весьма охотно, доктор.

Бобо представил новому знакомому Джерри:

— Профессор Финн, преподаватель языков и хиропрактик.

— Из Шотландии, вероятно? — спросил доктор Вейнберг.

— Нет, из Финляндии, — ответил Джерри.

— Очень интересно. А куда вы едете, господа?

— На запад, — ответил Бобо.

— Где ваша машина?

— Завод еще не сделал ее для нас, — усмехнулся Бобо.

— Хорошо, разрешите, я вас подвезу? Я постоянно живу в Детройте, а сюда заехал проведать родителей. Так поедем?

— В Детройт? — спросил Джерри.

— Нет, в кабак. Проедем несколько миль к западу — там в селении, именуемом Пайк Лэйк, есть уютное местечко, где можно спокойно побеседовать.

Они втроем уселись на переднем сиденье машины и покинули Новый Париж.

— Каким способом вы намерены двигаться на запад?

— При помощи ног и большого пальца, — ответил Бобо.

Водитель усмехнулся:

— Вы, стало быть, конкурируете со студентами?

— Только в отношении путешествий.

Мистер Вейнберг свернул на узкую побочную дорогу, по обе стороны которой щиты рекламировали исключительное пиво. Уютное местечко называлось «Маленькая Германия». Это был

похожий на охотничий домик придорожный ресторан, принадлежавший какому-то американскому немцу. Когда Бобо узнал, что доктор Вейнберг — психолог и работает преподавателем прикладной психологии в заводской профессиональной школе при автомобильном заводе в Детройте, он сейчас же завел разговор о таких материях, от которых Джерри стало клонить ко сну. Он почувствовал себя брюзгливым собеседником, который в разговоре — как нищий на ярмарке. После пятой кружки он задремал, но это нисколько не помешало его товарищам по столу погрузиться в омуты гештальтпсихологии. Когда Джерри очнулся, очнулись и его приятели. Солнце уже давным-давно спрятало свою лампу, и все нормальные граждане отправились на покой. Несмотря на формальные возражения Бобо, доктор Вейнберг сам заплатил за угощение, пожелал новым знакомым счастливого пути и исчез.

— Что мы будем делать теперь? — беспомощно спросил Джерри.

Бобо пожал плечами.

— Не имею ни малейшего понятия. Во всяком случае, он оказался хорошим парнем. Мы совершенно сошлись с ним на том мнении, что при классификации учеников по степени умственного развития необходимо учитывать кривую Гаусса...

— Борис! — закричал Джерри сонно и раздраженно. — Кривая Гаусса нас не вывезет.

— Что за чушь! Неужели ты действительно будешь утверждать, что определение умственных способностей не является важным вспомогательным средством современной прикладной психологии? Утверждаешь ли ты, что...

— Я утверждаю, что ты сошел с ума! — перебил его Джерри.

Бобо приподнял очки, разгреб свою взъерошенную шевелюру и грустно покачал головой.

— Ты пьян, Джерри.

— Я трезвее тебя. Если ты по кривой Гаусса укажешь, где мы найдем ночлег, тогда твоя ученость не пройдет даром.

Бобо сделался серьезным. Он не нашел другого выхода, как просить милостыню. Поднявшись из-за стола, он направился к толстому хозяину «Маленькой Германии» для переговоров. Через минуту он вернулся и спокойно сказал:

— Дело в шляпе. В гараже у хозяина найдется место, чтобы переночевать. Но, прежде чем отойти ко сну, мы должны вымыть полы и починить парочку поломанных стульев. Словом, задания сугубо утилитарные, но в то же время психологически интересные...

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

в которой Джерри и Бобо спасаются от метели и становятся учителями

В середине ноября наши странники медленно и усердно вычерчивали своими ногами карту дорог штата Огайо. Им везло, как висельникам. Чем более жалкий вид приобретали их костюмы, тем меньше помогали им большие пальцы. В течение полутора недель только одну ночь спали они в кровати: в какой-то ночлежке Армии спасения. И вот они приблизились к городу Пэйнсвиллю. Ветер починил свои мехи и теперь дул прямо из Канады. Тонкая снежная накидка покрыла однообразную необитаемую равнину. Проносящиеся машины фыркали клубами колючего, морозного снега в лица путников, покрытые синеватым румянцем. Джерри тер свои руки цвета печенки и с жалостью глядел на товарища, огромную шевелюру которого трепало ветром, как сноп на шесте. Бобо уже дня два был удивительно молчалив и тих. Он простудился, схватил страшный насморк. Глаза его были красны и беспрестанно слезились. Низ носа и губы покрылись струпьями, и он вновь и вновь подтверждал, что самый сильный голос у человека рождается в носу: между переносицей и ноздревыми отверстиями. Шли они медленно, казалось, по дюйму в час. На длинном лесном перегоне они встретили одного вольного бродягу, который направлялся в Толедо. Это был краснолицый крепкий мужчина средних лет. Он сказал, что сделался «хобо» уже тридцать лет назад. У него был опыт и большое знание дела, и потому он каждую реплику кончал словами:

— Трудности мне неведомы.

Он дал товарищам по скитаниям полезные советы профессионала:

— Пэйнсвилль — паршивое место. Четырнадцать тысяч жителей. Не стоит застревать там надолго. Вам надо попасть в Кливленд. Там трудностей не существует.

Он положил в рот жевательного табаку и держался так, словно ни в чем не испытывал недостатка.

— Нет ли у тебя, сосед, хоть одной лишней монетки? — спросил Бобо.

— Я не женат на деньгах, — ответил мужчина гордо. — Хотите жевательного табаку?..

— Спасибо. Не употребляю.

— А, может, приятель?
— Спасибо, я тоже, — сказал Джерри.
— Больше ничем угостить не могу.

Незнакомец двинулся дальше, снова горячо порекомендовав Кливленд:

— Там можно пробыть и подольше — роскошная деревня!

Джерри и Бобо побрели к Пэйнсвиллю. Пролетающие мимо автомобилисты не обращали внимания на их поднятые большие пальцы. Надо было идти пешком.

Ветер крепчал. Он налетал и рвал одежду спереди и сзади. Сухой снег вертелся бешеными вихрями, то и дело взвиваясь высокими столбами к небу. Тут и там, преграждая путь, вырастали сугробы высотой с оленя.

Бобо начал выбиваться из сил. Он тяжело дышал, несколько раз падал и снова шел, шатаясь. Неудержимая метель забила снегом его волосы, которые стали похожи на большую кипу спутанной шерсти.

— Нам надо где-нибудь укрыться, — воскликнул он, доходя уже почти до отчаяния, с шумом высморкался и присел на сугроб. — Конец мой приходит.

— До Пэйнсвилля еще миль десять, — ответил Джерри.
— Не слышу, что ты говоришь. Подойди поближе!
— Вставай! Надо спешить.
— Я немножко отдохну.
— Нас занесет снегом. Пойдем! Пойдем скорее!

Джерри помог товарищу встать на ноги. Буря все набирала силы. Между землей и небом уже не оставалось ни малейшего просвета. Казалось, будто дорожные кюветы поднялись вертикально к небу. Мир потемнел и потерял привычные очертания.

В глазах Бобо появился жаркий, лихорадочный блеск. Он был физически слабее Джерри и потому инстинктивно хватался за руку товарища. Вдруг они чуть не стукнулись лбами об оставленный у дороги автомобиль, наполовину занесенный снегом. Вскоре показался другой, за ним третий — целая вереница автомобилей, чем дальше, тем гуще. Владельцы машин, очевидно, отправились искать убежища где-то поблизости, отдав свои машины во власть стихии.

— Отдохнем немного, — предложил Бобо.
— Лучше идти.
— Не могу больше.
— Напряги свою волю. Как делаю я.

Бобо сел возле засыпанного снегом автомобиля и стал протирать обледеневшие стекла очков.

— Воля ничего не дает, — сказал он устало. — С точки зрения психологии воля вовсе не является способностью души. Это одна лишь абстракция.

— Пусть она будет чем угодно, только здесь мы оставаться не можем. Здесь для нас — снежная могила. Идем сейчас же!

— Нет, погоди. Ты, наверно, не понял, что я сказал. Я не утверждаю, что в понятии воли не имеется известного основания, опирающегося на опыт, которое мы называем волевой деятельностью. Но речь идет не об этом, а об определенной рефлекторной деятельности, которая не имеет ничего общего с волевой жизнью. Ходьба представляет собой лишь небольшую серию рефлекторных движений, возникающих автоматически, помимо воли...

Джерри сложил обе ладони рупором и закричал:

— Перестань! Надо идти.

— Я не расслышал, что ты сказал.

Джерри, по колено в снегу, подошел к Бобо вплотную и повысил голос:

— Ты сумасшедший! Безмозглый человек! Неужели ты не понимаешь, что мы замерзнем в снегу?

Схватив Бобо под мышки, он с силой поднял его на ноги.

— Я, наверное, устал не меньше тебя, — сказал Джерри примирительно, — но, несмотря на это, надо идти.

— Об усталости не стоит спорить...

Они пошли дальше, и через некоторое время вереница застрявших в снегу автомобилей осталась позади. Среди тьмы забрезжил тусклый свет.

— Дом! — воскликнул Джерри.

— Наверное, какая-нибудь автомобильная станция.

— Это ресторан.

— А далеко?..

— Совсем рядом. Разве не видишь? Вон, слева.

Сквозь плотную снежную завесу просвечивала вывеска ресторана «Золотая тарелка». Еще несколько шагов, и они были у двери, над которой сияли неоновые буквы: «Пиво, вина, котлеты».

— Нам повезло, — сказал Бобо.

— Теперь наедимся и напьемся.

— У нас нет денег, — вздохнул Бобо.

— Заплатим психологией...

Очередной порыв бури распахнул дверь и втолкнул путников в маленький зал, из которого им навстречу хлынула приятная волна тепла и щекочущих ноздри запахов. Автоматический проигрыватель приветствовал вошедших модной песенкой Эдди Фишера: «Милая, милая, милая». За буфетной стойкой хлопотала супружеская чета итальянского происхождения, которая приняла вошедших странников, как желанных гостей. Обстановка была располагающая и непринужденная. Это был непритязательно уютный ресторанчик, посетители которого никогда не надевали чужого пальто или шляпы вместо своих. Они заходили лишь на

минутку, чтобы насладиться чашечкой кофе и на пять центов — граммофонной музыкой. Но сейчас они никуда не спешили. Разыгравшаяся снаружи свирепая метель заставила их сбиться в кучу, и через минуту они были уже как одна семья. Каждый о каждом знал все основное: семейное положение, взгляды и марку автомобиля.

— Какая у вас машина? — спросил хозяин «Золотой тарелки» у Бобо.

— Кадиллак, — поспешно ответил Джерри, так как боялся, что психолог в горячке начнет опять лекцию о пользе и значении физического движения.

— Это хорошая марка, — сказал хозяин.

— И дорогая, — добавил Джерри.

— Очень дорогая. Наш брат не может и мечтать о такой машине. У меня форд. Что господа прикажут подать?

— Портвейна, — сказал Бобо. — Это согревает. Но... Погодите минуточку. — Бобо наклонился над стойкой поближе к уху хозяина и продолжал шепотом:

— Мы бы также охотно съели что-нибудь, но у нас случайно нет с собою денег.

— Неужели совсем нет? — осведомился хозяин.

— Ни цента.

— А у вас? — спросил хозяин у Джерри.

— То же самое: ни цента. Я забыл мою чековую книжку в машине.

— Хорошо ли вы заперли дверцы машины?

— Конечно. Но я уронил ключи в снег.

Хозяин провел короткое совещание со свой женой и вернулся к гостям, покачивая головой.

— В долг угостить не можем. Очень сожалею.

Настроение Джерри померкло, но Бобо, казалось, наслаждался теплом и ароматами ресторана. Вскоре он подсел за какой-то маленький столик в углу и начал заводить знакомство с проезжими, спасающимися от метели. Джерри отправился к другому концу буфетной стойки и, бросая горящие взгляды на хозяйку ресторана, завел флирт в расчете на ужин.

— Ужасная погода, не правда ли, миссис Компотти?

— Совершенно кошмарная. По радио сказали, что движение прекращается во всем штате Огайо.

— У вас очень миленький ресторан, миссис Компотти.

— Пора бы сделать ремонт. Но где уж нам, старикам, управиться!

— Ну, вам ли говорить о старости, миссис Компотти! Вы двигаетесь, еще совсем как молоденькая девушка.

— Да, может быть... Только ноги у меня совсем плохи.

— Неужели? Так вам надо обратиться к врачу.

— Не поможет, я думаю.

— Я уверен, что поможет. Боли в ногах могут происходить из-за спины. Неправильное положение позвонков вызывает ущемление центральной нервной системы.

— Спина у меня тоже болит.

— Видите, я угадал. Я заметил это по вашей походке, миссис Компотти. У вас, по всей вероятности, была вначале легкая хондрома, из-за которой с течением времени образовалась саркома. Появляющуюся на скелете остеосаркому очень легко распознать. Вам надо непременно обратиться к врачу.

Дородная хозяйка гостиницы обеспокоенно слушала диковинные слова гостя и наконец спросила:

— Сударь, вы, наверно, доктор?

— Вы правы, миссис Компотти. Я специалист по лечению спины.

Миссис Компотти быстро направилась к грозному строю бутылок, наполнила бокал и спросила с любезной улыбкой:

— Вы ведь заказывали портвейн?

— Да, миссис Компотти. У вас еще может оказаться туморес медулле спиналис.

— Нет... Я не думаю, чтобы у меня было что-нибудь такое. Ведь это болезнь, доктор, — то, что вы назвали?

— Да, разумеется. Это часто принимают за ишиас. Область болевых ощущений зависит от того, на какие нервные пути давят наросты и опухоли. Вам непременно надо исследоваться, миссис Компотти.

— Да, возможно... возможно... Это было бы хорошо. Разрешите предложить вам еще бокальчик?

— Да, благодаря вас.

Джерри посмотрел туда, где сидел его приятель, и почувствовал удовлетворение: Бобо пил пиво с каким-то пожилым господином и докладывал о психологических и социальных причинах детской преступности. За окнами было уже так темно, что фотографы могли бы на улице проявлять свои негативы, хотя часы показывали только четверть шестого.

Миссис Компотти оставила Джерри наслаждаться портвейном, а сама пошла шептаться о чем-то с мужем. Через минуту секретный шепот перешел в громкий диалог.

— Попроси ты, — говорила миссис Компотти.

— Нет, зачем же я; проси ты сама, — отвечал мистер Компотти.

— Я не могу, мне неловко.

— Попроси, и все. Ты лучше сумеешь объяснить.

— Нет, сначала ты должен ему сказать...

— Не будь ребенком, Аделина. Это же естественное дело.

— Да, но... Нет, ты должен с ним договориться.

— Я не...

Тут жена вперила в мистера Компотти требовательный взгляд и заговорила, с силой напирая на каждое слово:

— Артуро! Ты слышал, что я сказала? Ты договоришься — и все.

— О'кэй, Аделина, — ответил муж покорно, вытер руки передником и не спеша подошел к Джерри.

— Какая досада, что вы потеряли ключ от машины, — сказал мистер Компотти.

— Я? — оторопел Джерри, у которого ложь была всегда поспешной и недолговечной. Бобо называл такую вынужденную ложь своего друга «психологическим коротким замыканием».

— Да, вы ведь уронили ключи в снег.

— В самом деле. Угораздило же меня! А я уже забыл об этом.

— Но все-таки хорошо, что вы заперли дверь.

— Дверь?

— Дверь вашей машины, сэр.

— Совершенно верно. Да, это действительно хорошо.

Джерри быстро опорожнил бокал и начал старательно протирать очки.

— У вас, доктор, такая шикарная машина, — продолжал хозяин «Золотой тарелки».

— Да... Очень элегантная.

— Такую машину можно купить только на докторские доходы...

— Конечно... Совершенно верно...

— У вас, доктор, очень высокая такса?

— Когда как... Когда как...

Беседа прервалась на мгновение. Мистер Компотти схватил с полки бутылку вина и наполнил бокал Джерри.

— Пожалуйста, доктор.

— Благодарю вас! У вас хорошее вино.

— Это французское. Калифорнийское вино — совсем не тот шик.

— Да, конечно.

Хозяин ресторана огляделся вокруг и перешел на шепот:

— У меня к вам небольшое дело, доктор.

Джерри вздрогнул.

— Да?

— Или, вернее, у моей жены. Собственно, она велела спросить... Собственно, если бы вы могли, доктор, и если это вообще удобно... И если, конечно, это не будет стоить слишком дорого...

Джерри понял теперь, о чем идет речь, и ему показалось, что он уже откусывает краешек котлеты.

— Да, мистер Компотти, — сказал он спокойно. — Судя по походке вашей жены, у нее, вероятно, что-то не в порядке со спиной. Дело в том, однако, что я не имею официального разрешения заниматься практикой где-либо, кроме Нью-Йорка. Принимая во внимание, что случай этот серьезного рода, я осмелюсь сделать отступление. Но платы я, разумеется, взять не могу. Вы, конечно, можете восполнить это как-нибудь иначе. Ну, хотя бы предложив легкий ужин мне и моему товарищу. Или что-нибудь в этом роде.

— О’кэй, доктор, о’кэй! — воскликнул мистер Компотти. — Так, может быть, сейчас?

— Я всегда готов оказать помощь больным, — сказал Джерри с холодной торжественностью.

И случилось так, как говорится в пословице: кто просит милостыню на языке страны, тот не умрет с голоду. Профессор Финн отправился размеренными шагами на второй этаж, где у господ Компотти была хорошо обставленная квартира, и принялся исследовать хозяйкины позвонки. У миссис Компотти была чрезвычайно полная спина с очень нежной кожей, живо напоминавшая картины эпохи Ренессанса. Мистер Компотти не решился вернуться вниз к своим клиентам, а остался наблюдать за процедурой.

— Здесь! — воскликнул наконец профессор Финн, почувствовав подлинное счастье искателя. — Четвертый позвонок, считая снизу. Больно?

— О да... Очень...

— Ничего, потерпи, Аделина, — сказал одобрительно супруг. — Я же давно советовал тебе пойти к доктору!..

— А здесь? — спросил хиропрактик.

— Ой, да!.. И здесь...

— Ничего, Аделина, — повторил муж.

Исследовав каждый позвонок, Джерри начал ритмическими движениями разминать спину больной. Руки мистера Компотти сжались в кулаки, и он стал тихо ругаться по-итальянски. Больная героически сносила пытку. В муках она поведала доктору, что родила четверых здоровых детей — без помощи врача или акушерки — и что в молодости она носила мешки с мукой весом до двухсот фунтов и копала клейкую красную глину под фундамент этого дома. Повесть миссис Компотти помогла Джерри в уточнении диагноза.

— Это объясняет все, миссис Компотти. Когда-нибудь вы вывихнули себе спину, и у позвонков образовались хрящевые опухоли.

— Скорее всего, — сказала больная, — я нажила эту болезнь еще раньше — когда я была в цирке.

— Так вы и в цирке работали?

— Четыре года. Но это было давно.

— Вы были танцовщицей?

— Нет, я занималась борьбой и поднятием тяжестей. Но с той поры прошло уже много лет.

Мистер Компотти повернулся к ним спиной и захихикал:

— Аделина — танцовщицей...

Джерри взглянул на мышцы рук и спины пациентки и очень хорошо понял, в чьих руках находились бразды правления маленького ресторана. Размяв еще несколько раз спину немолодой амазонки, Джерри посоветовал больной обзавестись прежде всего лечебными средствами: грелкой и бильярдным шаром. Миссис Компотти была весьма счастлива, так как и то и другое уже имелось в доме. Джерри вытер со лба пот и деликатно повернулся спиной к пациентке, которая почувствовала такую бодрость, что стала одеваться, тихонько напевая.

— Теперь очередь Артуро, — сказала миссис Компотти. — Я ухожу вниз.

Супруг забеспокоился:

— У меня в спине никаких недостатков нет...

— Доктор знает лучше тебя, — твердо сказала жена и, уходя, добавила: — Я чувствую себя новым человеком, действительно новым человеком...

— Ну, так, мистер Компотти, снимайте рубашку и ложитесь, — сказал Джерри, оставшись наедине с хозяином «Золотой тарелки».

Мистер Компотти выполнил указание с тихой дрожью. Джерри, не найдя в костистой спине пациента никаких дефектов, заключил, что мистер Компотти никогда не утруждал своей спины, как, впрочем, и головы, в которой у него было столько же костей, сколько и в

спине. Действительно, голова у мистера Компотти была исключительно развита, но главным образом за счет костяка.

— Прежде чем спуститься в зал, давайте выпьем по маленькой, — предложил хозяин. — И заодно поговорим о вашем вознаграждении, доктор.

— Ужин на двоих, — сказал Джерри скромно.

Он завел разговор и о ночлеге, но хозяин не имел решающей власти.

— Место у нас найдется, конечно, если Аделина согласится.

Но мистеру Компотти не пришлось докладывать об этом Аделине, потому что профессор Минвеген уже успел уладить такую мелочь. Когда Джерри спустился в зал, он застал Бобо в отличном расположении духа. Часть гостей покинула ресторан. У длинной буфетной стойки сидело двое молодых людей, какая-то довольно юная женщина и коммивояжер с бойким взглядом — они ожидали прибытия заказанных на ближайшей автостанции буксирных машин. Бобо сидел у пылающего камина все с тем же господином средних лет. Психолог в эти минуты не видел трудностей. На лице его пламенел простудный румянец, глаза горели за массивными стеклами очков, как две маленькие головешки, а руки как бы направляли стремительное течение слов. Увидев Джерри, он возбужденно воскликнул:

— Мы давно ждем тебя. Разреши представить тебе мистера Глена Тэккера. Мистер Тэккер — председатель правления местной школы ОСВ. Я уже обещал ему наше сотрудничество.

Джерри пожал руку мистера Тэккера и сел к столу.

Мистер Тэккер был бодрячок, переваливший за шестьдесят лет, с карими глазами и волосами, тронутыми сединой. На челюстях у него было много золота, действительную ценность которого он обнаруживал всякий раз, когда улыбался. В течение нескольких минут выяснилось, что он — человек среднего достатка, отец двоих детей, умеет читать и писать. Ему принадлежала маленькая фабрика рыболовных крючков в Пэйнсвилле и шестикомнатный жилой дом в Пайн Лэйке.

— Где находится Пайн Лэйк? — спросил Джерри.

— Вы в самом центре Пайн Лэйка, — ответил мистер Тэккер. — Летом это очень красивое место, и здесь много исторических памятников.

Мистер Компотти подал несколько котлет и мисочку картофеля, поджаренного на маргарине. Мистер Тэккер предложил было уплатить по счету, но мистер Компотти сказал:

— Доктор заплатил. Прошу вас, доктор. И, как я, вероятно, уже говорил, мы не добавляем в котлеты ни конины, ни требухи.

Хиропрактик принялся уплетать свой гонорар, уступив половину психологу. Легкий ужин был немедленно уничтожен.

— Я слышал, вы только что прибыли из Европы? — проговорил мистер Тэккер, восхищаясь аппетитом Джерри.

— В августе, сэр.

— Вам повезло, что вы вырвались оттуда, из нищеты.

Джерри не ответил. Мистер Тэккер продолжал:

— Мой старший сын во время войны был на фронте в Европе, брал немцев в плен и дослужился до майора.

— Большой чин, — признал Джерри.

— Да, так ведь мой сын был хорошим солдатом. Он перебил по крайней мере пять тысяч немцев, хотя никогда ранее не бывал на стрельбах и учениях. Вот он и стал майором за полгода.

— Это очень быстро, — подтвердил Джерри.

— Да. А теперь мой сын служит послом в Южной Америке и делает там большущие деньги. Он самый молодой посол в мире, летом ему исполнилось двадцать три года. Сигарету?

— Спасибо!

— В Европе, наверно, не бывает приличного табака?

— Нет...

— У нас есть все что угодно.

— Кроме учителей, — заметил Бобо.

— Их тоже скоро будет достаточно, когда подвезут из Европы. ОСВ уже заказало там партию — триста человек. Скоро пришлют.

— Что такое ОСВ? — спросил Джерри.

Мистер Тэккер обнажил свои золотые зубы и ответил:

— Неужели в Европе не знают, что такое ОСВ? Это Общество свободного воспитания, которое имеет свои учебные заведения повсюду на американском континенте. И Пайн Лэйк имеет учебное заведение ОСВ, а я его руководитель, так сказать, президент.

— И мистер Тэккер теперь предлагает нам временную работу, — сказал Бобо.

— Работу учителей? — осведомился Джерри.

— Совершенно верно, мистер Финн, — радостно подтвердил темноглазый президент. — Разрешите объяснить, в чем дело. В нашей школе тридцать учеников — двадцать три мальчика и семь девочек — в возрасте от двенадцати до семнадцати лет. Персонал школы состоит из двух учителей, постоянного надзирателя за порядком и дворника. В настоящий момент обстоятельства таковы, что надзиратель на прошлой неделе уволился, поступив на службу в полицию. Один из учителей уволился с работы вчера и пошел работать на шахты в Миннесоте, а другой хочет уходить через неделю. Конечно, мы должны получить новых учителей, но это будет не раньше чем через неделю, так что нам срочно требуются двое учителей на временную работу. Услы-

хав от профессора Минвегена, что вы оба временно свободны, я решил прибегнуть к вашей помощи. Что вы думаете на этот счет, мистер Финн?

Джерри на миг задумался, в то же время стараясь вглядеться в воспаленное лицо Бобо.

— Должны ли мы при этом исполнять также обязанности надзирателя? — спросил он.

— Нет, разумеется. В учебных заведениях ОСВ поддерживается приличный порядок. И в нашей школе мораль стала гораздо выше, чем год назад, когда три девочки забеременели, а одиннадцать мальчиков пришлось отправить в больницу из-за чрезмерного употребления наркотиков. Нынешней осенью произошло только два мелких нарушения порядка, но в обоих случаях дело обошлось без полиции. Правление школы, однако, считает, что нравственность еще улучшится, когда мы через неделю получим новых учителей. Один из них — бывший университетский преподаватель бокса, а другой — известный спортсмен-гиревик. Ученики уважают сильных учителей.

— Является ли ОСВ государственной организацией? — спросил Джерри.

Бобо толкнул Джерри ногой и стал делать знаки глазами.

— Государственная организация! — ужаснулся мистер Тэккер. — Неужели вам не понятно, что я не терплю социализма? ОСВ существует и действует на средства, собираемые с граждан, и на отдельные частные пожертвования, как все значительные культурные учреждения.

Мистер Тэккер закончил свой культурно-политический обзор и ждал ответа господ учителей. Джерри не проявлял особенно горячего желания, тогда как Бобо, по-видимому, относился с огромным интересом к этому учебному заведению, в особенности принимая во внимание, что сверх десяти долларов в день учителям предоставлялась полностью обставленная квартира, стиральная машина и телевизор. Холодильник считали ненужным, поскольку правление не помнило случая, когда бы учителя имели что-нибудь, чем бы его заполнить.

— Мы ведь можем попробовать, — сказал профессор Минвеген. — Мы не слишком рискуем, если принять интроспекцию в качестве психологического метода.

— Совершенно верно, — воскликнул мистер Тэккер, который думал, что интроспекция — это то же самое, что стереоскопическое кино. — Используйте любые наглядные пособия — правление, безусловно, оплатит.

— Психологию можно отлично использовать в преподавании других наук, — продолжал Бобо. — Например, социология...

— Никакого социализма! — перебил его президент. — Лучше учите только тому, что нравится ученикам.

Несмотря на сопротивление Джерри, был заключен договор, по которому хиропрактик и психолог становились временными учителями в пайн-лэйкской школе ОСВ, где нравственность улучшалась бурными темпами и где обставленная квартира предлагала бродягам ночлег и некоторые другие удобства.

Чтобы спрыснуть сделку, мистер Тэккер заказал три кружки пива, отчего сумрак в головах наших друзей стал гармонически сливаться с мраком, царящим на улице. Зазвонил телефон, и с автостанции сообщили в «Золотую тарелку», что машина фабриканта рыболовных крючков извлечена из сугроба, подтянута к станции, заправлена; все в порядке, можно ехать дальше. Когда господа собрались уходить, мистер Компотти предложил Джерри поискать ключ от его машины.

— Это безнадежное дело, — сказал Джерри.

— Хотите, я позвоню на станцию? — спросил мистер Компотти. — Они подтащат вашу машину сюда.

— Ладно, не беспокойтесь...

— Но все-таки — ведь у вас такая дорогая машина...

— Пустяки, мистер Компотти, — ответил Джерри с широким жестом. — Обождем до завтра.

Хозяйка дома тоже подошла — сказать Джерри, что она чувствует себя прекрасно — она словно стала лет на двадцать моложе.

— Я не сомневаюсь в этом, миссис Компотти. Видите: все зависит от спины.

Женщина хотела спросить о чем-то еще, но стеснялась. Наконец она набралась смелости и шепотом спросила:

— Не может ли доктор написать мне рецепт?

— Зачем? Я же дал вам указания: теннисный мяч или бильярдный шар и грелка.

— Да, конечно, конечно... Но у меня есть еще некоторые расстройства. В животе образуется чересчур много воздуха, а это ведь... Вы же знаете, доктор, как это неприятно. Особенно по ночам...

— Ну, ты не рассказывай всего, — брюзгливо заметил мистер Компотти.

— Не мне же это нужно, — ответила жена. — Ты ведь жалуешься каждый раз.

Профессор Финн стоял непоколебимо на точке зрения хиропрактики.

— Я не рекомендую вам лекарств, — ответил он. — Я совершенно уверен, что и этот недостаток пройдет через пару дней, если вы

будете регулярно делать все движения и массировать спину при помощи теннисного мяча...

— У нас только бильярдный шар, — перебила женщина.

— Действие совершенно одинаково.

— Простите, что я перебиваю, — заметил фабрикант крючков, — но мы должны ехать. До свидания, Аделина! До свидания, Артуро!

Мистер и миссис Компотти пожали руку Джерри и пожелали ему всего, что только есть наилучшего, а главное — найти ключ от машины. Когда две пружины воспитания и мистер Тэккер покинули «Золотую тарелку», мистер Компотти заметил жене:

— Не надо было говорить доктору об этом воздухе...

— Тогда прекрати свои вечные жалобы!..

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

в которой Джерри и Бобо расстаются с местом учителей ввиду недостатка чувства юмора и других предпосылок современной педагогической деятельности

Мистер Стив Нюгард родился в Швеции, но еще мальчиком переехал с родителями в Америку. Закончив образование, он стал искать свое занятие, и его дернуло стать писателем. Он потратил год на писание романа, хотя мог бы купить сколько угодно готовых романов, написанных и напечатанных без него, по два доллара за штуку. Он отлично владел американским языком и говорами средних штатов, но эти способности не находили ни у кого признания, поскольку язык долларов каждому казался проще и лучше. Стив Нюгард ухаживал года два за своей бледной музой, грезил, голодал и писал. Заканчивая писать какую-нибудь новую вещь, он испытывал такое чувство, словно еще ничего не высказал. На этот счет издатели были с ним совершенно согласны и горячо советовали молодому человеку заняться каким-нибудь честным трудом. Вопиющий недостаток учителей привлек его к педагогической деятельности, и вот через некоторое время он оказался на службе у ОСВ.

Каждый человек верит в наличие у себя педагогических способностей. Даже учителя. Никто не сомневается в результатах преподавания. Кроме учителей.

Мистер Нюгард утратил иллюзии и большую часть своих волос. В этот вечер он был настроен очень пессимистично. Он уже вторую неделю был учителем в пайнлэйкской школе и замышлял самоубийство. Это не было вызвано мрачными мыслями, обычно посещающими юношей, так как ему было уже под сорок. Это также не могло быть следствием чересчур неправильной жизни, поскольку он был еще холост. Нет! Причины были гораздо менее глубоки. Современные дети свободной системы воспитания подстроили на последнем уроке маленькую шутку: все заснули на своих партах.

Привилегию учителей составляла квартира из двух комнат почти со всеми удобствами. Одно из удобств первой необходимости находилось во дворе. Для учителей была построена маленькая будочка, в которую ученикам входить воспрещалось. Такая дискри-

минация находилась в прямом противоречии с основными принципами свободного воспитания, однако она была установлена из соображений чисто организационных. А именно: было замечено, что кооперированное удобство, в котором учителя и ученики заседали вполне равноправно, отнимало очень много времени у учителей. Они, оказывается, углублялись в слишком подробное изучение письменных упражнений, публикуемых учениками в настенной печати, а запретить эти публикации было невозможно. В целях экономии учительского времени и была введена в дальнейшем двухпалатная система.

Читатель, возможно, сочтет вышеизложенное лишь неэкономной тратой бумаги и чернил, но впоследствии он сам убедится в том, насколько существенное влияние оказала эта двухпалатная система на положение Стива Нюгарда, что в свою очередь не могло не отразиться на сюжете нашей повести.

Буря уже частично утратила свою силу, но ветер дул по-прежнему с севера. Вихрь хлестал в окно сухим снегом, и порою казалось, будто по стеклу кто-то трет куском канифоли. Но в учительской квартире на втором этаже школьного здания было тепло и уютно. Мистер Нюгард выключил телевизор, так как передавалась какая-то рекламная пьеса пивоваренного завода, и стал готовиться ко сну. В теплой фланелевой пижаме и ночных туфлях он походил из угла в угол, точно узник в тюремной камере, обдумывая планы завтрашних уроков. На его плечах и совести лежала ответственность за судьбу тридцати молодых граждан. Мистер Нюгард присел на кровать и стал размышлять вслух:

— Кто умеет, тот делает; кто не умеет, тот учит. А я, очевидно, не умею ни того, ни другого. Ученики сделали из меня дурака себе на потеху. Но через неделю этому будет конец. Я должен уйти. Сразу, как получу зарплату, уйду. Куда? Куда угодно, лишь бы убраться отсюда.

Тема ухода напомнила ему об одном очень естественном желании. Он набросил на плечи легкий халат, сунул ноги в высокие теплые калоши и с фонариком в руке вышел во двор. Злобный вихрь ударил его по лицу и легко прошел сквозь одежду, словно едкая кислота. Во дворе было наметено на фут свежего сухого снега, который волновался, кипел от ветра и скрипел под ногами, точно картофельная мука. Мистер Нюгард подобрал полы своего халата и поспешными шагами направился к выкрашенной в зеленоватый цвет одиночной каморке, в которую запрещалось ходить ученикам. Щелчок задвижки оповестил, что он благополучно добрался до цели.

Мистер Нюгард прочитал днем своим воспитанникам суровое нравоучение, которое родило соответствующий отклик в их душах, ибо, как только он запер изнутри дверь, на сцену тотчас устремился

какой-то паренек и запер его снаружи на крючок. Одновременно из-за школы выбежала группа подростков, неся две длинные доски. Не обращая внимания на протесты заключенного, молодежь приколотила доски горизонтально к передней и задней стенке, и через минуту маленькое строение двинулось в путь, поднятое силою двенадцати пар молодых рук. Мистера Нюгарда несли в паланкине, как индийского магараджу.

— Мерзавцы! Гангстеры! — слышалось из будки.

Но внешний мир отвечал только сдержанным хихиканьем.

— Я застрелю вас! Прекратите эту собачью игру! — раздавалось из маленького убежища, которое, вопреки всем правилам, ужасно раскачиваясь, неслось куда-то вперед.

Мистер Нюгард бросал свои слова на ветер. Сквозь изящно вырезанное отверстие в сиденье внутрь кабины летел снег. Пленник закрыл отверстие крышкой и начал колотить в дверь. Он не понимал современного юмора, от которого по всему его телу пошла гусиная кожа. Он весь дрожал от холода и от бездонной, беспомощной злости. Наконец он покорился судьбе, как мужчина, который не может обвинить в своих несчастьях жену.

Паланкин качался, точно во власти свирепых волн, и мистер Нюгард почувствовал приступы морской болезни. Он сидел скрючившись, просунув руки между колен. Бесполезно было просить, молить о пощаде, потому что это лишь привело бы в восторг его веселых носильщиков.

Мистер Нюгард потерял ориентировку во времени и пространстве. Морская болезнь свела судорогой его живот, он почувствовал дурноту. Вдруг паланкин с треском ударился о землю и остановился. До ушей пленника вновь донеслось завывание ветра и веселый детский смех. Через мгновение он различил удаляющиеся шаги: каннибалы ушли, оставив своего воспитателя на большой дороге, на самой середине моста. Буря со временем утихла настолько, что мистер Нюгард расслышал где-то внизу мирное журчание реки. Он открыл окошко в сиденье и с помощью карманного фонарика попытался обследовать ограниченно видимую местность, но злобный вихрь запорошил ему глаза снегом, советуя закрыть люк. Усталый и окоченевший страдалец снова сел и предался мечтам о свободе. Вдруг послышалось урчание приближавшегося автомобиля и раздался нетерпеливый гудок. Мистер Нюгард скрестил руки и закрыл глаза. Звуки приближались и нарастали, и вдруг тишину разорвал визгливый вопль тормозов. Мистер Нюгард закрыл лицо одеревеневшими ладонями, ожидая своего конца.

— Эй там, убирайтесь с моста! — повелительно крикнул мистер Тэккер.

Из маленькой кабинки никто не отвечал.

— Разрешите вас побеспокоить, господа? — сказал мистер Тэккер, оборачиваясь к своим пассажирам. — Какой-то негодяй загородил мост.

Бобо и Джерри вылезли из машины и последовали за мистером Тэккером на мост. Фабрикант рыболовных крючков подошел к странной заснеженной баррикаде, установленной на мосту, и в изумлении воскликнул:

— Да ведь это же школьный сортир! Новый нужник из нашей школы!

Он заметил приколоченные к стенкам будочки длинные доски и покачал головой.

— Должно быть, что-то произошло.

— Откройте!.. — послышался изнутри слабый жалобный голос.

— Кто там? — спросил мистер Тэккер.

— Я, Стив Нюгард...

— Что вы там делаете?

Мистер Нюгард не в силах был ответить. Фабрикант крючков принес из машины короткий ломик и разводной ключ и принялся освобождать узника, пыхтя себе под нос:

— И каким чудом эти ребята притащили сюда клозет? Надо же иметь силу! Четверть мили тащить!.. И в такую погоду...

Джерри и Бобо молча наблюдали эту сцену. Мистер Тэккер, открыв наконец дверь, направил луч своего карманного фонаря прямо в лицо мистера Нюгарда и совсем ослепил его. Замерзшего и

оцепеневшего от ужаса учителя пришлось отнести в машину на руках. Баррикаду оттащили с моста, и квартет тронулся в путь, испытывая весьма смутные чувства.

Когда они прибыли в школу и поднялись на второй этаж, в комнаты, предоставленные учителям, мистер Нюгард уже обрел дар речи. Он бросил на председателя правления школы испепеляющий взгляд и проговорил, задыхаясь:

— Я требую немедленного расчета. Это заходит слишком далеко, мистер Тэккер.

— Какие пустяки, — возразил мистер Тэккер. — Вы должны понимать молодежь. Вся воспитательная программа нашей школы основана на развитии инициативы учащихся. У вас нет чувства меры, мистер Нюгард. Вы не чувствуете юмора.

Мистер Нюгард с презрением оглядел своих новых коллег и спросил у Бобо:

— Какого калибра у вас пистолет?

— У меня нет никакого пистолета.

— Ну, а кастет или дубинка?

Бобо отрицательно покачал головой.

— Вы должны спешно обзавестись каким-нибудь оружием, — продолжал истерзанный учитель. — В этой школе могут управиться только молодцы, вооруженные до зубов.

Мистер Тэккер был явно недоволен.

— Мистер Нюгард, — сказал он успокоительно, — вы немного разгорячились из-за невинной шутки ребят, но вы не пугайте новых учителей такими громкими словами. Мальчишки — всегда мальчишки.

— Я требую расчета, — ответил мистер Нюгард. — Завтра я уеду.

— Завтра мы все это уладим.

Мистер Тэккер направился к выходу и, обернувшись к новым учителям, сказал:

— Ну вот, господа. Стало быть, это ваша квартира. Надеюсь, вам здесь понравится. Завтра я буду рад вас приветствовать и представлю ученикам. Я уверен, что деятельность ОСВ вас заинтересует.

После этих изысканных слов мистер Тэккер удалился.

Мрачный и подавленный, мистер Нюгард не захотел оставаться в обществе новых сослуживцев, чьи потертые костюмы и загорелые, покрытые щетиной лица носили слишком свежий отпечаток бродяжьей школы житейских превратностей. Он пошел спать.

Утром Джерри и Бобо смогли засвидетельствовать, что мистер Нюгард уехал. На столе была оставлена записка, содержащая короткие указания новым учителям и сухие слова прощания. Странники смогли теперь получше ознакомиться со своим, входящим в

натуроплату, жильем и его удобствами. В шкафах валялись оставленные их предшественниками старая одежда, бритвенные принадлежности и книги. Друзья воспользовались предоставленной натуроплатой и привели свою внешность в более или менее сносное состояние. В буфете они нашли мешочек сухарей, сахар и кофе. Жизнь снова улыбалась им.

Метель совершенно затихла, мощные грейдеры расчищали дорогу от снега. Из окон учительской квартиры открывался вид на шоссе, обрамленное громадными щитами реклам: пиво, мыло для бритья, зубная паста и запальные свечи. На ответвлении дороги, идущем к школе, был знак, дружески предупреждающий водителя: «Берегись школьников!» Поэтому автомобили проносились мимо школы, прибавляя скорость.

Без четверти восемь явился мистер Тэккер, чтобы приветствовать учителей. Услыхав об исчезновении мистера Нюгарда, председатель правления рассмеялся:

— Прекрасно. Его зарплату мы передадим в ученическую кассу, на карманные расходы учеников. А теперь, господа, вы должны ознакомиться с уставом нашей школы. Вот, смотрите!

Он подал Джерри и Бобо изящно отпечатанный картон, на котором друзья прочли следующее:

Десять заповедей учителю ОСВ

1. Всегда ясно помни главную цель.
2. Сдерживай себя.
3. Не бей ученика, за исключением случаев самозащиты.
4. Не называй ученика глупым, ибо учитель, который не может научить, сам глуп.
5. Никогда не взваливай ответственность на ученика.
6. Не запрещай ученикам разговаривать между собою на уроке, ибо хорошее умение разговаривать открывает путь к успеху.
7. Не зови надзирателя или дворника на помощь, если нет прямой угрозы твоей жизни.
8. Не навязывай ученикам такой учебы, которая им не нравится.
9. Всегда уважай в учениках инициативу.
10. Прививай ученикам понимание того, что школа ОСВ — хорошее учебное заведение.

— Интересно! — воскликнул Бобо. — Психологически это очень интересно.

Но Джерри молчал. По его мнению, путь хиропрактики был все-таки несравненно глаже, если не обращать внимания на отдельные, особенно неправильные позвоночники.

— Я забыл вчера сказать, что учителя могут пользоваться школьной легковой машиной, — щедро добавил мистер Тэккер.

— Итак, если вам понадобится машина, попросите ключи у дворника.

Он взглянул на часы и продолжал:

— Теперь мы можем спуститься, и я вас представлю классу.

Из просторного гулкого класса доносился страшный шум. Мистер Тэккер распахнул дверь, и ученики вдруг замолкли от изумления: к ним опять привели новых учителей.

— Ну вот, друзья мои, — начал мистер Тэккер, — садитесь по местам, и я представлю вам временных учителей. Вот этот господин — профессор Минвеген, у него большой опыт в области психологии...

Ученики начали хихикать. Мистер Тэккер продолжал:

— А это — мистер Джерри Финн, недавно приехавший из Европы. Он будет преподавать вам изложение, историю литературы и биологию.

Тридцать пар юных глаз обратились на гражданина вселенной. Красивая волна перешептывания прокатилась через весь класс. Постепенно шепоток перешел в тихий ропот, а затем — в такой громкий шум, что мистер Тэккер поспешно удалился в учительскую комнату, сопровождаемый Джерри и Бобо. Фабрикант рыболовных крючков озабоченно поглядел на часы, сказал, что очень торопится, и посоветовал учителям просмотреть классный журнал.

— Из него вам все станет ясно, — сказал он с широким жестом. — И помните добрую традицию нашей школы: каждый урок начинать коллективной песней.

Мистер Тэккер направился к выходу, обещав зайти вечером проведать учителей. В дверях он опять задержался на миг, вспоминая о чем-то. Внезапно лицо его прояснилось, и он сказал:

— Да! Вам придется пока пользоваться ученической уборной. До свидания, господа!

— Что нам теперь делать? — спросил Джерри беспомощно, когда мистер Тэккер закрыл за собою дверь.

— Начнем работать, — ответил Бобо, энергично чихая. — Ты иди, начинай, а я тем временем изучу журнал.

Джерри обдернул на себе пиджак и с наигранной бодростью вошел в класс, который был до краев полон табачным дымом.

— На уроках курить нельзя, — сказал он строго, — ни тайком, ни открыто. Каждый должен выполнять требования школьного устава.

Нависла угрожающая, тяжелая тишина. Джерри предложил ученикам спеть национальный гимн, но так как никто не знал ни слов, ни мелодии, то он согласился на собственный выбор класса: спели хором известный боевик Рубена Вильямса «Я у входа в

храм в глаза твои влюбился», а затем танго Джин Отри «Беспечный любовник». Ученики еще долго раскачивались на партах в такт танго после того, как пение было окончено. Джерри постучал указкой по столу и попросил тишины, но дети подумали, что он отбивает такт, и снова спели «Беспечного любовника», правда, на этот раз помедленнее. Таким образом, урок начался под знаком медленного, шаркающего танго. После этого пошло шушуканье и громкий шелест бумаги, порожденный развертыванием жевательных резинок. Тридцать пар челюстей одновременно занялись национальным американским спортом. Джерри смотрел на класс, ожидая тишины, но шум усиливался. Какой-то паренек положил ноги на парту и развалился в директорской позе.

— Убери ноги с парты! — прикрикнул Джерри.

Паренек как будто не слыхал.

— Убери ноги! — повторил Джерри громче прежнего.

— Это вы мне? — удивленно спросил мальчик.

— Да, тебе. Неужели тебя не учили хоть немного хорошим манерам?

— В свободной школе манеры не нужны.

— Ишь ты, какой разговорчивый! Встань. Как тебя зовут?

Мальчик поднялся, не спеша вышел из-за парты и стал, засунув руки в карманы. Это был высокий, темноволосый подросток, верхнюю губу которого украшали первые всходы усиков. На нем была школьная форма: синие фермерские штаны и клетчатая рубашка.

Джерри нашел фамилию мальчика на схеме, лежавшей на столе, но, не будучи в состоянии прочесть ее, повторил вопрос:

— Как тебя зовут?

— Станислав Валентин Дренцкевдодевицкевич, — ответил молодой человек.

— Назови по буквам.

Паренек перечислил кучу гласных и согласных с такой скоростью, что Джерри невольно проникся уважением к его языку.

— Хорошо, садись. Так ты, значит, поляк?

— Нет, я настоящий американец. Я приехал в Америку, когда мне было полгода.

— И все равно ты поляк. Настоящие американцы — это индейцы.

Класс ответил взрывом протеста. Какой-то белобрысый мальчишка энергично замахал рукой, требуя слова.

— Пожалуйста, что ты хочешь? — спросил его Джерри.

— Я только хотел заметить профессору...

— Встань, когда говоришь! — потребовал Джерри.

— У нас не встают, — отбрил мальчишка. — Я хочу только заметить, что все американцы — белокожие, а негры и индейцы — чужие.

— Кто тебя учил этому?

— Я это и так знаю, — ответил мальчик.

— Как твое имя?

— Уэсли Кэтзервуд. Я родился в этой стране, и мною не командуют.

— Вот как, — проговорил Джерри сухо. — Теперь ты школьник и должен выполнять требования учителей.

Класс ответил новым взрывом протеста. Слова потребовала сидевшая рядом с Уэсли маленькая барышня, волосы которой были добела выкрашены перекисью водорода, а ресницы — дочерна сапожным гуталином. Класс стих. Маленькая Мэрилин попробовала отодрать жевательную резинку от своих новеньких искусственных зубов, растянув клейкую жвачку в длинную тонкую нить, и сказала:

— Профессор, должно быть, не знает, что отец Уэсли — владелец большого универмага в Пэйнсвилле?

— Нет, этого я, к сожалению, не знал, — удивленно ответил учитель. — Но какое это имеет отношение к делам школы?

— Отец Уэсли — один из учредителей ОСВ и больше всех жертвует для нашей школы.

На лице Уэсли Кэтзервуда появилась надменная улыбка победителя. Он достал из кармана пригоршню жевательных резинок в красивых обертках и начал разбрасывать их по всему классу. Маленькая Мэрилин старательно пудрилась и уже превратилась в со-

вершенное подобие Марлен Дитрих: она казалась такой же томной и усталой. Джерри Финн прикусил губу, чувствуя, что проиграл первый раунд схватки. Он стал поправлять очки и решил изменить педагогическую тактику.

— Дорогие друзья! По расписанию теперь у нас должен быть урок истории литературы.

— Аааэээоооххх! — послышался дружный зевок класса.

— Из классного журнала я узнал, что на последнем уроке вам с помощью учебного фильма было рассказано о сущности литературы. Может ли кто-нибудь из вас теперь коротко ответить, что такое литература в широком смысле слова?

Никто не выразил желания. Джерри спокойно ждал некоторое время, но наконец решил пойти классу еще немного навстречу:

— Все письменные и печатные творения человеческого духа вообще называются литературой...

— Сухо! — простонала какая-то утонченная душа на задней парте.

Джерри постучал указкой по краю стола и продолжал:

— Однако возьмем теперь литературу в ее более узком значении и рассмотрим ту ее часть, которая называется художественной литературой.

— Мура! — раздалось на задней парте.

— Старомодно! — заметил Станислав Валентин Дренцке... и т. д.

— Давайте смотреть кино! — предложил кто-то.

— Кино! — закричал весь класс. — Давайте нам кино!

— Стереоскопическое! — заметил Уэсли Кэтзервуд. Мой папаша заплатит.

Джерри ждал тишины. Но наконец он стал бить кулаками по столу и закричал:

— Тихо!!

— Мы имеем право говорить! — крикнул какой-то круглощекий, упитанный мальчуган в первом ряду.

— Я прошу тишины! — повторил учитель. — Это не кинотеатр, а школа.

Джерри подошел к доске, взял мел и повысил голос:

— Для того чтобы дремать или ворковать в темноте, существуют кинотеатры, а в школе Общества свободного воспитания вы насладитесь плодами просвещения. Достаньте записные книжки и ручки! Сейчас мы рассмотрим различные виды, или жанры, литературы. Художественная литература имеет три основных жанра: лирический, драматический и эпический.

Джерри обратил к классу свою спину и прикоснулся скрипучим мелом к блестящей черной поверхности доски. Но едва лишь он успел написать слово «лирика», как получил неприятный удар по затылку. Мел выпал из руки учителя, и он медленно, стирая с затылка красноватый томатный сок, повернулся к классу.

— Кто бросил? — спросил он требовательно.

Три десятка воплощенных надежд на будущее молчали, как чулок в сапоге.

— Кто бросил? — спросил Джерри снова.

Ответа не было. Молодые подбородки дружно работали, перемалывая жевательную резину, и вина скрылась в прекрасной солидарности. Джерри снова показал классу спину, поднял с пола мел и неожиданно обернулся назад. Дети сидели, мирно скрестив руки, потому что знали коварные приемы учителей, рассчитанные на то, чтобы захватить врасплох. Джерри вспомнил успокоительные слова седьмой заповеди: «Не зови надзирателя или дворника на помощь, если нет прямой угрозы твоей жизни». И в самом деле: с ним ведь пока еще никакой беды не случилось!

Профессия учителя всегда немного беспокойна, поскольку хорошие советы легче давать, чем принимать. Он решил продолжать урок, как будто совершенно ничего не произошло.

— Итак, наиболее глубоко эмоциональный и в то же время наиболее непосредственный литературный жанр — это лирика. Но пойдем дальше!

Он повернулся, чтобы написать на доске слово «драма», однако оно застряло на первой букве, потому что класс начал теперь широкое наступление. Тухлые яйца и гнилые помидоры взрывались,

точно гранаты. Как бывший солдат, Джерри бросился животом на пол и уполз по-пластунски за доску, в укрытие. Протухшие до появления на свет цыплята растекались у него по спине и по плечам, распространяя отвратительное зловоние сероводорода. Обстрел на мгновение прекратился. Джерри воспользовался передышкой, улучив удобный момент, поднялся и выскочил из класса. Неожиданно для Бобо, углубившегося в изучение классного журнала, он вбежал в учительскую.

— Уже кончился урок? — спокойно спросил психолог, не отрывая глаз от огромной книги.

— Да, — ответил Джерри, с трудом переводя дыхание. — И вместе с ним окончилась моя учительская карьера в школе свободного воспитания. Я слишком старомоден. Не гожусь в учителя современной молодежи.

Бобо закрыл журнал и встал, чтобы подивиться виду своего друга.

— Тебе не хватает психологической смекалки. Ты, очевидно, не знаешь, что психический процесс нельзя пытаться задержать или приостановить. Э-э... Ч-чем это здесь пахнет?

Бобо потянул воздух своим простуженным носом и только теперь заметил пятна на костюме Джерри.

— Что случилось? Джерри, что ты наделал?

— Я учил, — коротко ответил Джерри.

— Учил?

— Вот именно. Преподавал начала литературы. А в награду был удостоен гнилых томатов и куриных зародышей. Бобо, я думаю уходить.

— Нет, Джерри. Я обещал мистеру Тэккеру, что мы будем исполнять обязанности учителей в течение недели. Ты должен приучить себя к новым манерам, или, вернее, забыть все старые привычки. Я уверен, что злость твоя пройдет, как только ты начнешь исследовать ее интроспективно. Например, экспериментальная психология...

— Перестань, — оборвал его Джерри. — Ты сумасшедший!

— Ты это говорил и раньше.

— И ты до сих пор мне не веришь? Мистер Нюгард был прав: с учениками этой школы надо разговаривать с пистолетом в руках и противогазом на лице. По классному журналу видно, что здесь еще ни один учитель не продержался больше недели. Я хорошо понимаю, почему они уходили. И я уйду тоже.

Бобо вздохнул:

— Все это оттого, что учителя неспособны решать психологические проблемы. Они не понимают, что обучение надо начинать с тренировки человеческих взаимоотношений. Когда я был профессором психологии в Бостоне... Ты не слушаешь?

— Нет. Я иду наверх чистить костюм, а потом к дворнику за ключом от машины.

— Действительно! Мы ведь можем воспользоваться нашей служебной машиной и в перерыв съездить в Пэйнсвилль, — воодушевился Бобо.

Джерри удалился, не говоря ни слова. Бобо пожал плечами и запустил пятерню в свою косматую гриву. Он весь горел учительским вдохновением. Он намеревался посвятить урок теме «Психология и этика» — у него были сделаны уже кое-какие заметки.

Очаровательно улыбаясь, он вошел в класс, наполненный запахами тухлых яиц, гнилых помидоров и прогорклого табачного дыма. Ученики ответили на его улыбку сдержанными смешками, и Бобо ощутил первое конкретное соприкосновение со своими воспитанниками.

— У вас принято курить на уроках? — спросил он с той же сияющей улыбкой.

— Принято, — ответил маленький, чахлого вида мальчик, имя которого — согласно схеме класса, имевшейся на учительском столе, — было Дэвид Бентон.

— Хорошо, — сказал Бобо. — Может быть, вы и меня угостите сигаретой?

По классу прокатилась волна сдержанного шепота. Соседка Уэсли Кэтзервуда достала из сумочки и бросила Бобо сигарету.

— Благодарю вас, барышня! — воскликнул Бобо, закурил и сел к столу.

Сделав затяжку, Бобо заметил на последней парте паренька и девочку, которые целовались.

— А целоваться на уроках у вас тоже принято? — спросил учитель.

Никто не отвечал.

— Если рассмотреть психологически, — продолжал Бобо, — целоваться гораздо удобнее на переменах или по пути домой. Но если кто-нибудь из вас испытывает непреодолимое желание целоваться на уроках, то прошу заявить об этом мне.

В классе стало тихо, как в церковной ризнице. Таким образом, Бобо выиграл первый раунд.

— А теперь споем! — энергично предложил он и встал.

Предоставив инициативу выбора ученикам, Бобо услыхал три новейшие, самые модные песенки: «Хи-лили, хи-ло», «Только ты, мой милый» и «Целуй меня сильнее, Джон!»

Обстановка была свободная и непринужденная, настолько свободная, что паренек на задней парте, имя которого, согласно схеме, было Джон Блэкшиф, начал взасос целовать темноволосую девочку. Чтобы приступить к теме урока, Бобо начал с обстоятельств переживаемого момента.

— Дорогие друзья! Ни один человек не может недооценивать значение поцелуя. Вначале это пустяк, невинная привычка, но потом это уводит очень далеко. В современных романах поцелуй — это зачастую гвоздь всей книги, вокруг которого вертится большое количество побочных, второстепенных событий. Если рассматривать механически, поцелуй — это как бы печатное произведение, которое, однако, исполняется устно. Также можно сказать, что поцелуй есть соединение, или контакт, двух сосущих органов. Дома вы наверняка замечали, что ваши маленькие братишки и сестренки получают поцелуи свободно. Но молодым людям зачастую приходится их воровать, а старикам — покупать. Первый поцелуй бывает в жизни только один раз, и он остается в памяти даже после того, как последний поцелуй уже забыт. Поцелуй рождает у молоденькой девушки веру, у замужней женщины — надежду, а у старой девы или у пожилой одинокой женщины — христианскую любовь.

С последних парт поднялась волна шепота и покатилась через весь класс, разрастаясь в тихий ропот. Кто-то произнес довольно громко:

— В этом же нет ничего нового... Старая болтовня...

Бобо заглянул в свои записи. Тема «Психология и этика» требовала все-таки более обстоятельной разработки. Поэтому он снова принялся мотыжить почву следующими словами:

— Профессор бактериологии Бриан из колледжа Балтимор Сити исследовал опасность заражения болезнями через поцелуй и установил, что с каждым поцелуем из уст в уста передается в среднем сто сорок три бактерии. Из них от пятнадцати до семидесяти двух — болезнетворные. Передача бактерий находится в прямой пропорциональной зависимости от продолжительности и страстности поцелуя. Итак, чем дольше и горячее ваш поцелуй, тем вернее вы получите сами или передадите в подарок другому бактерии...

— Это неправда! — перебил Станислав Валентин с длинной и сложной фамилией, которую слишком трудно произносить, писать и набирать.

— Это правда, — подчеркнул Бобо. — Профессор Бриан научно утверждает, что бактерии лучше всего чувствуют себя в пухленьких, нежных губах юных школьников, но зато избегают холодных и сухих губ стариков. Когда целуются курильщики, опасность заражения оказывается втрое меньше нормальной. Всем этим я хочу только сказать, что поцелуй вообще является бактериологически сомнительным актом. Если же мы приступим к рассмотрению предмета в свете психологии и этики, то...

Тут Бобо пришлось получить первый помидор, который вдрызг разбился о его грудь. Искренне удивляясь, он начал протирать очки, забрызганные красным соком.

Теперь мы дадим немножко поработать воображению читателя и, оставив на некоторое время Бобо лицом к лицу с его учениками, отправимся по лестнице на второй этаж школьного здания, в учительскую квартиру, где Джерри Финн наслаждался в это время утренним кофе в обществе школьного дворника, мистера Редмэна.

— И как сказано, господин профессор, — говорил дворник с южным акцентом, — машина всегда в вашем распоряжении. Она только немножко застыла, застоялась; но если ее чуточку подтолкнуть, так она прямо ой-ой как пойдет.

— Хорошо, мистер Редмэн. Я думаю съездить с профессором Минвегеном в Пэйнсвилль.

— Так я выкачу машину из гаража во двор. Кстати, доктор, как вам у нас нравится?

— Превосходно! Хотите еще кофе?

— Нет, довольно. Это хорошо, что вам нравится. Вы и в Европе были учителем?

— Да, в Финляндии.

— Вот как! Говорят, это очень холодная страна. Снег и лед лежат зимой и летом. Как же там могут жить люди?

— Так и этак...

— Вот то-то я и думаю. Впрочем, эти финны ведь, кажется, монголы?

— Ага...

— А вы, доктор, совсем похожи на человека, то есть...

— Вы мне льстите, мистер Редмэн.

— Ничуть. Я родом из Техаса. Техас после Соединенных Штатов — самая большая страна на свете. Поэтому там и неграмотных так много. Но грамотность ведь и не очень-то нужна. Доллар, во всяком случае, каждый умеет отличить.

Джерри уже усвоил свободные манеры и, встав из-за стола, начал переодеваться в костюм, найденный в чулане. Дворник никуда не торопился. Он, видимо, ждал оттепели, чтобы не убирать снег. Вдруг внизу послышался ужасный шум и крики о помощи. Джерри беспокойно взглянул на своего гостя, мирно пьющего кофе, и с тревогой спросил:

— Вы слышали? Кто-то зовет на помощь.

— Там, верно, маленькая стычка. Не стоит обращать внимания.

— Но кто-то зовет на помощь. Надо туда пойти.

Мистер Редмэн медленно поднялся и сказал в раздумье, растягивая слова:

— По школьному уставу я не должен вмешиваться, пока меня не позовут специально. Разве только, если начнется перестрелка. Но за последнее время у нас было очень спокойно, очень спокойно, мистер Финн. Президент школы даже сказал как-то на днях,

что наша мораль теперь пошла в гору. Помощи полиции не требовалось уже несколько недель.

Шум тем временем усилился, раздался жуткий грохот и треск. Джерри ясно различил голос Бобо, вопившего о помощи.

— Мистер Редмэн, мы должны идти немедленно! — сказал Джерри решительно, открывая дверь.

— О'кей, доктор. Теперь пойдемте.

Джерри толкал впереди себя плечистого техасца, который продолжал говорить без умолку.

— А в вашей Финляндии школы есть? — спрашивал мистер Редмэн, вовсе не думая спешить.

— Две-три, — отвечал Джерри, пытаясь ускорить шаги.

— Зато в нашей стране их много. И хорошие. И дорогие...

Тут слова дворника потонули в сокрушительном грохоте и душераздирающих криках, вырвавшихся из класса. Расстегнув свою рабочую блузу, техасец достал два висевших на поясе длинноствольных пистолета и распахнул дверь. Затем он с деловитостью танка вошел в класс и спокойно сказал:

— По местам!

Он оглядел просторное помещение и потянул носом воздух.

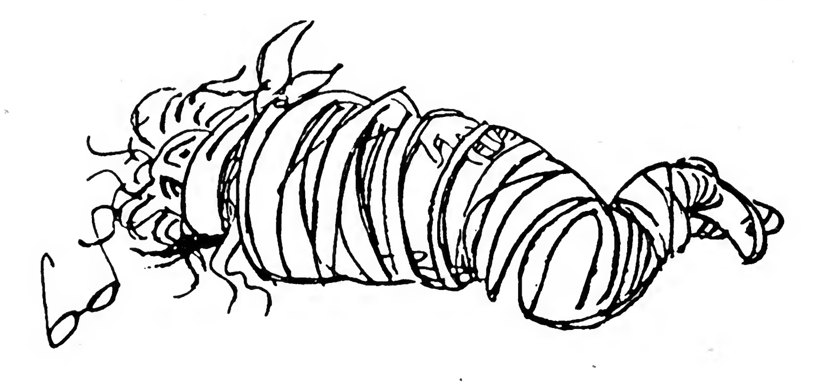
— Опять здесь курили марихуану. Кто позволил?

— Профессор Минвеген разрешил, — ответила беловолосая девочка, которая в начале урока угостила Бобо сигаретой, содержащей гашиш.

В классе царил полнейший разгром. Почти все парты были разбиты вдребезги, карты и таблицы — изрезаны ножами и изодраны в клочья, а стены и потолок залиты чернилами. Под перевернутой доской лежал Бобо, связанный по рукам и ногам и весь измазанный томатным соком.

— Развяжите старика, — сказал дворник, спокойно поглядывая на класс.

Какой-то веснушчатый мальчик разрезал веревки, которыми был опутан Бобо, и помог профессору выбраться из-под тяжелой

доски. Психолог, шатаясь, поднялся, бросился в объятия Джерри и громко зарыдал:

— Я совершил психологическую ошибку... Не принял... во внимание... их полового влечения... Я был уверен, что детерминирующая тенденция... уже создала... необходи...

— Отведите его проветриться, — обратился к Джерри дворник. — Я думаю, он тоже накурился этой гадости.

Джерри увел друга наверх, а мистер Редмэн остался выяснить обстановку. Стиснув пистолеты в своих огромных ладонях, похожих на хлебные лопаты, он постоял некоторое время молча, испытующе глядя на всех прищуренными глазами, и наконец сухо спросил:

— Кто заплатит за это?

Ученики стояли маленькими группами среди нагроможденных обломков парт и молчали. Но вот Уэсли Кэтзервуд, сын богатого коммерсанта и одного из учредителей ОСВ, выступил на два шага вперед и надменно сказал, доставая из нагрудного кармана чековую книжку:

— Сколько, мистер Редмэн?

Дворник неторопливо оглядел классную комнату и, подумав, сказал:

— Этот раз похуже, чем неделю назад. А тогда ремонт и уборка стали в две тысячи долларов.

Юный Уэсли Кэтзервуд поиграл золотой паркеровской ручкой и повторил вопрос:

— Короче! Сколько, мистер Редмэн?

— Пиши три тысячи... Или давай пиши уж — три с половиной.

Юный Уэсли Кэтзервуд, отец которого владел большим универсальным магазином и несколькими нефтяными скважинами в Техасе, подал дворнику чек и сказал:

— Я тут написал четыре тысячи, и вы заткнете свою глотку!

— У меня — крепко, — пообещал мистер Редмэн и продолжал медленно, растягивая слова: — А теперь ступайте все по домам и скажите, что школа закрылась на несколько дней. Взорвался паровой котел центрального отопления. Ясно, ребята?

* * *

Стив Нюгард при поспешном отъезде забыл в гардеробном чуланчике чемодан, содержимое которого помогло нашим бродягам экипироваться. Они воспользовались одеждой товарища по несчастью, а свои носильные вещи запихнули в чемодан, на место взятых. Профессор Минвеген, докторская диссертация которого была посвящена психологии смеха, погрузился в глубокую меланхолию и даже перестал улыбаться. Он чувствовал невыносимую боль в

висках, потому что не привык курить сигареты, начиненные одуряющей марихуаной. Его угнетенное состояние усугублялось, кроме всего прочего, грызущим самообвинением:

— Я совершил психологическую ошибку.

— Ну, придумай наконец какое-нибудь новое объяснение, — заметил Джерри, которому все надоело и который с нетерпением следил за одеванием друга. — Признайся прямо, что психология животных тебе недостаточно хорошо известна.

— Да нет, известна. Я ведь полтора года работал ассистентом в психологической лаборатории Бостонского университета, и тогда мне пришлось изучать приспособление животных к различным условиям жизни. Теперь, обдумывая последние события, я вижу, что возможности экспериментального метода были чрезвычайно ограниченны. Во всяком случае, квантитативно проанализировать их было невозможно, и лишь в очень ограниченной степени — экспериментально...

— Торопись! — прервал его Джерри.

— Я стараюсь, как могу. Меня мучит жажда.

— Воду из крана пить нельзя. Она буроватая, как пиво, и пахнет мочой. Ученички загрязнили колодец. Дворник говорит, что посылал воду в Кливленд на анализ и оттуда пришел короткий ответ: «Ваша лошадь больна диабетом...»

Бобо вздохнул:

— Несчастная школа... Откуда ты брал воду для кофе?

— Натаял снега. Ты уже готов?

— Сию минуту...

Бобо оглядел комнату с расстроенным видом.

— Это очень безнравственно — уходить таким образом, — сказал он подавленно. — А мистер Тэккер так доверял нам!..

Бобо для верности заглянул в продуктовый шкаф и схватился за мешок с сухарями.

— Ты думаешь, что мы можем взять это себе на дорогу?

— Бери!

— Значит, по-твоему это не воровство?

— Нет, просто плата за труд.

Джерри высыпал остатки рафинада из сахарницы в тот же мешок с сухарями и сказал:

— А это надбавка к зарплате.

Психолог вздохнул и глубокомысленно произнес:

— Теперь люди ежедневно требуют надбавок и повышения всех видов платы, кроме платы за грехи.

— Ну, идем?

— Сейчас...

Бобо продолжал осматривать комнату, словно искал что-то. Вдруг он заметил на окне коробочку талька и схватил ее.

— Подожди еще минуточку. Я разуюсь и пересыплю тальком пальцы на ногах.

— Зачем?

— Удобнее идти. До Пэйнсвилля почти восемь миль.

Джерри сделал шаг к дверям и сказал торжественно:

— На этот раз мы не пойдем, а поедем на машине.

Моральное опьянение всегда вызывало у Бобо моральное похмелье. Он не желал делать ничего необдуманного и недозволенного.

— Нет, Джерри. Не пойдет. Это было бы воровством.

— Почему? Мы же имеем право пользоваться школьной машиной.

— Но не для бегства.

Джерри остановился в раздумье. Уважаемый читатель может подтвердить, что за время течения нашей повести Джерри Финн не совершил еще ни одного преступления, о котором стоило бы упоминать. Но теперь, именно теперь он готов был пойти на это. Его оскорбили, одурачили, осрамили, и в тесной мышиной норе его самолюбия гнездилась мысль хотя бы о небольшом удовлетворении. Он героически поставлял ученикам общекультурные ценности и считал себя вправе минимально участвовать в дивидендах фирмы. Прокат школьного автомобиля казался ему вполне подходящим вознаграждением. Он посмотрел прямо в лицо своему компаньону и спокойно сказал:

— Друг мой, если мы проедем на машине до Пэйнсвилля, то это все-таки еще не составит нашей дневной зарплаты. Иными словами: мы все еще будем страдать от снижения ставки.

— Зарплата вообще повсюду снижается — не снижается лишь плата за грехи, — возразил психолог.

— Эту гениальную мысль ты уже только что высказывал.

— Кажется, я говорил нечто подобное, но только наоборот. Можно доказать научно, что существует примерно пять тысяч способов выражения одной и той же мысли.

— Ты гений, Бобо!

— Гениями обычно называют умерших.

— Какое счастье, что ты еще жив!

— Менее часа назад я чуть было не попал в одну компанию с гениями.

Джерри сделал нетерпеливое движение.

— Не напрасно ли мы продолжаем эту болтовню? — сказал он раздраженно. — Я бы уважал тебя гораздо больше, если бы не твой вечный несносный педантизм.

— Пусть я буду педантом, только бы это удержало нас от преступных шагов.

Джерри подошел и приблизил свое лицо почти вплотную к лицу Бобо.

— Я не желаю толкать тебя на путь преступлений, — сказал он серьезно, — ибо нам с тобой это все равно не помогло бы стать конгрессменами. Дело очень простое: мы берем взаймы школьную машину, едем на ней в Пэйнсвилль и там просим кого-нибудь отогнать машину назад. Скажи, что в этом незаконного?

Бобо взъерошил серебристый куст своих волос и ответил:

— Нет. Закон охраняет тех, кто может нанять себе адвоката. Мы не имеем этой возможности.

— Бобо! Неужели ты не видишь ничего, кроме собственного пупа? На кой черт нам юрист, если мы не делаем ничего незаконного?

— А за что попадают под суд? Миллионы людей садятся в тюрьму только лишь по той причине, что не знали закона. Уголовный закон — точно ходовая колбаса: ты почувствуешь к нему глубокое отвращение, как только узнаешь, из чего он состряпан.

На лестнице послышались шаги, и в ту же минуту дверь без стука отворилась. Мистер Редмэн вошел, не снимая шляпы, и объявил:

— Ну вот: школьный кар я уже выкатил на дорогу. Попросите какую-нибудь машину толкнуть вас чуток — и тогда он заведется. А потом...

Мистер Редмэн выдержал небольшую паузу и продолжал:

— Нам нужно устроить дня на два каникулы. Надеюсь, господа, вы меня понимаете? Но об этом не следует много распространяться. Так что можете задержаться в городе, если есть охота.

Бобо кашлянул, показывая, что собирается что-то сказать, но Джерри опередил его:

— Отлично, мистер Редмэн. Мы как раз уже собрались ехать.

Дворник дал Джерри ключ от машины и обратился к Бобо:

— Вам тоже неплохо отдохнуть денька два, профессор.

— Конечно, — ответил Бобо. — Очень хорошо...

— О'кэй, господа. Гуляйте! Желаю приятно провести время!

Дворник ушел, оставив после себя сильный запах пива. Бобо сказал покорно:

— Ну что ж, поедем. Сегодня хоть небо синее...

Он еще раз посмотрел на окно, подошел, взял в руку коробочку с тальком и спросил:

— По-твоему я могу взять это?

— Конечно, — ответил Джерри. — Но только зачем?

— Если все-таки придется идти пешком...

Джерри вздохнул. Бобо нерешительно положил коробочку в карман, взял под мышку мешок с сухарями и взглянул на Джерри вопросительно. Тот кивнул головой, и они пошли, словно убегая от места преступления. Два честных учителя, безработных, без-

домных и не получивших расчета. Они не принадлежали к той обширной избранной прослойке учителей, задача которых — убаюкивать учеников. Их также нельзя было поставить рядом с профессорами колледжей и университетов, которые, попав молодыми студентами в высшее учебное заведение, никогда уже не могли из него выбраться. Нет. Случайно, именно случайно они попали в порожденную жизнью великую оппозицию, которая никогда не допускается к власти.

Общество свободного воспитания было частным предприятием, которое существовало за счет пожертвований. В пользу этого учреждения работало более четырехсот обществ содействия и женских кружков рукоделия. Чем больше возникало женских кружков рукоделия, тем чаще приходилось мужьям самим штопать себе носки и стирать рубашки.

Три года назад один из местных фермеров подарил школе автомобиль. Это был хорошо известный форд выпуска 1915 года. Джерри всегда интересовался древностями, но Бобо смотрел на лимузин очень подозрительно. Он отворил дверцу и заглянул внутрь. Переднее сиденье было заплатано и подбито старыми мешками и газетами. На заднем загроможденном сиденье лежала ржавая лопата, железный лом и большой ворох проволоки — на случай необходимого ремонта в пути. Бобо покачал головой.

— Да, вид не блестящий. Кто сядет за руль?

— У меня нет водительских прав, — ответил Джерри.

Они сели в машину, поставленную дворником на краю большой дороги. Надо было только завести мотор. Бобо попробовал стартер, но древняя машина молчала. Они вышли на дорогу и возложили надежды на большие пальцы. Однако попутные машины не уважали старости и гордо мчались мимо дряхлого школьного форда, который так нуждался в дружеской поддержке, в маленьком поощрительном толчке.

Наконец какая-то новенькая легковая машина остановилась, чтобы предложить застрявшим путешественникам бескорыстную помощь. В современном экипаже сидели четверо джентльменов. У державшего руль были добрые глаза, маленькие усики и глубокий бас. Услыхав, что наши друзья по профессии учителя, он сразу понял, что их машина не заводится и нуждается в толчке.

— Садитесь в машину, я дам вам разгон, — с готовностью предложил он и поднял стекло.

Бобо сел за руль и приготовился. Джерри уселся рядом и сказал:

— Счастье, что ты захватил эту коробочку с тальком. На всякий случай.

— Волос всегда ценнее на голове, чем на гребешке, — ответил Бобо.

Почтенный ветеран автомобилестроения с треском и дребезжанием двинулся с места. Бобо нажимал газ и сцепление и теребил поникший рычаг коробки скоростей.

— Сцепление неисправно, — заметил он со знанием дела.

— Главное, что мы двигаемся вперед, — ответил Джерри.

— Коробка передач тоже не в порядке.

— Не принимай близко к сердцу. Может быть, маленькие ангелы ОСВ поломали школьную машину?

— В нынешнее время ангелов найти можно только на небе.

Слова Бобо потонули в лязге, визге и грохоте. Скорость нарастала, как милосердие во время церковной распродажи. Старик форд, бедняга, трещал по всем швам. Никогда еще на своем веку он не переживал такой безумной, бешеной гонки — никогда, даже в золотую пору молодости, когда он возил бидоны на молочный завод и хозяйских детей — в воскресную школу.

— Работает мотор? — спросил Бобо.

— Не слышу, что ты говоришь!

— Послушай, шумит ли наш мотор!

— Не разберу... Не гони так быстро!..

— Я ничего не могу поделать: не я гоню, меня гонят...

Проехали две мили. Вдруг скорость убавилась — это остановилась дружественная машина-помощница.

— Ну что, не завелся мотор? — спросил добряк с усиками.

— Нет, — ответил Бобо. — Он очень застыл. Не можете ли вы толкнуть нас еще немножечко?

Водитель презрительно усмехнулся и ничего не сказал. Все-таки он чувствовал инстинктивное уважение к этим людям, которые отдали свою жизнь делу воспитания детей и были вынуждены, убивая себя, тратить силы в разъездах, занимаясь разными побочными делами, чтобы жить немного более сносно. Человеческое чувство жалости побудило добряка сделать еще одну попытку. Старый учительский конь, издавая вымученное ржание, пустился снова в галоп. Однако честные педагоги не насладились упоительной скоростью, так как неудобное сиденье постепенно начало отделяться и съезжать со своего места, а сильный грохот подвергал серьезному испытанию барабанные перепонки. Приближался Пэйнсвилль. Движение оживилось, громадные щиты реклам заговорили о цивилизации. Еще миля, другая — и они въехали в город. Скорость убавилась, и брошенная на заднем сиденье груда ржавой проволоки прекратила свой скрипучий пляс. Бескорыстный добряк почувствовал, что требуемая норма любезности им выполнена. Поравнявшись с учительской машиной, он опустил боковое стекло и крикнул:

— А есть ли у вас в баке бензин?

Бобо теперь был похож на комика, которому вовсе не до смеха.

— Я полагаю, сэр. Все должно быть в порядке...

— Сворачивайте к обочине и остановите машину.

Джерри нажал на тормоз, но помолодевший старик бежал вперед и не думая останавливаться.

— Тормоз не действует, — шепнул Бобо на ухо другу.

В конце концов инерция иссякла, и честные педагоги школы свободной системы воспитания выбрались из машины, наслаждаясь возможностью встать на выпрямленных ногах и растирая измученные бедра. Добрый толкач остановился против форда, блестя полированными боками. Четверо незнакомцев вышли поглядеть на историческое средство передвижения. Оно было, словно штопор, один вид которого рождает в известной обстановке веселое настроение.

— У вас мотор, должно быть, неисправен, — сказал мужчина, у которого мы раньше заметили добродушный взгляд и маленькие усики.

Усики его и теперь оставались такими же, но взгляд уже не был добродушным, а сделался цепким и подозрительным.

— Куда вы едете, господа? — спросил он басом.

— На запад, — ответил Бобо.

— Наверное, у вас нет бензина?

— Посмотрим...

Бобо стал открывать прикрученный железной проволокой капот, желая быть теперь чем угодно, только не самим собой. Руки его дрожали, и он то и дело поправлял очки на носу. В конце концов ему удалось приподнять капот, и тут сразу обнаружился дефект: автомобиль был без мотора. Тогда человек с усиками схватил Бобо за лацканы и сказал:

— А, так ты меня вздумал за нос водить! Ну, говори что хочешь, а я поговорю с тобой вот так!..

Он отпустил пиджак психолога и направил свои кулаки к его дрогнувшему подбородку. Бобо пошатнулся и хотел было опереться на школьную машину, но басовитый автомобилист подхватил его левой рукой, не давая упасть, а затем правой нанес новый удар. Джерри бросился на помощь другу. Но без молотка он был бессилен. Пытаясь защитить одухотворенное лицо психолога, он получил резкий удар в челюсть и одновременно толчок в диафрагму, упал и на какое-то время лишился сознания.

Солнце растапливало снег и ласкало своими лучами старый, истерзанный автомобиль, лишенный двигателя. Рано утром того дня школьники сняли с него мотор и бросили в колодец. Его стоимость входила в сумму тех четырех тысяч долларов, на которые юный Уэсли Кэтзервуд выписал чек школьному дворнику.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

в которой Джерри попадает в руки женщины и предоставляет Бобо положиться на собственное счастье или на психологию

Придя в себя после ошеломляющих ударов, бродяги забрались в машину и начали массировать свои онемевшие подбородки. Долгое время они сидели, как государственная комиссия, не приходя ни к какому решению. Они строили воздушные замки и разыгрывали роли, которые совершенно не соответствовали обстоятельствам. Но вот они догадались — совсем как в пьесе — подумать о цели, к которой каждый из них стремился. Бобо держал путь в Чикаго, на коронацию короля «хобо»; место назначения и смысл путешествия Джерри все еще были скрыты густым туманом. Он отправился на Средний Запад искать какой-нибудь работы, хотя мог бы отлично жить с милой женой— в кредит и в рассрочку и без всякой работы. В такие минуты отчаяния и серой тоски Джерри скучал о жене, которая любила его прежде всего потому, что он — мужчина; о своей жене, которую нужно было не понимать, а любить, потому что она всего лишь женщина.

Джерри теперь обдумывал возвращение, но, по мнению Бобо, эта мысль была совершенно безумна. Он красноречиво изображал огромные пространства в Миннесоте и Мичигане, занятые шахтами, — шахтами, где Джерри мог создать себе блестящее будущее. При помощи хиропрактики.

— У каждого горняка имеются какие-нибудь повреждения спины, — говорил Бобо. — Они извлекают железо и медь из недр земли, а ты начни извлекать доллары из их спин.

— У меня нет официального разрешения заниматься хиропрактикой где-либо, кроме клиники Исаака Риверса, — ответил Джерри.

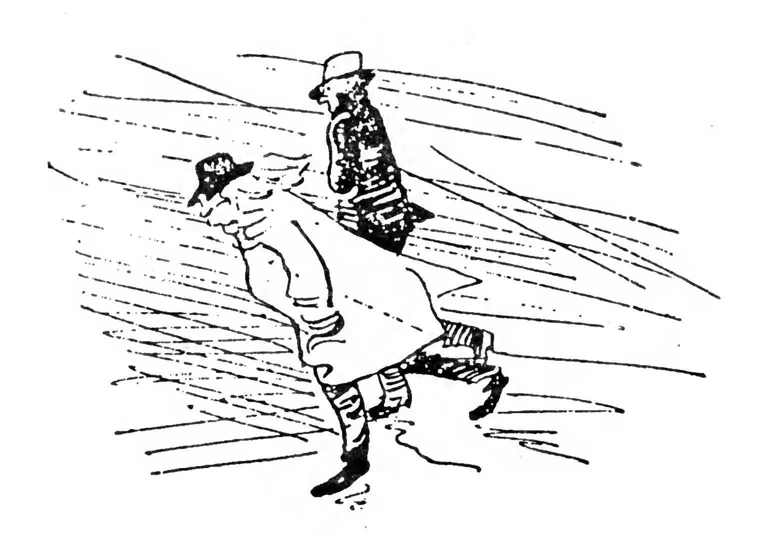
— Устройся тогда учителем и занимайся хиропрактикой побочно. Значительная часть американского народа живет за счет побочных заработков. Хочешь сухарей?

— Нет, спасибо. Не хочу.

— А сахару?

— Не хочется. От него только зубы портятся.

Бобо подкрепился дарами взятого с собой мешка и начал обстоятельно готовиться в путь. Он разулся, обсыпал ноги тальком, снова обулся и обещал пройти до вечера не менее двадцати миль.

Они не чувствовали никаких угрызений совести, бросив на дороге старую машину и протягивая руки с поднятыми большими пальцами. Их чувство ответственности было усыплено в ту самую минуту, когда обманутый добряк, оказавший бескорыстную помощь, заговорил с ними обычным американским языком жестов и кулаков. Они знали прекрасно, что захватить школьную машину, а затем бросить ее на произвол судьбы — оба эти действия относились к числу небольших зол. И, поскольку добро, по определению Аристотеля, находится как раз посередине между двух зол, они чувствовали себя добродетельными и невинными.

Бродяги знали по опыту, что подсесть на попутную машину легче при выезде из города, нежели при въезде в него. Тем не менее друзья решили попытать счастья, и наконец судьба им улыбнулась. Правда, немного кривой, однобокой улыбкой. Какая-то очень хорошо одетая женщина, которая ехала одна в машине кремового цвета, пожелала иметь попутчиков и остановила свой экипаж, мягко присевший на рессорах. Она опустила боковое стекло, поглядела на стоявших мужчин и спросила:

— Куда вы направляетесь?

— На запад, милая мисс, — ответил Джерри, подходя и наклоняясь к открытому окошку. — У нас отказал мотор, и пришлось оставить машину в ремонте.

Бобо тоже пытался заглянуть в открытое окно, но Джерри заслонил его, взяв на этот раз инициативу в свои руки. Следуя указаниям Бобо, он решил войти в новую роль, и, поскольку жизнь была в основном сплошной актерской игрой, он хотел в полной мере использовать возможности своей роли.

— Милая девушка, не можете ли вы нам помочь? Правда, мы бедные артисты и можем заплатить вам только благодарностью.

Женщина посмотрела Джерри в глаза и улыбнулась. Это была не просто наигранная улыбка. Женщина была еще сравнительно молода — кругленькая брюнетка лет двадцати пяти или пятидесяти, с броским гримом.

— Какой вы артист? — спросила она.

— Певец. Мое имя Тино Росси...

— Джерри! — воскликнул Бобо за спиной товарища.

— А моего товарища зовут Джерри, — продолжал Джерри, не смущаясь, — Джерри Ковак, контрабасист. Вы, вероятно, его тоже знаете?

— Нет, не знаю, — ответила женщина, пытаясь поймать в поле зрения лицо Бобо.

Но Джерри снова загородил собою товарища, так как сомневался в его артистических возможностях и способности к перевоплощению. Бобо, сознавал он это или нет, был актером только на одну-единственную роль: безработного профессора психологии, который однажды попытался выступить в роли высокооплачиваемого каменщика, но очень быстро попал в число зрителей.

— Одного из вас я могу взять, — сказала женщина.

— Одного?

— Совершенно верно. Может быть, вас.

— Но мы оба едем на запад. Мы вместе...

— Все равно. Я хочу только одного попутчика.

Джерри отступил от окна и вопросительно поглядел на Бобо.

— Ну, кто из вас поедет? — спросила женщина, и в ее голосе послышался холодок.

— Ни тот ни другой, — ответил Джерри. — Мы хотим ехать вместе.

— О'кэй, — сухо возразила женщина и, уже поднимая стекло, добавила: — Как я сказала, я хочу только одного мужчину.

— Поезжай ты, — сказал Бобо другу. — Одному мне будет легче устроиться. Встретимся в Чикаго.

— Где именно?

Бобо достал из кармана замусоленный конверт, быстро пробежал его глазами, а затем показал Джерри.

— Зайди справиться обо мне в бюро розыска Армии спасения. Вот адрес. Я буду в Чикаго самое позднее через две недели.

Глаза Джерри сделались грустными. Тяжело было расставаться с попутчиком, хоть он и был обузой в дороге. Женщина стала проявлять нетерпение.

— Ну, так кто же из вас поедет? — спросила она резко.

— Я, — ответил Джерри. Он попрощался с товарищем и сел в машину рядом с женщиной.

Машина тронулась, и психолог печально помахал рукой. Затем он усердно зашагал вперед, с мешком сухарей под мышкой

и с тальковой присыпкой в башмаках. Уже совсем зимнее солнце светило прямо в лицо, выпавший ночью снег ослепительно блестел. Бобо стал жевать черствый сухарь и, опираясь на свой тонкий дорожный посох психологии, мерно шагал бормоча про себя:

— Женщины удивительны, прямо-таки удивительны. Одни женщины стараются и добиваются, другие — плачут и добиваются, но всегда добиваются своего...

Как мы уже говорили, профессор Минвеген был психологом и, очевидно, благодаря этому — плохим знатоком людей. Джерри Финн тоже был плохим знатоком людей, хотя и не был психологом; но в нем было что-то, чем женщины восхищались. Особенно женщины средних лет и немного постарше, которые хотели завоевывать, после того как сами были уже столько раз завоеваны.

— Меня зовут Ирен Болдин, — сказала женщина, когда они миновали Пэйнсвилль и выехали на дорогу, ведущую в Кливленд.

— А меня — Джерри... То есть, простите, я хотел сказать, что моего товарища зовут Джерри. Я...

— Тино Росси, — помогла женщина. — Я как-то слышала ваше имя.

— Наверно, по радио.

— Возможно.

Джерри вглядывался в ее лицо. Оно было совсем кукольным и обыкновенно красивым.

— У вас элегантная машина, — проговорил Джерри, которого начинало тяготить молчание.

— Немного старовата. Прошлогодняя модель.

— И вы хорошо ведете.

Женщина улыбнулась и бросила быстрый взгляд на собеседника.

— Мистер Росси, не хотите ли вы мне спеть что-нибудь?

Джерри вздрогнул. Он уже забыл свою роль.

— Я сегодня не в голосе, — пробормотал он.

— Напойте вполголоса! Я люблю, когда напевают.

— Мой врач запретил мне напевать.

Женщина убавила скорость и, свернув на обочину, остановила машину.

— Тогда что же вы хотите делать? — спросила она нежно. У Джерри начало темнеть в глазах. Это произошло не в результате ношения слабых очков и не от употребления слишком крепких напитков, а от духов Ирен Болдин и оттого, что рука ее как бы невзначай схватила огрубевшую и обветренную руку хиропрактика. Женщина предложила своему попутчику сигарету и сказала:

— Отсюда еще двадцать минут езды до Кливленда. Хотите, чтобы я вас отвезла туда?

— С удовольствием, мисс Болдин, если только это вас не затруднит.

— Мне сегодня некуда торопиться.

— Вы живете в Кливленде?

— Нет, в Пэйнсвилле.

— В Пэйнсвилле? Так мы же его давно проехали!

На лице Ирен Болдин заиграла таинственная улыбка Моны Лизы.

— Я располагаю временем. Мой муж уехал в Нью-Йорк по торговым делам. Мистер Росси, ну, пожалуйста, спойте или напойте чуть-чуть!

Джерри кашлянул, почесал кадык и покачал головой.

— Право же, горло у меня сегодня...

Солнце светило через лобовое стекло и грело их лица. Настроение было несколько неопределенное. Джерри чувствовал себя так, словно украдкой заглянул сквозь замочную скважину в чужую комнату, в которой ничего не происходило. Он положил сигарету в пепельницу и проговорил:

— Я очень сожалею, миссис Болдин, что мне пришлось утруждать вас. Вы прекрасная женщина, достойная всяческого уважения и любви.

Женщине показалось, точно гостеприимный Амур играл словами и голосом певца. Она научилась различать фразы со скрытым смыслом и теперь как будто угадывала, о какой любви говорил ей бедный певец: о любви надежной и легкой, как незаметная дырочка.

— Мистер Росс...

— Росси, — поправил Джерри.

— Совершенно верно. Скажите по буквам.

— Эр-о-эс-эс-и. Росси.

— Да, мистер Росси, если вы хотите, я отвезу вас в Кливленд.

— Не стоит, это слишком большой крюк для вас...

— Вовсе нет. У меня есть время. Я не состою ни в каком женском обществе.

Миссис Болдин включила передачу, и они поехали. Долгое время не было произнесено ни слова. Тихий рокот мотора навевал приятное настроение, а из пепельницы шел еле заметный дымок, точно из кадила. Вдруг Джерри заметил, что они свернули на узкую боковую дорогу, на которой не было ни рекламных щитов, ни пустых пивных бутылок, ни жилья поблизости. Миссис Болдин остановила машину возле голой дубовой рощи.

— Теперь можно и поболтать немного, — сказала она, точно добрая знакомая. — Эта дорога в зимнее время очень спокойна. Видите, после снегоочистителя здесь еще никто не проезжал.

Джерри ответил какой-то незначительной, но, впрочем, очень смелой фразой и стал с некоторым беспокойством ожидать продолжения разговора.

— Вы, наверное, обиделись, что я оставила вашего товарища на дороге? — проговорила женщина так, точно просила извинения.

— Нет, нисколько, миссис Болдин.

— Можете называть меня Ирен. Я вынуждена была оставить его. Дело в том, видите ли, что нам предстояло ехать через Пэйнсвилль, где у меня много знакомых. Все поймут, что со мною в машине сидит кто-нибудь из моих друзей, но если бы меня увидели в обществе двоих мужчин, это сочли бы уже за неумеренность.

Джерри не понимал, в чем тут неумеренность, и женщине пришлось расшевелить его застывшее воображение. Она схватила певца за руку выше локтя, посмотрела ему в глаза и сказала просто, без обиняков.

— Я люблю артистов. Почему вы не поцелуете меня?

Джерри подумал о жене, вспомнил ее болтовню, ее рассказы, в которых никогда не было конца, и пробормотал:

— Миссис Болдин...

— Говори — Ирен!

— Миссис Ирен... Я женат...

— Я тоже замужем. Четвертый раз. И если только муж согласится платить мне достаточные алименты, я разведусь немедленно. Но он скряга, отвратительный скряга. Ну, давай поцелуемся!

По каким-то непонятным причинам поцелуй Джерри был лишен страстности. Такая мужская непредприимчивость, которую обычные нравственные понятия и церковь почитают великой, достойной подражания добродетелью, глубоко оскорбила чувства миссис Болдин.

— Ты всегда так застенчив с женщинами? — спросила она ласковым голосом, и лицо ее приняло комично противоречивое выражение: она была одновременно похожа и на семнадцатилетнюю невинную школьницу и на шестидесятилетнюю сводню.

— Нет... — ответил Джерри медленно, словно и язык у него готов был отняться. — Не всегда...

— Ну, конечно, ты, наверно, имеешь дело с женщинами так часто, что...

Миссис Болдин ждала, что певец докончит за нее фразу, но он медленно раскачивался и был по-человечески немного туповат. Такая честная нерасторопность являлась отчасти следствием того, что его жена Джоан была так бесчестно активна. Джерри и теперь тащил за собой наследие своего короткого брачного союза: медлительность и пассивность. Поскольку и второй его поцелуй оказался довольно вялым и безжизненным, миссис Болдин закурила сигарету и сказала холодно и спокойно:

— Лобовое стекло заиндевело. Вам не трудно пойти протереть его?

Она дала певцу кусок замши и включила зажигание. Когда Джерри вышел из машины, женщина заперла дверь и сказала в открытое окно:

— До Кливленда примерно шесть миль.

Машина тронулась, а гражданин вселенной Джерри Финн остался стоять на дороге.

* * *

Солнце уже давно убрало свою лампу, а беспомощная краюшка месяца была не в состоянии осветить мир.

В Кливленде понятия не имели о трудностях. В центре города пылали неоновые огни, а в трущобных кварталах догорали, обугливаясь, мечты. В ресторанах и барах люди убивали время, а в ночлежках — били насекомых.

Против железнодорожного вокзала Нью-Йорк Сентрал Систем находился «Бар Тони», в который отъезжающие заходили выпить на дорогу стакан вина или бутылку пива. Владела баром француженка Мадам, блестящая коммерсантка, которая оставила свое прошлое в Чикаго восемь лет назад. За короткий срок она показала, что когда женщина берется за публичную деятельность, то деятельность внезапно становится публичной. Ее маленький кабачок то и дело попадал на страницы газет. Мадам не всегда успевала спросить возраст своих клиентов и по этой причине ей постоянно

приходилось платить штрафы за продажу алкогольных напитков несовершеннолетним. Бар получил свое имя в честь возлюбленного хозяйкиной молодости. Мадам посвятила свой кабачок памяти Тони, продемонстрировав этой практической мерой долготерпение любви, красоту обожания и определенный коммерческий талант.

Посетители приходили и уходили, и только немногие успевали напиться допьяна. Но сегодня произошло отклонение от правила. Уважаемый постоянный посетитель бара, мистер Мартин Лурье, который по крайней мере два раза в неделю заходил выпить стаканчик сухого шерри перед отъездом, на этот раз не думал никуда торопиться. Он долгое время клевал носом у стойки, а затем перешел за маленький столик в дальнем углу кабачка. Это был человек средних лет, по должности — инспектор автомобильного страхового общества, а по характеру — чувствительный. У него было типичное лицо страхового агента, тонкая шея, похожая на торчащий пест маслобойки, и рот, напоминающий пуговичную петлю. Он хорошо одевался, а пил при случае еще лучше. Теперь он был мрачен, но Мадам еще не успела справиться о причинах его мрачности, а только подносила страховому агенту стакан за стаканом, улыбаясь одними губами.

Мистер Мартин Лурье понемножку разбавлял вино слезами и поднимал глаза каждый раз, когда открывалась дверь или менялась пластинка на автоматическом проигрывателе. Теперь взгляд его следил за незнакомцем, который выпрашивал у Мадам глоток вина. По внешнему виду незнакомца довольно трудно было судить о его общественном положении: он был похож отчасти на американского босяка, а отчасти на школьного учителя, у которого большая семья и маленькие доходы. Незнакомец изъяснялся на хорошем языке, в изысканных выражениях. Временами акцент его доносил прохладное дуновение Британских островов. Когда Мадам не согласилась угостить незнакомца бесплатно, мистер Лурье пожелал быть благодетелем. Такой сострадательный поступок как будто укрепил его колени, подкошенные горем. Он пригласил незнакомца к столу, назвал ему по буквам свое имя, представил краткие биографические сведения о себе и о своей семье, после чего стал удерживать горькие рыдания внутри своего жесткого воротника.

Незнакомец принял эти сведения с благодарностью и откровенно сообщил важнейшие данные о себе — правда, чуточку подкрашивая и принаряжая факты, ибо он заметил, что голая правда всегда подолгу зябнет на холоде, прежде чем хорошо защищенные человеческие сердца пустят ее погреться. Ложь — маленькая шустрая озорница — быстро бежит босиком улаживать свои дела, пока медлительная правда еще только натягивает сапоги на ноги.

— Мое имя Финн, — сказал незнакомец. — Эф-и-эн-эн — Финн. Джерри Финн. Профессор медицины. Вас удивляет, конечно, что я без денег?

Мистер Лурье действительно был удивлен, и потому он сразу же получил подробный и драматический отчет о причинах случайного безденежья профессора. Профессор Финн выехал из Нью-Йорка на собственной машине. Он направлялся в Чикаго на очередной съезд врачей. И все ведь пустые хлопоты, потому что на этих конгрессах никогда ничего решить не могут. Установили только, что червеобразный отросток слепой кишки является атавистическим напоминанием о тех временах, когда человек ел сырое мясо и жил на деревьях. Ну вот, уважаемый сэр! Значит, надо было ехать в Чикаго. Но в пути случилась ужасающая метель — страшнейшая во всемирной истории. Шикарный профессорский кадиллак, прошедший всего каких-нибудь несколько миль, врезался в телеграфный столб. Где? Ах, сэр! Очень трудно теперь припомнить это место. Только было это где-то между Пэйнсвиллем и Кливлендом. Автомобиль отправили в ремонт, а профессор пешечком пошел искать какую-нибудь гостиницу, постоялый двор или ресторан. И тогда его ограбили. В общем самый обыкновенный случай. Вы ведь знаете, что в Америке за истекший год было два миллиона шестьсот тысяч случаев ограбления. Но это не все, главное впереди! Грабители избили свою жертву и бросили посреди дороги. Однако профессор — физически сильный человек, бывший спортсмен, призер по ходьбе на дальние дистанции, и вот он бросил вызов суровым законам природы и шел — заметьте, сэр, *шел!* — более пятнадцати миль пешком, чтобы к ночи добраться до Кливленда.

— И вот я здесь, — закончил Джерри свой рассказ, в котором почти совершенно не было рекламы, и стал ожидать отклика.

И отклик последовал. Мистер Лурье позабыл на мгновение о собственном горе и быстро спросил:

— В какой компании застрахована ваша машина?

Профессору Финну некогда было почесать в затылке. Он тотчас ответил:

— В ЦАСОВЗАЧП.

— Где?

— В ЦАСОВЗАЧП.

— Никогда не слыхал о таком обществе. Как его официальное наименование? Я имею в виду — без сокращений.

— Центральное автомобильно-страховое общество врачей, занимающихся частной практикой.

Мистер Лурье покачал головой.

— Честное слово, я не знаю такого общества.

— Вот это странно! ЦАСОВЗАЧП — это как раз величайшее в мире страховое общество.

— Нет, оно не величайшее в мире. Но давайте посмотрим.

Мистер Лурье достал из кармана маленькую книжечку в красивом переплете. Это был Календарь агента по страхованию автомобилей, который всегда поспевал за временем, как и полагается календарю.

— В моей книжке такого общества нет, — сказал мистер Лурье.

Джерри зажмурил глаза и пустился в дальнейшую вынужденную ложь:

— Какого года у вас календарь, мистер Лурье?

— Прошлого года. Но здесь уже имеются добавления.

— Когда сделано последнее добавление?

— Минуточку. Три месяца назад. С тех пор новые общества не создавались.

На лице Джерри засияла улыбка победителя. Он чуть не закричал:

— Вот то-то и оно, мистер Лурье! ЦАСОВЗАЧП основано только неделю назад. Кстати, мистер Лурье, разрешите узнать ваше занятие, если не секрет?

— Пожалуйста. Я представитель Американского автомобильного объединения и районный инспектор двух автомобильно-страховых обществ.

Джерри заморгал глазами и поспешил перевести разговор на другую тему. Он знал по опыту, что лучший способ отделаться от собственной лжи — это предоставить лгать другому. В обществе Бобо у него развился талант слушателя, и сейчас маленькая хитрость снова помогла ему превратиться в слушателя. Убитый горем страховой агент сразу сделался чувствительным и, возбуждаемый вином, рассказал следующую историю:

— Я, кажется, упоминал уже о том, что родился в Толедо. Само по себе это не имеет никакого значения — где я родился. Мои родители были людьми, как и все люди, и у меня чуткое сердце, как у всех чувствительных людей. По крайней мере два раза в месяц я опускаю доллар в церковную кружку и на каждое рождество жёртвую Армии спасения старую одежду. Как я уже сказал, у меня есть жена и четырнадцатилетний сын. Красивый мальчик. Ни капельки не похож на меня, хотя я наверняка являюсь его отцом. Да... Я отец моего мальчика... И теперь я потерял своего сына, горячо любимого сына, Роберта...

Мистер Лурье сделал паузу и зарыдал.

— Я сочувствую вашему горю, мистер Лурье, — сказал Джерри.

— Благодарю вас, профессор. Как врач, вы, конечно, понимаете меня?

— Я думаю, мистер Лурье. Подобные случаи относятся к моей специальности. Я, видите ли, врач-психиатр, исследователь человеческой души, если можно так выразиться.

— Поистине так можно выразиться, — всхлипнул несчастный отец и медленно продолжал свой рассказ, наблюдая за тем, чтобы Мадам своевременно наливала стаканчики.

— Да, господин профессор, я несчастнейший человек на свете. Если бы поискать десяток несчастнейших людей в мире, то я наверняка попал бы в их число. Дорогой мой сынок...

— От какой болезни он умер? — осторожно спросил Джерри.

— Умер? О нет, он не умер. Он убежал. Сегодня в середине дня. И я виноват в этом. Видите ли, дело было так. Вчера вечером я вернулся домой после двухдневной поездки. Поцеловал жену и лег спать. Сын хотел поговорить со мной, но я сказал: «Поговорим завтра». За утренним кофе я просматриваю газеты, а сын мне робко говорит: «Отец, у меня к тебе небольшое дело». Я поглядел на него поверх газеты и спрашиваю: «Ты уже умылся? Смотри не испачкай джемом рубашку!» — а сам продолжаю читать и вдруг — опрокидываю кофе на скатерть. Это, конечно, была моя вина, но, увидев улыбку на лице сына, я пришел в бешенство. Я сказал: «Роберт, неужели твоя мать не научила тебя мало-мальски прилично вести себя за столом? Ну, не болтайся тут, ступай поживее в школу!» И тогда Роберт встал из-за стола, они переглянулись с матерью и обменялись какими-то словами, и затем он все-таки еще раз попытался приблизиться ко мне. Он сказал: «Отец, я в самом деле хотел бы поговорить с тобой...» Тогда я уже немного вспылил и говорю: «Неужели ты не можешь дать отцу спокойно выпить чашку кофе? Я знаю твои дела: разумеется, ты будешь клянчить денег. Или, может быть, ты получил плохую отметку или записку к родителям? Или ты надумал записаться в футбольную команду?»

Роберт начал собирать учебники и только сказал: «У других ребят отцы не такие». Я отбросил газету и заорал на него: «Не такие? Ты смеешь указывать отцу?!»

Жена моя пробовала вставить какое-то разъясняющее слово, но оно ничего не разъясняло. «Ну, говори, негодный, чего тебе надо!» — сказал я сыну. Роберт посмотрел на свои ботинки и ответил, что он собирается жениться на какой-то девочке из их класса. Жениться! Мой сын — жениться! В четырнадцать лет! Я дал ему пощечину, и он, закусив губу, побежал в школу.

Мистер Лурье заплакал в голос и снова разбавил свое вино слезами. Через мгновение он проговорил, заикаясь:

— Вечером Роберт не вернулся из школы домой. Он только прислал сказать, что решил убежать от нас. Тогда моя жена заметила, что из нашей спальни куда-то пропала книга, которую я читал обычно перед сном. Это был всемирно известный бестселлер доктора Хинсея: «Женщина хочет мужа». Через минуту жена снова приходит и стоит в полной растерянности, не знает, как сообщить мне еще одну новость: оказывается, сын захватил с собою и нашу ма-

шину! Это было для меня тяжелым ударом. Вы, вероятно, понимаете чувства отца, господин профессор. Все в моей жизни смешалось. Я намеревался ехать сегодня вечером в Чикаго и даже успел купить билет. Поезд отправляется через час, но не могу же я теперь уехать, когда ничего не известно о судьбе моего сына! Несчастный я человек, совсем несчастный! Бегство сына для меня означает потерю по крайней мере пяти тысяч долларов, так как завтра я должен был сделать в Чикаго хороший бизнес. Подумайте, господин профессор: пять тысяч долларов уплывают у меня прямо из-под самого носа! От этого я так несчастен, так несчастен!.. С детьми одно только горе...

— Это действительно тяжелая потеря, — согласился Джерри, заметив, что отцовские чувства страхового агента тесно связаны с долларами.

— У вас и билет останется теперь неиспользованным? — спросил попутно «психиатр».

— Конечно. Но это пустяк по сравнению с теми пятью тысячами.

Джерри не зря проходил школу «хобо», школу трущобы. Он был внимательным учеником. После короткого представления страховой агент почти насильно всунул ему в руку железнодорожный билет, пять долларов и свою визитную карточку. У профессора, естественно, визитной карточки не было, потому что грабители отняли у него все. Как честный человек, он записал в книжечку страхового агента свое имя и весьма произвольный адрес и грозился выслать ему из Чикаго немедленно чек на кругленькую сумму, а супруге — букет роз телеграфным распоряжением. Профессор Финн обещал еще и многое другое, потому что десять стаканчиков шерри сделали его щедрым и очень влиятельным человеком. Все элегантные дамы Нью-Йорка теперь лечились у него, а сенаторы были его друзьями.

Страховой агент уже настолько утратил чувство меры, что профессор производил на него впечатление, вполне соразмерное его состоянию. Мистеру Лурье казалось совершенно естественным, что профессор Финн — лучший в мире психиатр, так же как и то, что дамы высшего круга Нью-Йорка — слабоумны.

Полная Мадам, хозяйка бара, теперь улыбалась Джерри, говорила какие-то профессиональные любезности, французско-американские остроты и некоторые двусмысленности, которые всеми людьми понимаются в одном определенном смысле.

Мистер Лурье уже дошел до той точки, которую врачи называют пятой степенью опьянения: он плакал, плакал и наконец заснул. Профессор Финн вышел из кабачка с достоинством и слегка покачиваясь. Через десять минут он уже удобно устроился на мягком сиденье вагона.

Два часа спустя мистер Лурье проснулся, разбуженный ласковыми, заботливыми словами жены:

— Мартин, Мартин милый... Я так и знала, что ты сидишь здесь...

Глаза страхового агента открылись, точно смотровые глазки винного чана. Сознание постепенно вернулось к нему, и он вспомнил о своем горе. Но жена не позволила ему предаваться слезам и начала поднимать его на ноги, радостно лепеча:

— Мартин, миленький, пойдем домой! Опять все хорошо. Роберт поссорился со своей невестой и только что вернулся домой... Он сказал, что никогда, никогда больше не женится...

Страховой агент, поддерживаемый женой, направился к дверям и громко простонал:

— Но мой бизнес... Мой большой бизнес!.. Вот в чем вопрос...

9 Зак. 11

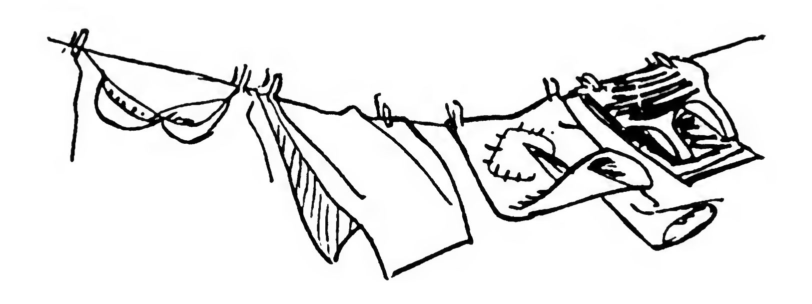
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

в которой портится замок туалета, помогая Джерри Финну вознестись к славе и почестям

Поезд на рассвете прибыл в Чикаго. Джерри несколько часов крепко спал и пропустил много интересных видов. Он взглянул на ранний утренний пейзаж и ощутил дрожь, словно ему предложили выпить рыбий жир из старого сапога. Это было глубоко унылое зрелище: трущобы, трущобы, насколько хватает глаз. Серые, некрашеные хибарки, опирающиеся друг на друга, точно слепые. Обетованная земля подонков общества и «хобо», где каждый готов пожертвовать для родины жизнью своего товарища.

Поезд замедлил ход, чтобы путешественники могли получше насладиться зрелищем. Далекие потомки аборигенов африканских джунглей бродили по узким закоулкам в поисках чего-нибудь съедобного на завтрак. На тесных дворах и на крылечках копошились черные человеческие отпрыски, босоногие, сверкающие белками глаз. Рассохшиеся, разваливающиеся деревянные корыта стояли торчком, поддерживаемые густой сетью бельевых веревок. Чулки, сорочки, штаны-трико, детские лохмотья и бюстгальтеры — все это трепетало на легком утреннем ветерке, точно веселые, беззаботные вымпелы, не давая плотной копоти опускаться прямо на голову детям.

Джерри Финн обладал воображением поэта, который свято верит, что народ читает стихи. Он глядел на сети бельевых веревок — эти хитроумные приспособления, фильтрующие сажу и солнечные лучи, — и был поражен скудным выбором висевшей одеж-

ды: сорочки, детские тряпки, штаны-трико и лифчики. Он удивлялся обилию лифчиков и малочисленности сорочек. Сорочки напоминали о царстве ангелов, а бюстгальтеры — о гамаке, в котором сидят вдвоем. Бельевые веревки были отражением социальной среды: при переходе от района трущоб к жилым кварталам средних классов детское тряпье исчезло, а вместо него появились простыни, ночные пижамы и скатерти. Это был район гостиниц и женщин, которые искали легкой жизни, но в поисках ее постепенно скатывались все ниже и ниже.

Пассажиры начали пробираться к выходу. Поезд прибывал на вокзал Ла Салль, постепенно сбавляя ход. Джерри заметил, что у него пропала шляпа, а также позаимствованное в учительской квартире ОСВ пальто, пять долларов, подаренные мистером Лурье, и галстук, который был снят прямо с шеи. Он объявил о пропаже проводнику, но тот в утешение сказал, что в Чикаго еще сравнительно тепло, поэтому пальто и шляпа не являются предметами первой необходимости, а галстук — тем более. Что же касается пяти долларов, то это, по мнению проводника, не такая сумма, о которой стоило бы говорить, в особенности сейчас, когда инфляция непомерно раздула все цифры.

Джерри остался в вагоне последним. Он осмотрел багажные полки, заглянул под сиденья, но утраченного имущества не нашел. Под одним из сидений оказалась лишь забытая пачка кукурузных хлопьев «папкорн» и газета «Чикаго трибюн». Он захватил и то и другое в качестве частичного возмещения убытков, вышел из вагона и слился с потоком, наводнившим вокзал Ла Салль. На скамьях в зале ожидания лежали негры с зажмуренными глазами и широко раскрытыми ртами. Как только уборщицы подмели пол под лавками, вокзальная полиция, наблюдая за порядком, тотчас принялась будить спящих. Джерри уселся рядом с одним седоватым негром. Это был старый сморщенный человек, секретом долголетия которого был чеснок. Однако этот секрет вовсе не хранился в тайне, а напротив, давал о себе знать любому из окружающих. Запах чеснока достиг ноздрей Джерри, вызывая неприятное ощущение. Джерри развернул «Чикаго трибюн» и, загородившись газетой от соседа, начал просматривать объявления. Одно чикагское бюро по торговле недвижимостью продавало дачные участки на Луне. Цена была сто долларов за акр, с рассрочкой на десять лет. Рекомендовалось покупать участки во время полнолуния, потому что акры тогда крупнее. Джерри пришли на память слова Бобо о людях, которые судорожно хватаются за доллар и в то же время смотрят на небо. Детям читают научно-фантастические романы, чтобы в своих трущобах они видели звезды, а на звездах — дачи для еженедельного отдыха.

Негр начал храпеть. Это было его оборонительным рефлексом против тех, кто хотел втиснуться к нему на скамейку. Его храп отличался редкостным звучанием, все удовольствие от которого получал сам храпевший. Джерри встал, положил «Чикаго трибюн» на скамейку и пошел побродить по городу. Все казалось ему пустым и ненужным. В этот момент он не находил никакого объяснения бестолковости своей жизни. «Куда я иду и зачем?» — спрашивал он себя, словно затверживая катехизис, и, глядя вдаль, на вершины небоскребов, чувствовал легкий голод.

Побродив часа два, он вернулся обратно в вокзальный зал ожидания. Старый негр уже проснулся и читал оставленную Джерри газету. Он, видно, недавно снова зарядился чесноком, потому что запах стоял убийственный. Даже самые сильные духи не смогли бы забить смесь ароматов, которая неслась изо рта старика.

В зале ожидания царила обычная теснота. Народу было много. По-видимому, никто еще не улетел на Луну. Джерри потолкался туда-сюда и заглянул мимоходом в туалет. Подождав десять минут в очереди, он получил в свое распоряжение маленькую кабинку, на белых стенах которой имелось больше рисунков, чем в любом среднем американском доме, и больше порнографии, чем в известном бестселлере «Мэйми Стоувер». Доктор Хинсей мог бы получить отличный материал для исследования полового поведения мужчин, если бы разослал своих агентов на пару дней по публичным уборным.

Джерри взялся за ручку двери и хотел поскорее расстаться с кабинкой, но замок испортился. Дверь не желала открываться. Джерри начал стучать в дверь кулаками и звать на помощь. Но никто не обращал внимания на гром, идущий из маленькой кабинки. Люди с самого рождения привыкли к шуму и грохоту и спохватывались только тогда, когда наступала тишина.

Джерри Финн оказался пленником. Под самым потолком была маленькая форточка, но через нее могла бы пролезть только кошка. Джерри снова начал колотить в дверь. Ему хотелось поскорее выйти на свободу, на свежий воздух, к людям. Но спасение не приходило. Он все еще был точно в тюрьме, где никто не угрожал повышением квартплаты или вечным пламенем ада. Отчаяние, охватив мозг, затем сковало руки и ноги. Джерри был уже готов на самоубийство, и его удерживало только то, что надо было самому наложить на себя руки. Он вспомнил Джоан, которая все еще оставалась его женой. Брачный союз, этот великолепный экзамен на алименты, все еще связывал его и Джоан — святое воплощение небесной наивности, которое, вероятно, все еще ожидало возвращения мужа, чтобы наконец получить развод, а затем — законную, твердую плату за любовь: алименты.

Безнадежность привела за собою бессилие. Джерри сел на крышку унитаза, и мысли его полетели назад — словно стая голубей, завезенных на чужбину и выпущенных из клетки, они пролетали над вереницей прожитых лет. И вот Джерри увидел вновь свое детство и услыхал тихую песню милой матери. Под обаянием детских воспоминаний он достал из кармана расческу, оторвал кусочек тонкой бумаги от прикрепленного к стене рулончика и сотворил из расчески и туалетной бумаги маленький музыкальный инструмент. У него было — точно у пастушеской свирели из древней Нубии — нежно дрожащее, простое и грустное звучание.

В ожидании освобождения Джерри Финн стал потихоньку наигрывать финские народные песни, которых в чикагском вокзале Ла Салль еще никто никогда не играл. Во всяком случае, на карманном гребешке...

Нет нужды представлять не отстающему от времени читателю мистера Говарда Эткесона. Каждый знает — или по крайней мере каждый должен знать, — что это художественный директор величайшей в мире компании, выпускающей граммофонные пластинки, то есть человек, который знает вкус публики. Тысячи исполнителей модных песенок-боевиков благословляют его имя, ибо без мистера Эткесона они не были бы модными исполнителями. Мистер Эткесон — известный и признанный благодетель; он всегда что-то берет у одних и дает другим, в то же время оставляя и себе приличное посредническое вознаграждение. У него драгоценные принципы адвоката, мораль коммерсанта, пухлые руки, мягкое округлое лицо и тоненький пастушеский тенорок, обладающий непреодолимым стремлением вырываться наружу через нос.

И без этого описания многие узнавали мистера Эткесона, когда он шел с коричневым кожаным портфелем в руке на вокзал Ла Салль. Он отправлялся в Голливуд на поиски новых граммофонных звезд. Синатра, Отри, Лита Роза, Ле Бакстер, Эдди Фишер, Билли Смит и многие другие уже напели себе состояние и своевременно устранились от артистической деятельности.

Мистер Эткесон вступил под навес вокзала и надвинул шляпу на самые глаза, избегая охотников за автографами. Вдруг он остановился и прислушался. Откуда-то из неведомых глубин доносилась неведомая музыка. Мистер Эткесон помотал головой, не веря собственным ушам. Он сделал несколько шагов вперед и снова вернулся на прежнее место. Музыка продолжалась. Она была красива и печальна и казалась как раз подходящей для публики. Мистер Эткесон огляделся кругом и подумал, что какой-то пассажир несет во внутреннем кармане портативный радиоприемник. Нет! Ложная догадка. Музыка доносилась снизу, звучала где-то у самых его ног.

Мистер Эткесон присмотрелся к имевшимся внизу у стены подвальным окнам, которые были чуть-чуть приоткрыты. Затем он сделал вид, будто завязывает шнурки на ботинках, и таким образом получил удобный случай нагнуться к одному из этих окон. Ухо его уловило нежнейшую мелодию, а нос — грубейший запах аммиака. Он отошел подальше от окна и громко воскликнул:

— Флейта? Нет! Рожок? Нет! Саксофон? Нет! Что же это за дьявольщина?

Он чуть ли не бегом помчался в зал ожидания, а оттуда — в мужскую комнату. Музыка прекратилась. Мистер Эткесон, продолжая обдумывать эту мистерию, вернулся в зал ожидания и призвал на помощь полицейского. Тогда они уже вдвоем вошли в мужскую комнату, и на этот раз оба услыхали прелестную музыку, которая доносилась из крайней кабинки, что возле наружной стены.

— Там! — воскликнул мистер Эткесон, указав рукою на маленький концертный зал.

Он подошел и осторожно постучал в дверь. Музыка тотчас прекратилась.

— Кто там? — заревел подоспевший полицейский.

— Это я, — послышался робкий, усталый ответ. — Замок испорчен. Я не могу выйти.

— Зачем же вы пошли туда со своей музыкой? — осведомился полицейский.

Из кабинки не отвечали, но мистер Эткесон сам ответил полицейскому:

— Не задавайте дурацких вопросов! Вы, кажется, должны знать, что это место — как могила: если приспичило, то приходится идти. Отоприте дверь!

Полицейский потрогал замок, но дверь не поддавалась.

— Наверно, придется ломать, — засвидетельствовал представитель власти и пошел искать лом.

Однако ему не понадобилось это грубое орудие, так как он встретил в зале ожидания своего старого знакомого Дика Гомера, известного также под именем Отмычка-Дик, и сказал ему:

— Ну-ка пойдем, откроешь дверь!

— У меня нет инструментов, — ответил честный специалист своего дела. — А что за дверь?

— Дверь уборной. Самый обыкновенный автоматический замок.

Условно освобожденный взломщик задумался на миг и сказал:

— Достань мне кусок железной проволоки или шпильку для волос, или хоть какой-нибудь гвоздь.

Представитель власти был немного недоволен поручением, но все же ему удалось получить у одной негритянки железную шпильку, которую он и вручил мистеру Гомеру.

— Показывай дверь! — скомандовал мистер Гомер.

Полицейский привел замочных дел мастера в мужскую комнату, где мистер Эткесон разговаривал через дверь с мистером Джерри Финном. Мистер Эткесон зашел уже так далеко, что достал из своего портфеля бланки договора, который он собирался тут же подписать. Ему пришлось на мгновение прервать приятный диалог, но только на мгновение, ибо Дик Гомер не первую дверь отпирал шпилькой для волос. С изумительным мастерством он погнул шпильку в разные стороны, вставил ее в скважину замка и распахнул дверь. Потрясенный узник недвижно сидел на крышке унитаза и смотрел на своих освободителей.

— Какой у вас инструмент? – спросил мистер Эткесон, сгорая от любопытства.

— Да, приятель. А ну, покажи свой инструмент, живо! — зарычал полицейский.

— У меня нет никакого инструмента, — отвечал Джерри невинно.

— Не придуривайся! — закричал полицейский, вытаскивая Джерри из необычной музыкальной комнаты. — Все равно мы тебя заставим признаться.

Дик Гомер злорадно усмехнулся, ибо он знал чикагскую полицию. Джерри беспомощно взглянул на мистера Эткесона.

— За что вы на меня напустились? — спросил он дрогнувшим голосом.

— За культурное безобразие в общественных местах, — ответил полицейский и хотел было схватить Джерри за рукав.

Но тогда вмешался мистер Эткесон.

— Вы не вмешивайтесь, — заявил он полицейскому.

— Вот как!.. — проворчал коренастый блюститель порядка.

— Да, ступайте своей дорогой.

— С вас причитается доллар, — заметил мастер отмычек.

Мистер Эткесон сунул руку в карман и дал ему целую пригоршню мелочи. Затем, изобразив на своем круглом лице светлую улыбку, он сказал Джерри:

— Вы очень заинтересовали меня, очень заинтересовали...

Полицейский снова повел атаку на Джерри, но тут уж мистер Эткесон рассердился. Он взял небольшой разгон, втолкнул полицейского в музыкальное помещение и захлопнул дверь. Затем он сказал Джерри:

— Пойдемте, у нас может получиться хороший бизнес.

Из маленькой кабинки послышались очень резкие слова и последовали энергичные действия. Но дверь опять была крепко заперта на внутренний замок, и никаким нажимом на ручку невозможно было ее открыть. Мистер Эткесон и Джерри вышли из помещения, полного запахов, оставив полицейского совещаться с Диком Гомером.

— Они у меня еще получат чертей, — ревел полицейский в бешенстве. — Отопри дверь, Дик!

— Чем?

— Шпилькой, конечно.

— Я ее выбросил.

— Найди новую! Ну, поторопись! Мое дежурство сейчас кончается.

Отмычка-Дик получил теперь отличную возможность потянуть со своего старого гонителя.

— Сколько заплатишь?

— Ни цента. Открой дверь, а не то я тебя закую в цепи.

— Хорошо. Тогда заковывай.

— Дам доллар! — закричал полицейский, чувствуя, что делать нечего.

— Сойдемся на двух.

— Вымогатель! Я сделаю так, чтобы тебе всыпали.

— Ол райт! Давай, сыпь. Я пошел.

— Нет, нет... Не уходи! Получишь два доллара.

— Ясно, — ответил замочный мастер, достал из кармана маленькую отмычку и отпер дверь.

* * *

Джерри сидел рядом с мистером Эткесоном на переднем сиденье новехонького кадиллака и теперь уже непоколебимо верил, что находится в стране великих возможностей.

— Я собрался было в Голливуд, — сказал мистер Эткесон, — но ничто мне не помешает отложить поездку на завтра. Да, мистер Финн, как я уже сказал, ваша музыка меня интересует. Если только запись будет удачной, вам больше никогда не придется унижаться до хиропрактики или до педагогики.

Джерри откровенно рассказал мистеру Эткесону свою краткую биографию, и теперь они ехали в студию Международного объединения граммофонной музыки.

— Вы когда-нибудь играли с аккомпанементом? — спросил мистер Эткесон.

— Я никак не играл, — отвечала будущая музыкальная звезда.

— Да, я не успел спросить вас, умеете ли вы читать и писать?

— Умею...

— Вопрос мой немного глуп, конечно, но, поскольку среди артистов грамотность вообще довольно редкое явление, я вынужден был задать этот глупый вопрос.

Они въехали на Северную Мичиган-Авеню и попали в автомобильный затор. Скорость упала до пятнадцати миль в час. Мистер Эткесон угостил своего пассажира большой, размером с тепличный огурец сигарой и рассказал следующее подлинное происшествие, участники которого живы и по сей день:

— В Алабаме — там, где растет хлопок, — была ферма. А на ферме работала молодая девушка Мириам Нэккербоккер. Славная девушка. Один алабамский завод удобрений организовал три года назад конкурс красоты. И — что поделаешь: Мириам Джозефина Нэккербоккер вышла победительницей. Мисс Навозница привлекла также внимание Голливуда, и специально для нее был написан сценарий «Очаровательная дочь фермера». Фильм имел исключительный успех. Мисс Бетти Бонди (это было артистическое имя мисс Нэккербоккер) вдруг стала знаменита своей улыбкой. Вы, наверное, видели ее портреты на рекламах табачных изделий и пива? Ее

улыбка действительно не имеет себе равных. Поэтому кинопродюсеры застраховали ее улыбку на сто тысяч долларов. Большая сумма, принимая во внимание, что все мы обычно стараемся улыбаться на фотографиях. Ну вот, и что же? Для Бетти Бонди написали другой сценарий: «Прелестнейшая в мире улыбка». Но тогда произошло непредвиденное: мисс Бонди вдруг перестала улыбаться. Продюсеры, директора, корреспонденты, представители страхового общества и люди рекламы старались изо всех сил, но не могли вызвать у мисс Бонди улыбки даже щекоткой. Наоборот, она то и дело разражалась слезами, предавалась грусти и выглядела очень неважно. Тогда к ней вызвали врача. Он задал мисс Бонди несколько обычных вопросов.

— Почему вы перестали улыбаться? Неужели вы не знаете, мисс Бонди, что ваша улыбка стоит миллионы?

Мисс Бонди указала на стол, где лежала большая груда писем ее поклонников — пламенных, страстных, боготворящих, безумных писем.

— Как же мне улыбаться, если я получаю в день по пятьсот писем и больше, — грустно сказала мисс Бонди.

— Вы должны радоваться этому, — пробовал доктор утешать ее.

Мисс Бонди печально покачала головой и, зарыдав, сказала:

— Я не могу радоваться, потому что не умею ни читать, ни писать...

Мистер Эткесон повернулся к Джерри и спросил:

— Теперь вы, наверное, поняли, почему я поинтересовался, умеете ли вы читать и писать, мистер Финн? А, кстати, верно ли, что у вас на родине грамотность уже стала всеобщей?

— Да, безусловно, мистер Эткесон. По грамотности маленькая Финляндия — первая страна в мире.

Мистер Эткесон улыбнулся:

— Я не верю этому, мистер Финн.

Джерри не стал возражать, потому что думал о своем будущем.

Студия Международного объединения граммофонной музыки помещалась на шестнадцатом этаже большого фирменного здания. Мистер Эткесон ввел Джерри в роскошно обставленный кабинет, из окон которого открывался узкий горизонт: стена небоскреба, серая стена без окон. Мистер Эткесон был человеком действия, который умел заставить людей и доллары работать. Он вызвал двух техников, дал им немногословные указания, а затем обратился к Джерри:

— Теперь мы попробуем, ложится ли ваш голос на пленку. Вы знаете ноты?

— Знаю... В общих чертах...

— Хорошо. Как я уже говорил вам по пути, для напевания популярных песен-боевиков голос не должен быть большим, диапазон чуть больше октавы — этого вполне достаточно. Чистота мелодии

может немного нарушаться, так как при этом возникает новый ритм. А нам теперь нужно что-нибудь новое, новое, мистер Финн. Так постарайтесь, покажите, на что вы способны.

Мистер Эткесон отдал свою находку в распоряжение техников и бросился на диван отдыхать. Он был доблестным бесстрашным Колумбом современной музыкальной записи, имя которого, несомненно, войдет в историю мировой музыки. Какой-нибудь Тосканини, Вальтер или Стоковский, разумеется, могут возражать, могут быть иного мнения на этот счет, но это не имеет никакого значения, ибо их мнение никогда не станет общественным мнением: для демократии они совершенно безопасны.

Сигнальная табличка на стене загорелась красным светом, оповещая о начале записи. Мистер Эткесон включил динамик и весь обратился в слух. Напеватель боевиков исполнил первым номером финскую народную песню: «Горюю с самого рожденья», а затем в сопровождении фортепьяно — «Там, за лесом».

Мистер Эткесон был охвачен дрожью. Его сердце стучало, как машина, печатающая денежные знаки. Он порывисто схватил телефонную трубку и позвонил в студию.

— Превосходно, только перемените ритм. Вы пели как медленный вальс, а нам теперь нужны фокстрот и румба.

Он положил трубку и снова принял позу покоя. Исполнитель на гребешке продолжал творить свое будущее. На этот раз он исполнил под аккомпанемент фортепьяно финские народные мелодии: «Беги, мой олень» и «Кто же мне истопит баньку».

Мистер Эткесон вскочил и стал потирать пухлые руки. Он думал вслух:

— Кто бы мог предвидеть, что в клочке туалетной бумаги и гребешке таятся миллионы!..

Джерри, который в сопровождении техника вошел в кабинет, выглядел так, точно принял глистогонное. Мистер Эткесон знал по собственному опыту, что исполнителей боевиков не следует особенно хвалить, пока не подписан договор. Поэтому он поздравил свою новую находку очень сдержанно:

— Из вас может что-нибудь получиться, мистер Финн.

Техник-звукооператор стоял у двери, ожидая распоряжений и указаний. Он подал мистеру Эткесону ярлык, в который надо было внести необходимые данные. Пробежав его, мистер Эткесон спросил у Джерри названия песен и имена авторов. Услыхав, что мелодии представляют собой общее достояние финского народа, он довольно усмехнулся:

— Великолепно. Мы несколько изменим их темп, и пусть автором будет популярный Боб Пеглер. Или у вас имеются какие-нибудь возражения, мистер Финн?

Джерри глупо замотал головой, потому что думал о своем будущем. Теперь мистер Эткесон обратился к технику:

— Позвоните Бобу Пеглеру, чтобы он немедленно ознакомился с этими мелодиями и зарегистрировал на них авторское право. Да, и потом — названия мелодий? «Горюю с самого рожденья» — совершенно невозможное название. Если бы это была азиатская мелодия, то еще куда ни шло, но в Америке каждый человек радуется с самого рожденья. Я предлагаю назвать: «Вечная тоска любви». Музыка Боба Пеглера, исполняет Джерри Финн.

Мистер Эткесон ожидал мнения Джерри, но наш герой все еще думал о своем будущем и только утвердительно кивал головой. «Там, за лесом» назвали «Я жду тебя, любимый мой, в прерии ночной». Песня «Беги, мой олень» пошла в большой мир под именем «Страстная любовь». А старинная народная мелодия «Кто же мне истопит баньку» превратилась в современный экосез Боба Пеглера «Беспечная любовь ковбоя».

Джерри почувствовал острую боль в сердце, но затем вспомнил, что Боб Пеглер делал из музыки Брамса и Бетховена разухабистый джаз, таким образом, новое грехопадение совершалось на базе старых традиций.

Техник словно ожидал чего-то еще. Он повертел ярлык между пальцами и спросил почти шепотом:

— Сколько их делать?

Мистер Эткесон не ответил. Он взял бумажку из рук техника и проставил перед каждой мелодией скромную пометку: триста тысяч экземпляров.

Техник, пятясь, вышел из комнаты, и Джерри остался наедине со своим благодетелем. Мистер Эткесон сел за стол, с бешеной скоростью выписал чек на тысячу долларов и протянул его гражданину вселенной. Джерри взглянул на чек, и губы его задрожали:

— Нет, нет, мистер Эткесон... Я не могу это принять...

Благодетель взял чек назад и выписал новый. Джерри уставился на цифры: тысяча долларов превратилась в две тысячи. Он больше не возражал. Он почувствовал головокружение и на миг зажмурил глаза. Мистер Эткесон был немного изумлен.

— Это лишь маленький задаток, мистер Финн, — объяснил он. — Если все будет удачно, вы получите большие гонорары.

Джерри ощупал чек, и ему вспомнились сотни безвестных виртуозов артистической трущобы Нью-Йорка, которые давали концерты по дворам, а обедали в «Оазисе». Их никто никогда не открывал. Надо бы им поиграть в какой-нибудь вокзальной уборной. И лучше не на скрипке, а на гребешке.

— А теперь, мистер Финн, — произнес после короткой паузы первооткрыватель неизведанных просторов музыкального искус-

ства, — надо обновить ваш костюм. Мой секретарь вам поможет. Советую поселиться в отеле «Голландия». К работе приступите послезавтра.

Мистер Эткесон вызвал секретаршу и дал ей краткие, но очень точные указания. Молодая секретарша была совершенным двойником Мэрилин Монро. Глаза у нее были зовущие, а свежий сочный рот напоминал туз червей. Она владела стенографией и женской привлекательностью. Ее красивый наряд был похож на удачный тост: достаточно длинный, чтобы подчеркнуть все основное, и достаточно короткий, чтобы публика не утратила интереса.

Мистер Эткесон отдал виртуоза расчески на попечение своей секретарше, а сам вызвал к себе заведующего рекламой. Новую продукцию надо было начинать немедленно рекламировать. Фрэнк Синатра и Эдди Фишер должны были на время посторониться, ибо их пластинки уже имели достаточно хороший сбыт на рынках Европы. Новое имя начиная со следующего дня было ДЖЕРРИ ФИНН, всемирно поразительный музыкальный виртуоз, Паганини нового времени!

* * *

Когда американская миссис Фортуна начнет улыбаться, ее улыбка рассыпает доллары. Это приятное открытие сделал и гражданин вселенной Джерри Финн, чудесный найденыш современной музыки. За три недели его пластинки были распроданы в количестве более шести миллионов экземпляров. Известная финская шуточная песенка о старых девах, исполненная Джерри Финном в обработке Боба Пеглера, в первый же день вошла в число бестселлеров. Каждому хотелось услышать чудесное произведение музыкальной литературы, в названии которого отсутствовало слово «лю-

бовь» — эта вещь называлась «Четвертый позвонок», — коронный номер исполнителя боевиков Джерри Финна.

Имя Джерри Финна непрестанно вертелось теперь у каждого грамотного и неграмотного гражданина на устах и в ушах. Величайший в мире завод гребешков начал выпускать расчески марки «Джерри», а огромные бумажные комбинаты выбросили на рынок многие мили туалетной бумаги «Джерри» в рулонах. Кроме славы и почета, фирмы присылали Джерри чеки и свою продукцию. В один прекрасный день он продал оптовым базам более пяти тысяч полученных в подарок гребешков и столько туалетной бумаги, что ее хватило бы населению большого государства на целый год — как для музыкальных целей, так и для использования по прямому назначению.

Но одновременно со славой пришло и проклятие известности. Джерри чувствовал себя пленником. Международное объединение граммофонной музыки боялось, как бы Джерри не перешел на службу в какую-нибудь конкурирующую компанию, на радио, на телевидение или в кино, и поэтому к нему приставили специальную охрану. Два частных сыщика, оплачиваемые мистером Эткесоном, ходили за ним по пятам. Газетные корреспонденты и фоторепортеры могли проникать к нему в роскошный номер гостиницы только по специальному разрешению мистера Эткесона. Лишь через два месяца, когда материк уже был наводнен пластинками Джерри Финна, ему позволили свободно передвигаться и выступать по радио и на благотворительных концертах.

В один февральский вечер Джерри зашел в бюро розыска, чтобы навести справки о Бобо. Но ему пришлось вернуться ни с чем. Психолог не подавал никаких признаков жизни. Позднее Джерри узнал, что выборы владыки «хобо» были проведены в Нью-Йорке. В трущобе Бауэри была избрана королева «хобо», портрет которой поместили в «Нью-Йорк таймс» на странице политических новостей.

Вернувшись на свободу, Джерри начал избегать свободы. Каждый встречный натирал себе губы расческой, завернутой в туалетную бумагу. «Четвертый позвонок» породил национальную эпидемию, более страшную, чем йо-йо и жевательная резинка. В домах, церквах, ресторанах, больницах, на всех видах транспорта и в общественных уборных играли теперь «Четвертый позвонок». Любимая мелодия публики стала для Джерри ненавистной. Он начал замыкаться в себе и решительно отказывался подносить гребень к губам.

В течение четырех месяцев он получил более трехсот тысяч долларов. И все же он не был счастлив. Он хотел покоя, хо-

тел убежать куда-нибудь, где не слышно «Четвертого позвонка». Следуя совету мистера Эткесона, Джерри поместил свои деньги в три надежных банка. Они, все три, были самые большие и самые надежные в мире.

Эпидемия движется волнообразно, подумал Джерри, когда мистер Эткесон однажды объявил, что спрос на пластинки Джерри Финна день ото дня уменьшается. Это было как бы деликатным намеком, что, мол, мистер Финн может, если желает, уехать из Чикаго, чтобы приехать обратно, когда потребуется. Джерри снял со своего счета все авторские отчисления и начал собираться в дорогу. Воображение влекло его в Южную Америку и на острова Вест-Индии. Но раньше он хотел повидать психолога Минвегена, хиропрактика Риверса и, может быть, также свою жену, от которой он за последние месяцы получил больше сотни писем, до сих пор оставшихся нераспечатанными. Джерри догадывался об их содержании: Джоан, наверно, занялась игрой на обернутом туалетной бумажкой гребешке марки «Джерри».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

или последняя, в которой гражданин вселенной Джерри Финн заканчивает свой круг и возвращается назад к исходной точке

«Уолдорф-Астория» была единственно подходящей гостиницей для человека, который получал больше, чем успевал проматывать. Артист Джерри Финн подвизался в этом избранном сословии. Он прилетел в Нью-Йорк на самолете и поселился пока что в «Уолдорф-Астории». Это произошло первого апреля пятьдесят третьего года, когда Америка переживала апрельскую шутку, организованную сенатором Маккарти. По случайному совпадению оба шутника — сенатор и виртуоз с гребешком — получили номера на одном и том же этаже, так что охотники за автографами имели возможность сразу убить двух зайцев — если позволительно так выразиться.

Джерри позвонил портье и заявил, что хочет жить в неизвестности и наслаждаться покоем.

— Слишком поздно, мистер Финн, — ответил портье. — В последних известиях по радио уже сообщили, что вы живете в нашем отеле. К тому же газетчики и фоторепортеры...

— Скажите им, что я сразу же уехал, — прервал его Джерри. — Я дня два не желаю ни с кем встречаться.

— Но, мистер Финн, не лучше ли все-таки вам выступить открыто? Если вы будете что-то скрывать, то еще попадете на допрос к сенатору Маккарти. А ведь вы знаете, что...

Джерри положил трубку и сделался мрачным. Было еще только десять часов, но солнце уже поднялось высоко. Он отворил окно и впустил в комнату пыль и несколько мух. В этот день наступила весна и новое повышение цен. Пятая авеню, торговая артерия Манхэттена, предлагала покупателям модные новинки, цены на которые вовсе не были первоапрельской шуткой. Босяки с берегов Гарлем-ривер бросились на поиски новых квартир, потому что перевернутые лодки, дававшие им приют, были спущены на воду. В воздухе действительно веяло весной. Но все-таки Джерри закрыл окно и лег на диван. Ему невмоготу было слушать доносившиеся с улицы весенние голоса. Всюду играли и напевали «Четвертый позвонок»...

Успех убил мечты. Джерри поднялся со дна и проснулся на вершине. Секрет успеха обычно всегда оставался секретом, поскольку

лишь очень немногие преуспевали. Успех Джерри больше уже не был секретом. Каждому было известно, что он сколотил приличное состояние весьма беззаботным способом.

Ничто не могло удержаться в секрете. Даже состояние Джерри, сжатое в очень маленьком объеме: на трех банковских книжках. Около полудня в номер к нему вошли два аккуратно одетых господина, жизненная задача которых состояла в том, чтобы заботиться о денежных делах граждан. Один из них был примерно в возрасте Джерри, плечистый, как мамонт, румяный, с открытым взглядом; имя его было Рот. Второй назвался мистером Риттером. Они старательно произнесли свои фамилии по буквам, обнажили головы и заговорили внушающим доверие языком банкиров, в котором слово «доллар» звучало особенно красиво. Мистер Рот являлся основным оратором, а мистер Риттер поддерживал и подкреплял его речь.

— Мистер Финн, — начал мистер Рот торжественно. — Мой чикагский друг Говард Эткесон — вы ведь его знаете?

— Да, конечно, знаю очень хорошо.

— ...сообщил мне, что вы вложили довольно значительную сумму долларов в три разных банка: Национальный торговый банк, Первый национальный банк и Новый торговый банк Средних Штатов. Это верно, мистер Финн?

— Верно, но...

— Разрешите мне все объяснить, мистер Финн! Все названные мною банки являются исключительно надежными финансовыми учреждениями. Я знаю их финансовое положение, как свои карманы. Но — тут я перехожу собственно к делу, ради которого мы осмелились вас потревожить, — они выплачивают по вкладам лишь полтора процента годовых. Не так ли обстоит дело, мистер Финн?

— Так, но...

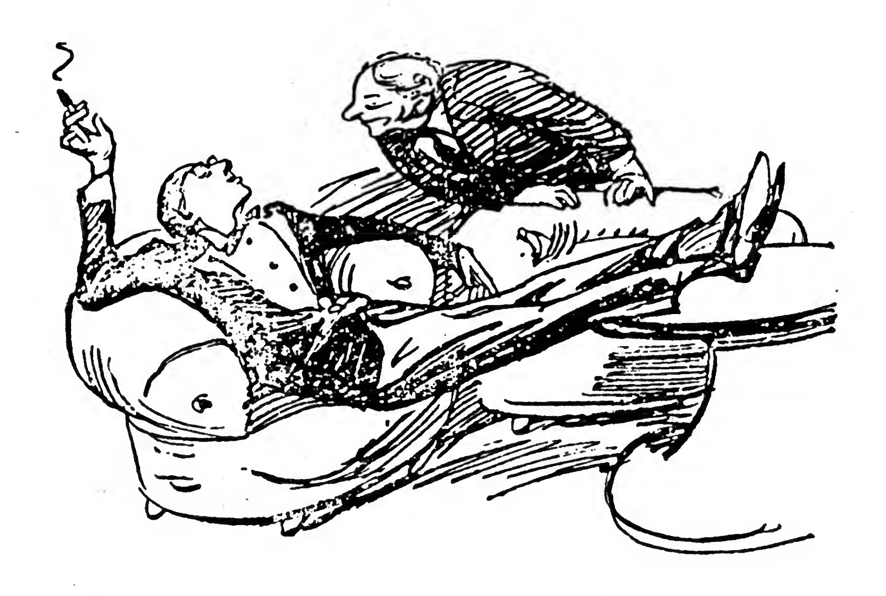
— Простите, я продолжу, мистер Финн. Мы, мистер Риттер и я, представляем все-таки немного более авторитетное финансовое учреждение: Национальный банк финансистов, который не принимает вклады от мелких вкладчиков. Минимальная сумма вклада установлена в двести пятьдесят тысяч долларов, зато выплачиваемый доход — два с половиной процента годовых. Заметьте: на десять долларов с тысячи больше, чем в других банках. Причем, все вклады гарантируются от инфляции, так что риска вообще не существует никакого.

Джерри все еще пребывал в некотором смятении, потому что раньше ему не приходилось слышать таких ясных речей. Он испытывал какое-то почтение к финансистам, которые отдавали всю свою нежность и любовь доллару.

— Чего вы всем этим добиваетесь, мистер Ро... Ро...

— Эр-о-тэ. Рот, мистер Финн.

— Да, какая же у вас цель, господа?

— Помочь вам, мистер Финн, поместить ваши денежки так, чтобы они были в надежной сохранности и наращивали проценты обильнее, чем в другом месте. Мы, разумеется, не филантропы. Отнюдь нет, мистер Финн. Мы только банкиры, которые действуют в интересах своих вкладчиков, а в то же время и в своих собственных интересах. Мой друг Говард Эткесон звонил мне утром — вы же знаете Эткесона — и просил помочь вам.

— «Мистер Финн недавно прибыл из Европы, — сказал он, — и еще недостаточно хорошо знаком с порядками нашей страны. Помогите ему устроить денежные дела». Так сказал мистер Эткесон.

— Да, именно так он сказал, — подтвердил мистер Риттер, впервые разжав свои плотно стиснутые губы.

И мистер Рот продолжал:

— Итак, мы вам рекомендуем, мистер Финн, поместить ваши деньги в Национальный банк финансистов. Сразу же вы можете открыть чековый счет. Подумайте, как практично держать все деньги в одном банке! И в то же время это безопасно. Я советую вам обеспечить вашу банковскую книжку условием.

— Что это значит? — спросил Джерри.

— Это значит, мистер Финн, что по вашей книжке сможет получить деньги лишь тот, кто знает ваш специальный секретный пароль, иначе говоря, только вы сами или какое-то ваше доверенное и специально уполномоченное лицо. Таким образом, нет никакой опасности даже в том случае, если бы ваша книжка пропала: не зная вашего секретного пароля, ею все равно никто не сможет воспользоваться.

Деньги обладают способностью говорить и прекращать речи. Чем легче деньги достались, тем громче они говорят. Лишь те, кто имеет в своем распоряжении достаточно много денег, могут высокомерно заявлять, что деньги — это не самое важное на свете.

После получаса деловых и исключительно красноречивых объяснений Джерри Финн согласился поместить свои деньги в новый банк, название которого внушало доверие и тайное отвращение. Он последовал за банкирами и в первый раз в жизни почувствовал настоящее уважение к себе. За рулем восьмиместного кадиллака мистера Рота сидел шофер в ливрее, который первым делом попросил у Джерри автограф. Машина тронулась, шофер напевал «Четвертый позвонок».

* * *

Джерри вернулся в гостиницу около четырех; в кармане у него была маленькая банковская книжечка и книжка чеков. Мистер Рот говорил, что только фермеры и контрабандисты носят деньги в карманах — джентльмен имеет чековую книжку. Теперь он был почтенным клиентом Национального банка финансистов — нечаянно разбогатевший и по воле чудесного случая музыкант...

Легко пообедав в ресторане отеля, Джерри вызвал такси и поехал в Бауэри. Он хотел встретиться с Бобо, которого не видел уже пять месяцев. В Бауэри весна была в полном разгаре, и ребятишки бегали босиком. На тротуарах, громко разговаривая, сидели мужчины и женщины. Джерри приветствовал их, но лишь немногие отвечали на приветствие. Они подозрительно смотрели на костюм незнакомца. Только торговцы недвижимостью да гангстеры могли одеваться так элегантно.

На площади Ривер Авеню происходил митинг какой-то новой религиозной секты. В центре собравшейся толпы можно было разглядеть десяток автомобилей. Джерри обошел толпу и вошел под кров своего бывшего жилища. Жильцы уже снова сменились. В загроможденном подвальном помещении сидели двое пожилых мужчин, которые тревожно переглянулись при появлении Джерри.

— О, да здесь новые хозяева! — сказал он бодро.

— Новые? — удивился один из жильцов, у которого на правой руке были только большой и указательный пальцы.

— Да, раньше я вас здесь не видел.

Босяки снова переглянулись.

— Вы знаете профессора Минвегена? — спросил Джерри.

Мужчины отрицательно покачали головами.

— Его называют Бобо, — добавил Джерри. — Я его друг. Мое имя Джерри. Я жил в этой самой комнате прошлой осенью.

Человекобоязненные подонки общества немного осмелели и почувствовали себя свободнее. Тот, у которого на правой руке было только два пальца, наконец издал звук:

— Ага. Он только что ушел.

— Куда?

— На улицу. Сегодня его черед слепым быть...

Другой жилец, у которого было большое синее пятно на лбу, тоже вступил в разговор:

— Так ты, наверно, тот самый музыкант на клозетной бумаге?

Джерри вздрогнул.

— Да, я...

— Вот красота, — продолжал мужчина с пятном на лбу. — А этот Бобо вообще — того, сумасшедший. Его надо в госпиталь... У него кое-что не в порядке.

Мужчина постучал пальцем по своему лбу.

— Возможно, — сдержанно согласился Джерри. — А когда Бобо вернется?

— Когда достанет кварту виски и чего-нибудь пожрать. Он не посмеет прийти с пустыми руками, раз мы обещали надавать ему по морде.

«Бедный Бобо», — подумал Джерри со вздохом, сел к столу и достал из кармана чековую книжку. Он написал чек на двести долларов и дал его тому босяку, у которого была метка на лбу.

— Передай Бобо это и привет от меня.

Джерри собрался уходить, но в дверях остановился, подумал секунду и сказал:

— Скажите Бобо, чтобы он позвонил мне завтра. Я живу в отеле «Уолдорф-Астория»...

— «Уолдорф»... — удивился меченый. — У меня там есть свой человек. Он там лифтером. Братишка мой. Говорят, это шикарное место.

Семипалый, оказалось, тоже знает гостиницу.

— Говорят, там всякую жратву подают на золотых тарелочках.

— Ну, это немного преувеличивают, — усмехнулся Джерри.

— А я слышал, там женщины купаются в молоке, — сказал меченый. — И до того они изнежены, что даже писают через шелк...

Жильцы трущобы начали соревноваться в осведомленности, и на закваске воображения все сведения у них раздувались до колоссальных размеров. Состязание перешло постепенно в словесную перепалку. Семипалый жилец уверял, что на кухне гостиницы — как он слышал от верных людей — варят картошку в чистом виски, а тесто для булочек замешивают на ликере. Тот, что с отметиной на лбу, считал это сказками и обещал узнать все доподлинно у своего брата, лифтера. Мужчины уже взялись за грудки, но тогда Джерри угостил каждого сигарой и стал расспрашивать, не знают ли они, где теперь профессор Пекк и Максуэлл Боден-

хейм. Ни того ни другого уже не было. Профессор Уолтер Эрвин Пекк в однопрекрасное утро был найден в пустынном переулке с простреленной головой, а поэт Боденхейм попал в какую-то лечебницу для алкоголиков.

— К зеленым чертикам, — сказал человек с меченым лбом. — И этот Бобо скоро угодит туда же. Он уже до того обезумел, до того помешался, что все время говорит только о человеческой душе...

Джерри оставил жильцов подвала курить сигары, а сам вышел на улицу. Солнце опустилось за каменные стены, а полицейские радиоавтомобили выехали в очередной объезд. Над Бауэри темнел весенний вечер, а над Радио Сити зажигались миллионы неоновых огней.

Два дня Джерри прожил более или менее спокойно. Он наслаждался удобствами жизни и писал чеки. Он никогда ничего не писал с таким удовольствием, — за все время его литературной деятельности это были самые чудесные творческие минуты. Но затем ласковое спокойствие начало превращаться в беспокойство. Однажды утром к нему в номер ворвалась миссис Говард из Бруклина, которая заявила:

— Доктор, теперь вы можете взять щенка Лауры. Ах, мистер Финн! Он уже так вырос! А какие уши! Если вы, доктор, завтра придете за ним, я сразу же рекомендую вас в бруклинский Спаниель-клуб. Что вы думаете, доктор, если мы назовем его Герберт? Это как раз самец.

Джерри соглашался со всеми предложениями и обещал забрать Герберта через пару дней. Едва только миссис Говард успела закрыть за собой дверь, как явилась делегация Американского союза музыкантов-любителей в составе шести человек для сообщения о том, что Союз избрал артиста Джерри Финна своим почетным членом. При этом ему преподнесли роскошный адрес, в котором высказывалась благодарность новому почетному члену за ту драгоценную и самоотверженную работу, которую он, не щадя усилий, проводит на благо развития музыкального искусства в Новом свете. Джерри был глубоко тронут столь большой и столь неожиданной честью и обещал пожертвовать Союзу во время весенней кампании по сбору средств пятьсот штук расчесок «Джерри» новейшей модели и тонну туалетной бумаги.

Когда делегация удалилась, Джерри позвал коридорного и не велел больше никого пускать.

— Мне нездоровится. Я не хочу никого видеть.

— О'кэй, мистер Финн, — ответил юноша.

— Постойте! Я сделаю одно небольшое исключение. Если меня спросит профессор Минвеген — пусть он войдет. Это мой личный врач.

Слуга записал имя в книжечку и сказал, уходя:

— О'кэй, мистер Финн. Только личный врач Минвеген...

Джерри пошел в ванную комнату и собирался начать бриться, как вдруг услыхал сильный шум и крики, доносившиеся из коридора. Он поспешил к двери и стал прислушиваться. Казалось, за дверью кто-то боролся и царапался. Вдруг раздался треск, и дверь распахнулась. На красном ковре коридора лежала победительница — миссис Джоан Финн.

— Какой бессовестный мальчишка! — воскликнула она. — Не хотел меня пускать!

Джоан поднялась, вошла в комнату и закрыла за собою дверь. Джерри смутился, но не испугался. Какая-то непостижимая сила придала ему храбрости. Он был, точно гладиатор, для которого храбрость имела большее значение, чем жена, поскольку он все равно не мог обладать и тем и другим.

— Джерри, — проговорила Джоан, обвив руками его шею. — Почему ты не отвечал на мои письма?

— Не успел...

— Господи, какой ты милый! Я все еще могла бы тебя любить.

Джоан поцеловала мужа, отпустила его шею и вздохнула:

— Но теперь уже поздно. Вероятно, уже поздно. Ты даже не предлагаешь мне сесть?

— Пожалуйста, прошу! Ты куришь?

— Конечно.

Джерри дал жене сигарету, предложил огня и сам сел рядом с нею. Он чувствовал себя в положении обвиняемого. Задача его была только отвечать, а не спрашивать. Джоан казалась бодрой и еще более женственной, чем раньше. Ярко-синее нейлоновое платье было, по-видимому, первый раз надето, потому что на подоле еще виднелся след магазинного ярлычка. Шляпка и туфли тоже казались новыми. Система торговли в рассрочку поспевала за модой и одевала женщин в весенний наряд.

Джоан была блестящая женщина. Просто великолепная. Она не стала пилить беглеца тупыми словами попреков. Нет! Ее красивый рот был точно деловой колокольчик, который не знает ни минуты покоя. Джерри не возражал ничего, ибо он был тренированным слушателем. Стремительное течение слов, казавшееся успокоительной музыкой, действовало, подобно валерьянке или покачиванию детской колыбели.

— Я знаю, что ты меня больше не любишь. Иначе ты не оставил бы меня. О, Джерри, милый! Жизнь чудесна. Прекрасно быть женщиной, которая родилась красивой. Сначала я было пришла в отчаяние, когда мои изысканные картины оказались в подвале соседнего дома. Я не могла понять, как они туда попали. Но потом я поверила, что ты покончил с собой, — ты исчез так странно. О, как я плакала! В самом деле я плакала. Потом Чарли попался. Совсем из-за пустяка. Люди бывают иногда такими мелочными! И если у че-

ловека недостаточно денег — он попадает в тюрьму. Чарли получил три года. Но я верю, что отдых будет ему полезен. Я вчера ходила на свидание с ним, и он был в очень хорошем настроении. У него блестящие планы. Как только его выпустят, он поступит на государственную службу. Государственному департаменту нужны люди, подобные Чарльзу, — у которых есть опыт во всяких делах. Ну, конечно, у Чарльза имеется также и много других возможностей. Он сможет сделаться хотя бы журналистом, а то и офицером или шпионом... Скажи, Джерри, ты еще любишь меня? Видишь ли, любить — всегда модно.

Джерри не отвечал. Джоан подумала и сказала:

— Не любишь. Но я не виню тебя. Ведь мужчина не может всю жизнь любить одну женщину. Хотя женщина и красива. И умна. И талантлива. Теперь ты великий артист, которым гордится весь мир. В Европе из тебя не вышло бы ничего, потому что там ничего не понимают. Ты преуспел. И я рада этому. Но, Джерри, милый, я тоже имела успех. Через два дня после того, как ты меня оставил, я познакомилась с новым человеком. Он очень образован: у него по крайней мере шесть миллионов долларов. Имя его Мильтон Доро, дэ-о-эр-о. У него два игорных дома, роскошный бар и многое другое. У него имеются деньги, и он развелся с женой. В январе мы с ним провели три недели во Флориде — это было прелестное время. Мильтон, конечно, немного старше тебя, но он еще в хорошей форме. О боже мой, если бы ты увидел его мускулы! Он любит меня совершенно безумно и во Флориде по крайней мере раз десять дрался за мою честь. Джерри, милый, что делать, если все мужчины сходят из-за меня с ума? И они готовы были взять меня насильно. Но Мильтон не отдал. Если мужчина ревнует, значит, он любит женщину. Женщины ревнуют всегда. Все, кроме меня. Мне не надо ревновать, потому что я всегда пользуюсь успехом. Все мужчины влюбляются в мои глаза и в мои таланты. Мильтон всегда говорит, что у меня красивая душа. О, он иногда говорит и разное другое, красивое... Кстати, Джерри, милый, спина у меня совершенно здорова. А скажи, ведь ты для меня сочинил теперь «Четвертый позвонок»?

— Для тебя.

— Я так и подумала! Но я не посмела сказать об этом Мильтону, потому что и он тоже очень любит эту вещь. Мы иногда вместе играем «Четвертый позвонок», у нас вообще очень мило. Мильтон тоже музыкален. И образован. Он мог бы купить хоть весь мир. Но, Джерринька, миленький, скажи мне прямо: ты меня любишь?

Джерри удержал слова, готовые сорваться с губ. Наконец он произнес тихо и серьезно:

— Нет.

Во взгляде Джоан сверкнуло веселое пламя. Она схватила мужа за руку и радостно воскликнула:

— Великолепно, Джерри! Тогда ты, наверно, согласишься на развод немедленно?

— Согласен.

— О Джерри! Ты божественный! Ты прямо бог! Эта сторона в тебе меня восхищает.

— Сколько ты требуешь? — спросил муж серьезно.

— Ни доллара. Видишь ли, у Мильтона есть деньги.

— У меня тоже.

— У Мильтона наверняка больше. Я осмелюсь поклясться, что у него больше. Он везде дает на чай по десять долларов и пьет только шотландское виски. Мильтон говорит, что, если ты сразу согласишься на развод, он женится на мне и к ближайшим выборам выставит свою кандидатуру в конгресс. Видишь ли, Джерри, миленький, конгрессмену необходима представительная жена, которая помогает мужу делать предвыборную рекламу. Я же могу и петь и танцевать.

Джерри восхищенно смотрел на свою жену, которая говорила, как тибетская молитвенная машина. Вдруг Джоан встала, поправила прическу и сказала:

— Теперь мы должны идти. Если я задержусь слишком долго, Мильтон может подумать, что ты еще любишь меня. Он так ревнует, что всегда стережет меня. Его первая жена, говорят, была ужасно неверной. Раз они были в гостях в какой-то очень благородной семье и за то время, пока Мильтон всего лишь кое-куда отлучился, жена успела ему изменить. Ну вот, миленький, одевайся же поскорее, и мы пойдем вниз. Мильтон со своим адвокатом ожидает нас в баре гостиницы.

Джерри повязал галстук, надел пиджак и спустился в лифте с шестнадцатого этажа в обществе будущей миссис Доро. Мильтон Доро бросил на Джерри испытующий взгляд и без обиняков приступил к делу:

— Ну, приятель, что решил? Согласен на развод немедленно? Впрочем, на тебе лежит вина, раз ты бросил жену на произвол судьбы и стал бродягой. У меня точные сведения о твоих похождениях. Меня не проведешь. Если согласен, датируем развод февралем, тебе — полная свобода, а Джоан — моя.

Джерри было тяжело говорить. Он не был еще достаточно знаком с торговой и деловой жизнью, в которой лирика и драма деликатно уступают дорогу скупой на слова прозе.

— Ну, Джерри, отвечай же, когда Мильтон тебя спрашивает так красиво, — торопила его Джоан.

— Я согласен на все ваши требования, — проговорил Джерри серьезно. — Сколько я должен платить алиментов?

Мистер Доро расхохотался:

— Деньги певца — это пшик, а бизнесмен всегда будет держаться наверху. Джоан не нуждается в твоих медяках.

Затем мистер Доро обратился к своему юристу и сказал:

— Остальное уж твое дело. Действуй.

По случаю совершения сделки выпили. Затем Джерри поздравил мистера Доро и свою бывшую жену и попрощался с ними, пожелав им долгих лет жизни и прочих прекрасных вещей, а сам вернулся к себе в номер, где его ждали два коренастых джентльмена. Они представились, показав значки ФБР.

— Мистер Финн, — сказал один из сыщиков, — этот чек написали вы?

Он показал Джерри чек, выписанный для профессора Минвегена. Джерри осмотрел желтоватую бумажку, узнал свою подпись и ответил:

— Да, безусловно.

Тогда сыщик показал ему еще кучу чеков и осведомился:

— А эти?

Джерри бросил взгляд на плоды своего литературного вдохновения и ответил утвердительно:

— Все это написал я. Тут что-нибудь не так?

— Да. Эти чеки не обеспечены, — ответил сыщик сухо.

— Это невозможно! — воскликнул Джерри. — У меня в банке триста тысяч долларов. Хотите взглянуть? Вот моя книжка.

Сыщик перелистал изящно переплетенную книжечку, покачал головой и мрачно сказал:

— Мистер Финн, я вам сочувствую...

— Почему? Я не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы стали жертвой грубого обмана. Не вы один попали на удочку, но вас нагрели больше, чем других. Такого банка вообще не существует. Разрешите занять два часа вашего времени?

Подъем на вершину совершался быстро, но все-таки постепенно. А спуск с вершины вниз занял одно мгновение. Перекрестные допросы, протоколы, подписи, торжественные обещания — все пронеслось в диком, неудержимом темпе. Сыщики поехали с ним в банк, в который он третьего дня поместил весь свой капитал. Двери были заперты, и большое служебное помещение пустовало. Новое финансовое учреждение просуществовало всего каких-нибудь три часа. Затем оно было закрыто. Внушающие уважение банкиры и их красивые конторские девушки исчезли вместе с огромным состоянием.

Отпущенный после допросов на волю, Джерри вернулся к себе в номер и заплакал без слез, сухим мужским плачем. В кармане у него лежала двадцатидолларовая бумажка, а внизу, на первом этаже,

его ждал неоплаченный счет гостиницы. И именно теперь, когда он так нуждался в поддержке и утешении, пришло письмо из налогового управления, в котором требовали срочных объяснений по поводу укрытия доходов и неисполнения налоговой повинности. Джерри связался по телефону с Чикаго, но у мистера Эткесона как на грех оказался обеденный перерыв. Джерри передал его секретарше короткую телефонограмму: «Потерял все деньги. Гостиница не оплачена. Налоги не уплачены. Жду вашей помощи».

Через два часа пришла телеграмма:

Джерри Финну Отель Уолдорф Астория

Нью-Йорк Сити

Сожалею вашем счету только 60 долларов высылаю все-таки 200 долларов ваши пластинки не покупаются 150 миллионов человек теперь играют расческе постарайтесь найти новый инструмент переселитесь более дешевую гостиницу

Эткесон

Наш старый знакомый Исаак Риверс коротал вечер в скромном одиночестве, сидя у телевизора. От садистской уголовной драмы, в которой невидимый убийца умерщвляет свою жертву щекоткой и удушением, возникало ощущение бегающих по коже мурашек, отчего Исаак еще энергичнее налегал на пиво. Представление время от времени прерывалось рекламой табачных изделий. Исаак поискал другую программу и погрузился в перипетии сказочно блестящей жизни Аль Капоне. Вскоре, пресытившись и этим, он пустился в дальнейшие поиски зрелищ. Наконец он выключил телевизор и начал разглядывать самого себя. Он исключительно редко занимался самонаблюдением и теперь вынужден был признать, что ничего от этого не потерял.

Одни люди живут и учатся, другие — только живут. Исаак Риверс относился к последней категории. Жизнь его представляла собою по большей части гладкую равнину, где редко встречались большие подъемы и спуски. Он видел, что земля достается оптимистам, и потому сам тоже стремился быть оптимистом. Вопреки всему.

Время подходило к десяти, и в спальне Нью-Йорка готовились к ночной жизни. Исаак с минуту глядел в окно, на улицу, где лился бесконечный человеческий поток; потом зевнул во весь рот, бросил томный взгляд на постель и начал медленно раздеваться. Вдруг у входа послышался робкий стук. Исаак подумал: открывать или нет? Он за этот вечер уже отдал четыре доллара на различные благотворительные цели: на покупку спасательного круга для Ист-Риверского моста; на ликвидацию неграмотности в южных шта-

тах; на создание пенсионного фонда артистам кино и цирка, побывавшим на корейской войне, и на покупку бейсбольных принадлежностей для американской колонии в Пакистане. Исаак чувствовал, что на сегодня он уже выполнил свой гражданский долг, и потому решил не отворять. Но через минуту стук возобновился, и одновременно зазвонил звонок. Исаак очень неохотно подошел к дверям, приготовив на всякий случай монету в полдоллара. Он осторожно приоткрыл дверь и выглянул. У порога стоял Джерри Финн — его дорогой ассистент, из которого в два счета вышла американская знаменитость. Паганини Нового света, открыватель новых путей в музыке и зачинатель всенародного движения, человек, ради предоставления американского гражданства которому некий конгрессмен, любитель музыки, предложил внести особую поправку в действующие законы. Оба друга на мгновение замерли, едва не потеряв сознания от нахлынувших чувств. Наконец Джерри бросился в распростертые объятия своего опекуна и тихо проговорил:

— Исаак... Ты дал мне свое поручительство...

— В котором ты больше не нуждаешься, — сказал хиропрактик и немного ослабил свои тиски, охватившие музыканта.

— Пойдем, мой мальчик, выпьем по маленькой.

Джерри был угрюм и бледен, подавлен и молчалив. Но Исаак верил, что все это было вызвано большой радостью и болью их новой встречи.

— Я уж боялся, что ты позабыл меня, — сказал хиропрактик, наливая своему бывшему помощнику бокал, чтобы выпить с ним за встречу. — Ну, брат, как тебе нравится жизнь теперь, после стольких успехов и почестей?

Джерри выжал из своего лица насильную улыбку, какие можно видеть в богадельнях, и ответил печально:

— Исаак, как по-твоему, мог бы получиться из меня хиропрактик?

— Из тебя! Из тебя может получиться все что угодно. Ты самый талантливый человек в мире, и я горжусь тем, что ты был когда-то моим коллегой.

— Спасибо, Исаак, — сказал Джерри растроганно. — А теперь я снова пришел проситься к тебе на службу.

— Ты ведь уже сделал карьеру — и совершенно блестящую.

Джерри хотел что-то сказать, но губы его точно оцепенели, и мысли замерзли. Его инициатива погибла, и для этого даже не понадобилось обсуждения в государственном комитете. Доктор Риверс был удивлен, но потом подумал, что причина неразговорчивости Джерри кроется в его знаменитости. Да, конечно, ведь он уже так знаменит, что ему пора носить черные очки.

— Ты это серьезно? Ты в самом деле хотел бы снова стать моим напарником?

— Хотел бы, — ответил Джерри медленно, словно жених во время венчания. — Каждый умеет играть на гребешке, но хиропрактикой заниматься способны только немногие...

— Только избранные, — уточнил Исаак. — Тут нужен природный талант. Ну, давай выпьем еще!

Они выпили, после чего Исаак продолжал, вдохновляясь:

— А что ты думаешь, если мы снова организуем рекламный штурм — теперь, когда у тебя известное имя?..

— Я готов на все, вплоть до маленьких преступлений, — ответил автор «Четвертого позвонка». — Страсти масс легче всего раздувать трубными звуками и парадами...

— Что? — воскликнул Исаак, не поняв слов Джерри, которые были несчастными детьми мрачных мыслей.

— Я устал от известности, — продолжал Джерри задумчиво. — Мне хочется показать тебе, что я достоин твоего поручительства.

Он схватился за голову обеими руками, точно хотел поднять самого себя за волосы, но ограничился тем, что поднял рюмку и поднес ее к своим губам, предоставляя слово хозяину. Исаак что-то припоминал. Наконец в его поросячьих глазках блеснул веселый огонек, и он начал рассказывать радостную новость:

— Я чуть не забыл! Такая история! На прошлой неделе приходили два джентльмена, спрашивали твой адрес. Но я-то откуда знаю?

— Сыщики, должно быть? — спросил Джерри, и лицо его посерело.

— Нет, нет! Представители финского посольства, из Вашингтона.

Сердце Джерри не дрогнуло, ибо он отлично знал, что международное право держит в оковах армию страстных эгоцентричных желаний. Он не испугался, ибо знал, что страх порождает враждебность, а врагов вообще надо выбирать очень обдуманно и осторожно. Он прямо посмотрел в глаза своему хозяину и спросил:

— Они приходили с ордером на арест?

— Что такое? — воскликнул Исаак вторично. — О чем ты говоришь? Они хотели узнать твой адрес, потому что у них для тебя хорошие новости. Ты награжден высоким орденом...

— За что?

— За пропаганду в пользу Финляндии и в особенности за пропаганду финской музыки за границей... Эти господа говорили что-то в этом роде. Так-то, брат...

Джерри закрыл глаза и горестно вздохнул. Но два часа спустя он с достойным видом вошел в игрушечный магазин мистера Кроникопелоса и купил себе новый молоточек для проверки рефлексов. В связи с инфляцией цена молоточка поднялась теперь до тридцати центов. Но повышение цены не произвело на музыкально-позвоночного доктора особенно потрясающего впечатления, так как, получив молоточек, он заявил продавцу игрушек:

— Откройте для меня кредитный счет!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Литературно-художественное издание

МАРТТИ ЛАРНИ

Четвертый позвонок,
или
Мошенник поневоле

Редактор издательства Н. П. Ненахова

Рисунки художника *В. Горячева*

Корректор *И. Н. Сорочихина*

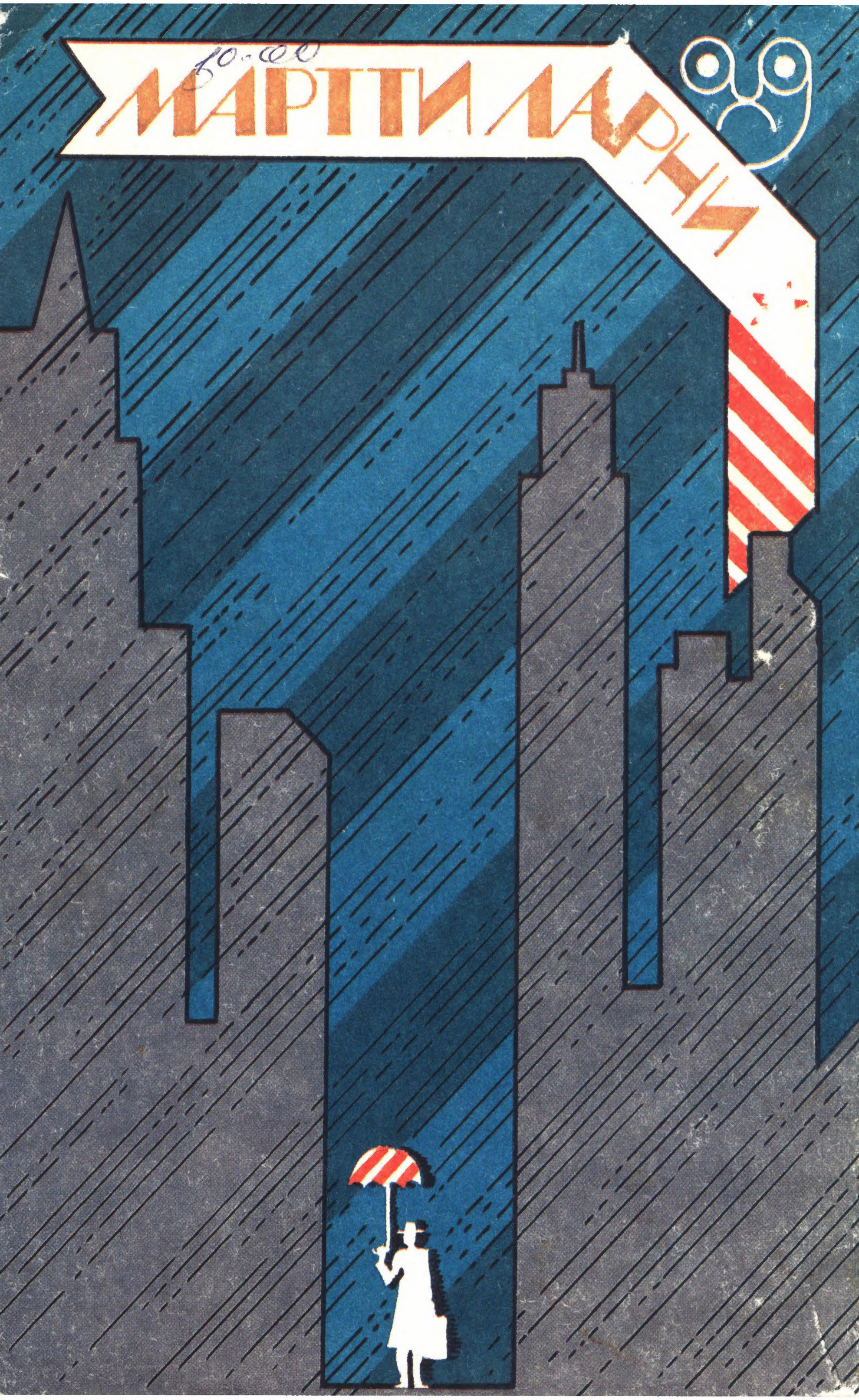
ИБ № 35

Сданo в набор 20.08.91 Подп. в печать 17.01.92 Формат 60 × 90 1/16
Бум. тип. № 2 Гарнитура Таймс Офсетная печать
Объем 17,0 п. л. Тираж 100 000 экз. Зак. тип. № 11
Зак. изд. № 003 С-7

10-00

Типография ИПО «Полигран»
125438, Москва, Пакгаузное шоссе, 1

Издание подготовлено к печати на ЭВМ в ИПО «Полигран»

МАРТТИ ЛАРНИ

